

КЛЕР МАКГОУЭН

ЧТО ТЫ
СДЕЛАЛА

КОГДА ТЫ ДУМАЕШЬ. ЧТО ПОТЕРЯЛ ВСЕ. У ТЕБЯ МОГУТ ЗАБРАТЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ

Элисон Моррис всегда считала, что ей в жизни повезло: любящий супруг Майк, двое детей, дорогой дом, престижная работа и... Карен, преданная и надежная подруга еще со студенческих лет. В честь двадцатилетия окончания Оксфорда Элисон собрала в своих владениях университетских друзей. Однако вечеринка, сулившая столько радости, закончилась крахом: посреди ночи Карен заявила, что перепившийся Майк напал на нее и жестоко изнасиловал.

Оскорбленная, израненная женщина не намерена прощать негодяя, даже если он — муж лучшей подруги, и хочет засадить его в тюрьму. Где правда, а где ложь, предстоит выяснить следствию, но уже через пару часов Элисон узнает о чудовищном предательстве со стороны самых близких людей. Ошеломленная и несчастная, она не может поверить в происходящее...

16+

Знак информационной
продукции

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

ISBN 978-5-907338-03-6

9 785907 338036 >

ВЕРТИГО

КЛЕР МАКГОУЭН

**ЧТО ТЫ
СДЕЛАЛ**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Claire McGowan
WHAT YOU DID

Перевела с английского
Анна Ремез

Художник
Юлия Протиснова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Макгоуэн К.

М15 Что ты сделал : [роман] / Клер Макгоуэн; [пер. с англ. А. Ремез]. — СПб. : Аркадия, 2021. — 320 с. — (Серия «Вертиго»).

ISBN 978-5-907338-03-6

Компания друзей, когда-то вместе учившихся в Оксфорде, устраивает вечеринку: две супружеские пары и двое одиноких — Билл и Карен, лучшая подруга хозяйки дома Элисон. Дружеское застолье прошло в шутках, воспоминаниях и тостах, но дальше следует шок: ночью Карен жестоко насилуют и чуть ли не убивают. Кто это сделал? Пострадавшая обвиняет Майка, мужа Элисон. С этого дня жизнь обеих женщин выходит из-под контроля: вместо кажущегося благополучия — только боль, страх, хаос и... постыдные тайны, ставшие явью.

Этот сильный психологический триллер показывает, что даже при самых чудовищных обстоятельствах нужно уметь отражать удары судьбы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Claire McGowan, 2019

The moral right of the author
has been asserted.

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2021

© Shutterstock

ISBN 978-5-907338-03-6

Пролог

Она лежит на земле лицом вниз и ощущает влажный запах травы, стебельки царапают кожу. Значит, она снова способна чувствовать. Ее тело постепенно, медленно возвращается к ней. Откуда-то доносится тихий хрип. Это хрипит она сама, потому что он душил ее.

Он душил ее! В это трудно поверить, но его пальцы еще несколько минут назад сдавливали шею, заставляя хватать ртом воздух, но тот почти не попадал в легкие. А потом на нее обрушилась смертельная тяжесть — тяжесть мужчины, прижавшего ее к земле.

Ноги замерзли, ведь она лежит на траве босая, и царапины на них саднят. Голова раскалывается, горло пересохло. И, кажется, что-то еще не так... Женщина хочет закричать, но голоса нет, как в кошмарных снах, когда надрываешься от крика, но при этом не издаешь ни звука. Неужели он отобрал у нее голос?

Она пытается приподняться, убедиться, что жива и относительно невредима. Но он причинил ей боль, и эта боль скручивает ее, не давая двинуться с места. А между тем дом так близко, всего в каких-то нескольких десятках метров! Но для нее они сейчас равны километрам. Никто не слышал и не видел того, что случилось. Никто не поможет ей.

Его здесь нет, но он не успел уйти далеко. Внезапно боль отступает перед приступом страха, который сжимает грудь, и она снова начинает задыхаться. Он здесь! Он где-то рядом!

Надо встать, выбраться отсюда, найти кого-то, кто поможет, спасет. Вокруг темно. Она смаргивает слезы и замечает в окне спящего дома желтый огонек...

Глава первая

Теперь, когда случившееся уже в прошлом, я часто ловлю себя на мысли, что пытаюсь понять, в какой момент все изменилось. Когда моя идеальная жизнь — ну ладно, не идеальная, но, по крайней мере, вполне благополучная — вдруг рухнула. Больше всего меня поражает собственное поведение. То, как я неосознанно цеплялась за свое спокойствие, повторяя: «Пожалуйста, только не сейчас!», как не хотела верить в реальность происходящего. Раньше я не знала, что могу приказывать себе не видеть и не слышать, была уверена: в подобной ситуации начну действовать решительно — ринусь на помощь, вызову полицию, приготовлю сладкий чай, наконец...

Но в тот момент, когда Карен появилась на пороге моей кухни — дрожащая, в измятом черном платье, с кошмарными, похожими на отпечатки типографской краски синяками на шее, — я оказалась не готова. Стояла, окаменевшая от ужаса, и все, чего желала, — отмотать время назад и вернуться в то мгновение, когда все еще было хорошо.

Карен надрывно всхлипнула, и я поняла: сейчас она скажет что-то страшное. Предательский голос в моей голове вскричал: «Не надо! Молчи!», но она заговорила:

— Он меня изнасиловал. — И повторила: — Он изнасиловал меня.

В чайнике кипела вода. Джоди стояла рядом с кофеваркой в руке. И не я, а она нашла в себе смелость спросить:

— Кто, Карен? Что случилось?

Карен произнесла имя и рухнула на колени. Волосы у нее были всклокочены и торчали в разные стороны, а по бедру медленно стекала кровь и капала на пол. Позже, после того как ушли полицейские, я пыталась оттереть пятно с плитки, но оно так и не исчезло до конца.

Я сказала, что была не готова увидеть Карен в таком состоянии. Но на самом деле к такому и нельзя подготавливаться. Верно?

Ранее в тот же день

— Мам, мне обязательно быть с вами?

— Конечно, да. А как же иначе?

В моей голове крутился список срочных дел: постели, полотенца, шоколадки на десерт, комната Бенджи...

Сын на секунду оторвал взгляд от айпада. У человека в десять лет — собственный айпад! Иногда это вдруг заново меня удивляет, как, впрочем, и многое другое в нашей жизни.

— Но ведь не будет никого моего возраста. Скукота!

Ох, как же тяжело сдерживаться, когда он начинал вот так нить и морщить свою пока еще чистую, не тронутую прелестями переходного периода мордашку! Никто не говорил мне о расплате за желание дать собственному ребенку все, чего я сама была лишена в детстве. И, как оказалось, от этого дети становятся маленькими вредными надоедами.

— Послушай, ты можешь только поесть с нами. Будь вежливым, и тогда после ужина — свободен. Посмотришь кино или поиграешь в айпад. Хорошо?

Красивые тарелки, мороженое, протереть стаканы...

— А что на ужин?

Его пальцы не останавливаются, они скользят и скользят по экрану, и когда я смотрю на сына и вижу, как скачут туда-сюда зрачки его голубых глаз, меня начинает мучить совесть: слишком много времени он проводит с айпадом, наверняка синдром дефицита внимания у него из-за этого. Такое воспитание никуда не годится!

— Тажин, кускус, салат — все в таком духе.

Хотя меню было тщательно спланировано, продукты заказаны в интернет-магазине и сейчас на разделочных досках передо мной громоздились куски ягнатины и овощи, я все равно беспокоилась, что еды не хватит.

— Ненавижу марокканскую кухню! — взвыл Бенджи.

Я чувствовала, как наружу рвался ответ: «В твоём возрасте я даже представить себе не могла, что такое марокканская кухня!», но вместо этого прикусила язык и спокойно произнесла:

— Бендж, для нас с папой это очень важный вечер. Мы не собирались вместе с друзьями с тех пор, как окончили университет. Так что, пожалуйста, давай прекратим эти жалобы бедного богатого мальчика.

— Мне правда придется спать в комнате Кэсси?

— Ну зачем спрашивать? Да. Иначе всех будет не разместить.

— Но я из-за нее не смогу заснуть. Она полночи сидит в телефоне, а мне мешает свет от экрана.

Список у меня в голове начал расплываться. Я посмотрела на часы. Ого! Меньше чем через час мне нужно уехать. И зачем я договорилась с Викс именно на сегодня?! Глупо. Надо было перенести встречу.

— Я скажу, чтобы она так не делала. Ты прибрал у себя? Там будет спать тетя Карен.

— Да.

Он дотянулся до пакета с чипсами, но я отпихнула его руку:

— Ты только что пообедал, Бендж. Иди поиграй.

— Во что?

Я в его возрасте точно была более самостоятельной. Надо бы поговорить с Майком, чтобы он забрал у Бенджи айпад. Этот пункт я добавила в мысленный список, куда уже были внесены проверка чистоты в туалетах, зажигание свечей и прочие дела, которые нужно закончить к приезду гостей. Ну почему мне никогда не хватает на все времени?!

Я предложила сыну взятку:

— Кстати, Билл приедет. В Швеции он часто рыбачит. Если ты попросишь рассказать его об этом, услышишь много интересного.

Взгляд поверх айпада.

Заглотил наживку, ура!

Я улыбнулась, довольная.

На Рождество Майк подарил Бенджи удочку, но до сих пор не нашел времени сходить с ним к ручью, который протекает за садом. Вообще-то Майк вряд ли умел рыбачить, а вот Билл был настоящим профи в этом деле. Помню, как он прямо с лодки поймал устрашающего вида серую колюшку. Мы отпустили ее, но я до сих пор помню тот трепет, который вызвал у меня вид рыбы, извивающейся на деревянном дне. Карен и Джоди визжали как резаные. Хладнокровный Билл с вечной сигаретой, свисающей из уголка рта, что придавало ему брутальный вид, только улыбнулся, но, кажется, не без гордости.

Бенджи захлопнул чехол айпада и поднялся из-за кухонного стола.

— Ну, тогда я пойду приберу в комнате. Вернее, еще лучше приберу.

Я сгребла его в охапку. Пока это можно было сделать. Он все еще пах печеньем и шампунем, как ребенок, а не как подросток, у которого материнская нежность вызывает лишь негодование.

Вот уж кто стал непроницаемым подростком, так это Джейк! До его восемнадцатилетия оставалось несколько недель, и мне нужно будет поговорить с ним, чтобы выяснить, что он хочет получить в подарок.

Но Бенджи пока принадлежит мне. Еще пару лет — точно.

— Ты мой хороший, — сказала я.

Бенджи зарычал, но все-таки обнял меня в ответ.

— Где Кэсси?

— В городе. Я попросила ее купить свечи.

Суп, хлеб, травы для таджина, открыть вино, чтобы подышало...

— Она наверняка с Аароном, — ухмыльнулся Бенджи.

— Ну, может, они делают домашнее задание...

— Но они же не учатся вместе, мама!

Парень Кэсси собирался поступать в Оксфорд или Кембридж, поэтому перешел в специальный класс для будущих студентов, а она — нет. Майк и я притворялись, что это нестрашно, что все в порядке. И снова рой беспокойных мыслей взвился в моей голове: сколько времени Кэсси проводит с Аароном, чем они занимаются. Вдруг сегодня что-то случится и она опоздает... Но тут входная дверь — та, что со стороны леса, — хлопнула, и вошла дочь.

— Кэсси?

Она проскользнула в кухню, но я успела отметить и слишком короткую юбку, и чересчур облегающий топ. А также красное пятно у нее на шее.

Сзади маячил Аарон. Такой высокий, что чуть не врезался в старинный светильник, который я повесила у входа.

— Привет, Аарон!

— Здравствуйте, миссис Моррис.

Манеры у него хорошие, как и оценки, спортивные достижения и внешность. Я беспокоилась о Кэсси, потому что этот блондин уже сейчас знал, что может иметь все, что только пожелает.

— Как учеба? — спросила я.

— Экзамены, экзамены... Ну, вы понимаете... Вот как раз сейчас пойду домой готовиться.

— Не хочешь остаться на ужин? — Вопрос был задан без энтузиазма, и все это понимали.

— Спасибо за приглашение, но мама ждет. Она приготовила пасту.

Ну а я подам тажин — одно из самых простых в приготовлении блюд для хозяйки. Не стоит ли еще что-то изменить в сегодняшнем меню?

— Пока, Кэсс. — Он подошел к ней, и я подумала: интересно, поцелует ли он ее при мне?

Но он ограничился объятием. Кэсси прильнула к нему, закрыв глаза; прижалась крепко-крепко. Рядом с этой горой мышц для игры в регби она выглядела такой хрупкой... Похоже, снова похудела.

— Ты купила свечи? — спросила я, когда Аарон вышел на улицу и направился в сторону леса.

Она грохнула ими о кухонный стол так, что задрожали тарелки.

— Осторожнее. Какие ты взяла?

— Инжир и апельсин. Пахнут сильно.

— Можешь мне помочь? А то я зашиваюсь.

На всех четырех конфорках плиты что-то кипело. Хотя на дворе был только июнь, уже поговаривали,

что побит температурный рекорд — такая стояла жара. Я давно мечтала об этом ужине по-средиземноморски в саду, но теперь духота придавила меня, словно крышка сковородку. Я двигалась все медленнее и ничего не успевала.

— Почему папа не помогает? — фыркнула Кэсс.

— Он в кабинете.

— А вот и нет! Он — в саду, читает газету.

— Тогда попроси его, пожалуйста, проверить, чист ли стол, и пусть протрет стулья и принесет цитронеллу от мух, они обязательно налетят.

— Так сама его попроси, вот и он.

— Нарви зелени! — крикнула я ей в спину.

Вошел Майк, придержал дверь для Кэсс, и она выскользнула наружу.

— Вкусно пахнет! — Голос у него, к моему облегчению, был бодрый.

Идея этой встречи не привела Майка в восторг. «Слишком хлопотно, и места у нас мало», — сомневался он.

Четыре спальни и комната над гаражом. И это, он считает, мало?!

Я любящим взором осмотрела мужа. Годовщина поступления — двадцать пять лет — это и годовщина нашей первой встречи в баре колледжа, похожем на пещеру. Помню, как он непринужденно болтал, в то время как остальные первокурсники чувствовали себя зажатыми и от стеснения разговаривали слишком громко. Невысокий — но для меня вполне подходящего роста, — с темными волосами, сейчас едва тронутыми сединой.

Майк надел рубашку поло, шорты цвета хаки и, не смотря на жару, огненно-алый хлопковый джемпер — новый, явно дорогой. Как и я, мой муж, очевидно, хотел произвести впечатление на гостей.

— Пришла эсэмэска от Карен. Они берут такси от станции, — сообщил он.

— Боже, у меня еще ничего не готово! Почему так рано?!

Он пожал плечами и потянулся к бумажному пакету, чтобы отломить себе кусок хлеба.

— Наверное, быстро доехали... На «Мегабасе»¹.

Эту маленькую колкость я предпочла не заметить. Карен не виновата, что не может позволить себе поездку на поезде. Хотя, если бы она сделала то, о чем ее умоляли все, от тьюторов² до родителей, и пересдала выпускные экзамены, то смогла бы получить диплом и работать на более денежной должности, чем администратор в юридической конторе.

— Но я же предупредила ее, что у меня встреча! Комнаты готовы?

Мешая на плите еду, я снова прокрутила в голове свой список: Каллум и Джоди — в комнате для гостей, Карен — у Бенджи, Билл — в кабинете Майка над гаражом, а Джейк — в палатке. Джейк сам настоял на этом по какой-то не понятной мне причине. Всем ли будет удобно, или мы будем громоздиться друг на друге?

Майк подошел ко мне сзади и взял за плечи.

— Ты слишком озабоченная, — сказал он. — Расслабься! Это ведь просто ужин с друзьями, а не телешоу «Давай поужинаем вместе». Даже если у нас и не все безукоризненно, Карен не будет переживать.

Зато я буду. А у Джоди есть привычка отпускать замечания, на первый взгляд безобидные, которые потом еще долго приходят на ум и портят настроение.

— Им нужен ланч, как думаешь? — спросила я.

¹ Низкобюджетный междугородний автобусный перевозчик в Великобритании — *здесь и далее примеч. переводчика.*

² Тьютор (англ. tutor — наставник, репетитор) — неформальная педагогическая должность.

— Уже больше двух часов, вряд ли они его ожидают, — ответил Майк. — Чашка чаю, кусочек пирога в саду... Я пока поддержу оборону.

— Но...

— Эли, послушай, — Майк развернул меня к себе и поймал мой взгляд, — какой смысл было все это затевать, если не получать удовольствие? Давай, любимая, взбодрись, как говорит Кэсси!

— Не могла она так сказать, это немодное слово.

— Конечно, «немодный» — это же самый передовой сленг!

Когда он отошел, я почувствовала, что узел, будто стягивавший меня изнутри, чуть-чуть ослаб. Наши руки двигались в унисон, протирая, убирая и поправляя. Он прав: они наши друзья и не ждут от нас идеального порядка. Все будет хорошо.

Я услышала шуршание колес по гравиию. Это приехала Карен.

Глава вторая

— Что случилось с...

— Моим ужасным боссом? — мгновенно подхватила Карен. — На прошлой неделе он заявил, что мы все должны снова подать заявления о приеме на свои собственные должности.

— Ничего себе! Это просто возмутительно! Я уверена, что это незаконно, правда, Майк? Майк?

Он тряхнул головой, как собака, попавшая под дождь.

— О чем вы? Не могу уследить за вашей беседой. Мне надо ее записать, а потом прослушать на нормальной скорости.

Окружающие всегда удивлялись, как ловко мы с Карен перескакиваем с одной темы на другую, будто обезьяны — с дерева на дерево. Иногда мы запросто возвращаемся к чему-то, что обсуждали час назад, и продолжаем говорить как ни в чем не бывало.

Я улыбнулась подруге через стол. Она так молодо выглядела в узких джинсах и топике, почти таком же, как у Кэсси. А я выбрала платье в цветочек. Не самое лучшее. Оно придавало мне слишком материнский вид. А ведь Карен родила раньше меня — в двадцать пять.

Она выразительно посмотрела на Майка:

— Нам столько всего надо обсудить!

Карен жила в Бирмингеме, а мы — в Кенте, поэтому виделась я с ней не так часто, как хотелось бы. А желание поговорить копилось и скручивалось внутри, словно шланг под давлением, и при встрече ментально вырывалось наружу. Но мне надо было

уходить — я посмотрела на часы — через пять минут. Черт, вот досада!

— Здесь у вас так красиво! Вам очень повезло, — протянула Карен, оглядывая сад.

Агент по недвижимости рекламировал дом как жилье «для зрелых и развитых», отчего Майк еле сдерживал смех, а я изо всех сил настаивала именно на этом варианте.

Задний фасад красного кирпичного здания поздней Викторианской эпохи был обращен к лесу. А с другой стороны, через лужайку, стояло всего три дома. Было полное ощущение, что мы живем в деревне, хотя магазины Бишопсдина находились всего в десяти минутах ходьбы, если продраться через лес.

Сейчас сад был полон цветущей лаванды и дикого чеснока; в кронах деревьев прятались птицы; из укромных уголков выглядывали лица маленьких статуй, немного облупившихся из-за дождей. Я отвела глаза от кучи сухих веток, листьев и травы, которую наш садовник Анджей оставил за сараем. Неделю назад он уехал в Краков по каким-то срочным семейным делам, но я не сильно расстроилась, потому что сам факт, что у нас вообще есть садовник, все еще изумлял. Да, нам повезло. Прошло всего шесть месяцев с нашего переезда, и до сих пор у меня по спине иногда пробегают радостные мурашки: «Я здесь живу! Все это — мое!»

— Это ты занимаешься садом, Майки? — спросила Карен, поднося пирожное макарон к ярко-розовым губам.

Я рассмеялась:

— Ты что, шутишь? Майк не прикасался к газонокосилке с тысяча девятьсот девяносто восьмого. Это все делает Анджей — чудо-парень из Польши.

— Я занимался бы садом, будь у меня время, — вздохнул Майк. — Но где ж его взять?

— У тебя по-прежнему много работы? — улыбнулась Карен.

— Ты даже не представляешь сколько, — ответил Майк.

Его юридическую фирму в этом году купили американцы, и ему нужно было находиться в офисе для звонков в Нью-Йорк вечером, а для разговоров с японцами — рано утром. Поэтому почти каждый день он возвращался домой на поезде не раньше двадцати одного часа.

Карен повернулась ко мне.

— Ну, тогда полагись на Эли, у нее хорошо получается вести хозяйство. Я читала материал о вас в «Домашнем очаге». Вы молодцы!

— О, спасибо!

В той статье рассказывалось про секстинг³ и просмотр сообщений в телефонах детей. Я подчеркнула, что никогда не заглядываю в смартфон дочери, потому что это уничтожило бы наше взаимное доверие. Последовало много комментариев онлайн: кто-то называл меня плохой матерью, кто-то считал, что я пребываю в иллюзиях. Я убедила себя, что шумиха — это хорошо.

— Как Кэсс отнеслась к тому, что попала в журнал? — спросила Карен.

Я бросила взгляд на Кэсси и Джейка, которые вместе уселись на скамейку-качели. Она перекинула свои голые ноги через подлокотник. Джейк предпочел явиться весь в черном: черная рубашка, черные джинсы и кроссовки; темные длинные волосы почти закрывали лицо. Сложно было увидеть в нем того милого

³ Пересылка личных фотографий, сообщений интимного содержания с помощью мобильных телефонов, электронной почты или социальных сетей.

малыша, за которым я присматривала, пока Карен работала. Он всегда хотел меня чем-нибудь порадовать и прижимался к моим ногам, не желая отпускать. Это было очень давно, когда мы с Карен жили неподалеку друг от друга в Лондоне.

Теперь Джейк совсем отдалился. Когда они приехали, я хотела его обнять, а он уклонился, и я упрекнула себя за эту неловкость. Джейку было семнадцать, он рос без отца, и его сейчас явно раздирали противоречия пубертатного периода. Но это пройдет.

— Кэсси не возражала, она знает, как это важно для нас, — ответила я.

На самом деле ничего подобного Кэсс не думала. По правде говоря, я боялась спросить ее мнение. Теперь она стала для меня закрытой, абсолютно непроницаемой.

— Да мы и на Четвертом канале тебя тоже видели. Ты прекрасно вела себя с тем мелким дурачком.

— Кто-то должен был его осадить. Он отвратителен. Шуточки об изнасиловании — и это в две тысячи восемнадцатом!

— Ну-ну, — подал голос Майк, — неужели и слова нельзя сказать, особенно если это юмористическая программа?

— Она отлично держалась, — сказала Карен мягко. — А ты не должен так говорить, Майк. Оставь Каллуму роль адвоката дьявола.

— Знаю-знаю. Мы ею очень гордимся. — Майк сжал мою ногу под столом. — Она и с благотворительной деятельностью хорошо справляется. Ведь тот прыг уже собирались закрыть, перед тем как Эли присоединилась к попечительскому совету.

— Черт! Ты мне напомнил, что пора идти. Прости, Кар. Я тебе говорила, что у меня сегодня деловая встреча?

Я была уверена, что говорила, оттого-то и недоумевала, зачем она приехала так рано. Подруга замахала руками:

— Конечно. Иди спокойно. С нами все будет в порядке.

— Ты уверена?

Я встала, но что-то словно удержало меня возле деревянного стола с царапинами от ножа, возле кованых стульев, которые мы купили в антикварной лавке; раскрашенного в пастельные тона блюда для торта; чайного сервиза в цветочек... Именно такие вещи я представляла себе, когда мечтала об идеальном доме, десять лет довольствуясь захлавленной тесной лачугой. Красивые посуда и мебель, друзья, способные оценить эту красоту, и, естественно, Карен — моя лучшая подруга с двадцатипятилетним стажем. Я знала, что если бы мне не нужно было идти, мы могли бы проговорить до темноты, забыв о некормленных детях и незаправленных постелях.

— Мы справимся, — улыбнулся Майк и подлил Карен чаю из старинного китайского чайника.

Хотя чайник и подтекал, он был чудо как хорош со своими голубыми цветами по желтому фону! Секунду я подумывала, не перенести ли встречу с Викс на понедельник, но потом рассудила, что причин для этого нет. Еда готова, остальные гости приедут еще нескоро, а работа очень важна для меня. Без нее я чувствовала бы себя всего лишь домохозяйкой, которая время от времени, между визитами к зубному врачу и поездками в супермаркет, со скуки занимается журналистикой.

— Ты ведь знаешь, это очень важно, а то бы я не... Извини.

Карен поправила темные очки — пусть и дешевые, но она все равно выглядела в них как кинозвезда, — отбросила назад длинные темные волосы — такой же

длины, как во времена нашей учебы в колледже, — и сказала:

— Не беспокойся за нас. Ну приехали мы пораньше... Просто Джейки хотел пообщаться с Кэсс.

Я перевела взгляд на качели: Джейк и Кэсси были погружены в разговор, прямо как мы с Карен, когда сидели в кофейне по пять часов подряд и не могли наговориться.

— Надо нам почаще устраивать им встречи, — заметила я.

И тут же подумала, что Бирмингем далеко, а кроме того, там не очень приятно. Я много раз приглашала Карен в гости, но она постоянно была завалена работой. Подозреваю, что на самом деле ей просто трудно было выделить деньги на билеты.

— А у Джейка есть девушка? — спросила я.

— Пока об этом приходится лишь мечтать. Но я надеюсь, что он один из тех парней, которые расцветают только в университете. Как ты, Майки.

— Да ладно, я цветущим родился!

— У Кэсси есть парень, его зовут Аарон. Но не очень-то я уверена, что он ей подходит. Его мать — самый что ни на есть ужасный сноб.

— Тогда с ней могла бы хорошо поладить Джоди, — усмехнулась Карен, и я ощутила смесь вины с облегчением: мы снова совпали с ней в оценках.

Хотя мы теперь виделись нечасто и наши жизненные пути разошлись, она по-прежнему оставалась моей лучшей подругой. Даже несмотря на мой теперешний роскошный дом с викторианской кладкой и витражами. Да, глядя на него глазами Карен, я чувствовала уколы совести и по этому поводу тоже. Однако время не разлучило нас. И я гордилась этим, гордилась, что мы смогли сохранить нашу дружбу, спасти ее от охлаждения, которое обычно наступает после окончания

совместной учебы. Тогда мы, шестеро однокурсников, отправились каждый своим путем, чтобы встретиться с темным и туманным будущим и прорваться через него к свету.

Уходя, я обернулась и сквозь стекло в кухонной двери посмотрела на Карен с Майком. Они смеялись и беззаботно болтали о чем-то, наклонившись друг к другу. А на качелях тем же были заняты ее сын и его дочь, настолько погруженные друг в друга, что не заметили моего ухода. О, если бы знать! Если бы знать тогда о том, что вскоре накроет нас, как лавиной, я бы, наверное, еще постояла в лучах солнца и постаралась впитать в себя все-все, что мне предстояло потерять. Но я не знала. И потому ушла.

Глава третья

— Расскажи еще раз, что случилось.

Даже несмотря на дело, которое привело меня в полицейский участок в сегодняшний, такой солнечный день, я нравилась себе самой в этой роли: Эли Моррис, председатель попечительского совета приюта для женщин Бишопсдина. Наконец-то после долгих лет в качестве просто мамы, миссис Моррис или жены Майка у меня была должность!

Викс, директор благотворительного фонда, встретила меня в помещении, выделенном нам полициейскими для использования в экстренных случаях, которые происходили, надо сказать, гораздо чаще, чем хотелось бы. Стройная, не старше тридцати, с коротко подстриженными черными волосами, в очках с темной оправой она выглядела как типичная жительница Берлина, а уж никак не Бишопсдина. Я никогда не спрашивала, что привело ее в нашу организацию, потому что это, как правило, трудно рассказывать и не менее трудно слушать.

— Он пришел в приют в четверг вечером. Джули клянется, что не давала ему адрес, но я не очень-то ей верю. Он разбил окно и залез в кухню, потом нашел Джули в комнате вместе с детьми, схватил ее за горло и прижал к стене.

— На глазах у детей?

Она кивнула и продолжила:

— Одна из женщин нажала на тревожную кнопку, и приехала полиция. У него был нож. Я думаю, он собирался ее зарезать.

Очень скверные новости.

— Ты написала заявление для прессы?

Снова кивнув, она протянула мне лист бумаги. Викс раньше занималась пиаром и очень хорошо сочиняла подобные тексты. А вот способности к сочувствию ей явно не доставало, но я насчет этого молчала. Она всегда действовала четко в рамках правил, для нее существовало только черное или белое, без полутонов. А тот факт, что женщина обычно любила того, от кого убегала и скрывалась, был как раз таким «полутоном». Я это понимала, поэтому старалась восполнить в общении с жертвами то, чего не могла им дать Викс.

В заявлении для прессы все было подано верно: «Да, в таком заведении, как приют для женщин, всегда есть риски, но это единичный случай. Полиция проявила себя безупречно, меры безопасности усилены».

— И что ты думаешь? — спросила я.

— По-моему, это разовый инцидент. Полицейские обещали на этот раз поставить ему электронную метку.

То есть переезжать нашему приюту не придется. Это было бы очень сложно и дорого. Но все-таки я обеспокоилась. Если Пол Дин, муж Джули, нашел его, значит, отыщут и другие. Те, от кого прячутся женщины. А я как раз и отвечала за то, чтобы не допустить подобного.

— Давай поднимем этот вопрос на следующем заседании совета. А сейчас... можно мне встретиться с Джули?

Мы поднялись с мест, Викс одернула свое серое строгое платье. В моих дурацких цветочках я тут же почувствовала себя расфуфыренной куклой. Это непрофессионально, мне следовало переодеться.

— У тебя ведь встреча выпускников в эти выходные?

— Пожалуйста, всего две минуты, — попросила я.

Джули находилась в соседней комнате, более удобной, с диваном и ящиком с игрушками. Ее дети, привыкшие вести себя тихо в общественных местах, играли в уголке: старшая притворялась, что читает книжку-картинку малышу.

— Здравствуйте, Джули. Я — Эли, глава попечительского совета. Очень сожалею о случившемся.

Краем глаза я заметила неодобрение на лице Викс. Возможно, мне и не стоило говорить этого, ведь я таким образом косвенно признавала, что в произошедшем есть и наша вина.

На лице Джули, которая, видимо, недавно плакала, темнели разводы от туши.

— Я не могу вернуться в приют, там небезопасно, — вздохнула она.

— Понимаю. Мы позаботимся о переводе вас в приют другого города.

— Клянусь, я ничего не говорила ему! Может быть, он выпытал что-то у Кайли.

На лице Викс было написано неверие: трехлетний ребенок не в состоянии выдать точный адрес, но я кивнула Джули:

— Мы все уладим. Бедная, как же вы натерпелись!

Поддавшись внезапному порыву, я обняла ее, несмотря на явное неодобрение Викс. Под худи чувствовался позвоночник, а в ноздри мне ударил запах табака, немытого тела и... страха. Она отстранилась, и я увидела у нее на шее «ожерелье» из синяков. В голове пронеслись воспоминания о тесном воротничке рубашки в жаркий день, о втирании тонального крема в нежную кожу, но я их отогнала.

— Ты иди уже, Эли, — сказала Викс, провожая меня к дверям. — Ты же наверняка еще не закончила приготовления к вечеринке.

Мне показалось или в ее голосе прозвучал сарказм? Я так долго просидела дома без работы, что теперь мне иногда мерещилось пренебрежение там, где его не было.

И я отправилась домой к тажину и свечам, оставив Джули и ее детей самостоятельно приспосабливаться к новым реалиям.

Проезжая на машине по залитым солнцем улицам, я снова беспокойно размышляла, как пройдет наша встреча выпускников — а мы ведь не собирались вместе более двадцати лет, — и вдруг поймала себя на том, что благодарна Вика. Мне не придется провести выходной в душном полицейском участке, проявляя профессиональный долг. Я много работаю, а значит, не должна чувствовать вину за то, что случилось с Джули. И мне следует радоваться тому, что у меня есть, — неважно, заслужила я это или нет.

Глава четвертая

Добравшись до своего дома, я увидела, что на въезде за БМВ Майка уже стоит минивэн Каллума и Джоди. Они выгружали чемоданы и плетеные сумки, откуда выглядывали цветы и разноцветные контейнеры с продуктами. Я припарковала «киа» и поспешила к ним.

— Простите, простите, срочно надо было отлучиться по работе!

На Каллуме, как и на Майке, были рубашка поло и шорты, но от «Ральфа Лорена».

— По работе? — Он протянул ко мне руки, и мы обнялись. — У тебя работа по субботам, Эли?! И что Майк об этом думает? Это Майк в оранжевом свитере? У тебя что, дальтонизм, Майки?

Моему мужу такое приветствие явно не понравилось:

— Джемпер красный, а не оранжевый! Кто тут из нас настоящий дальтоник?

Я вернула разговор в прежнее русло:

— Это не такая работа, как ты думаешь. Я состою в благотворительной организации.

Почему-то я не упомянула о журналистике, словно устыдившись чего-то. Да и с какой стати Майк должен возражать?

Джоди ткнула Каллума в бок — такая необъятная, что мы толком не смогли обняться. Одета в вышитую блузу, совершенно не похожую по стилю на те сшитые на заказ костюмы, в которых я привыкла ее видеть, она выглядела уставшей и бледной, а ее мягкие светлые волосы были небрежно зачесаны назад.

— Ты ведь и сам все знаешь, Каллум. Мы же видели ее в новостях, помнишь?

— Да, как она сожрала того малыша! — откликнулся ее муж.

— Малышу почти тридцать, и он нес всякую чушь об изнасилованиях! — воскликнула я.

Мы с Майком переглянулись. Как это похоже на Каллума — всех подкалывать! Он ничуть не изменился. А работа в сфере корпоративного права, кажется, его даже испортила. Но тем не менее мне было за что его благодарить. Во-первых, в колледже он постоянно покупал мне выпивку, зная, что у меня плохо с деньгами. Во-вторых, именно он, а не Джоди, как я сначала думала, присылал замечательные, заботливо выбранные подарки на дни рождения моим детям.

— Пойдемте, покажу вам дом, — пригласила я. — Но боюсь, как бы вам не было тесновато.

Мне стало жаль Джоди, когда я увидела, как она стоит, уперев руки в поясницу. Я так давно была беременной, что уже и забыла, каково это.

— Все нормально. — Джоди улыбнулась. — Наконец-то послушаю ваши с Карен разговоры. Кстати, а где она?

— Переодевается, — ответил Майк, поднимая одну из сумок. — Что ты привезла нам, Джод?

— Совсем немного. Знаешь, я всегда так суечусь, когда собираюсь на пирушку.

От слова «пирушка» я стиснула зубы, как и от того, что Джоди захватила с собой еду: она что, сомневается в моих кулинарных способностях? Но я напомнила себе, что они пятнадцать лет не могли завести ребенка и уже пять раз ЭКО заканчивалось ничем. Обижаться на нее вовсе не стоит.

— Выглядишь прекрасно! — сделала я ей комплимент. — Просто сияешь.

— Судя по габаритам, у нее там может быть тройня. — Каллум приобнял Джоди за плечи. — Отличное местечко ты заполучил, Майки. Сколько стоило — полмиллиона?

Мы прошли через прохладную прихожую, что было очень приятно после уличной жары.

— В прошлом году дома здесь продавали за восемьсот тысяч, — с гордостью поведал Майк.

Он ведь очень много работал, недосыпал, задерживался допоздна, не имел возможности общаться с детьми по выходным — и все для того, чтобы теперь принимать здесь гостей.

— А мы-то застряли в нашем дуплексе в Уонсуэрте⁴. О, Кэсси, привет, милая!

Моя дочь вплыла в гостиную, и я мысленно отметила, что позднее надо побеседовать с ней о ее манере одеваться.

— С каждым годом ты становишься все больше похожа на маму, — сказал ей Каллум. — Слава богу, не в старика-отца пошла! А?

— Привет, Каллум, — беззаботно поздоровалась Кэсси. Я заметила, что обращение «дядя» она опустила. — Привет, Джоди! Вау! Когда подойдет срок?

— Врачи говорят, через месяц или около того. Думаю, в размерах мне уже увеличиваться некуда.

Майк открыл холодильник:

— Пива, Каллум? Вина тебе не предлагаю, Джоди.

— Воды, пожалуйста, — устало отозвалась та.

— А мне вина, если можно, — попросила Кэсси, будто о чем-то привычном для себя, и я испугалась, что так оно и есть.

⁴ Район Лондона.

Майк глянул на меня и пожал плечами. Спорить ему не хотелось, да и не особенно он переживал по этому поводу.

— Один бокал, — сказал он и протянул ей вино. — Пей медленно, Кэсс. Если тебе понравится и ты будешь благоразумна, однажды я угощу тебя кое-чем особенным, тем, что спрятал подальше от дяди Каллума.

Услышь дочь призыв быть благоразумной от меня — тут же вылетела бы из комнаты.

— Да, чтобы научиться ценить старые вина, нужно время, — изрек Каллум. — Вот Джоди до сих пор предпочитает спритц⁵ с шардоне. Ну, это безнадежный случай. Что у тебя есть?

Он изучил этикетку мюскаде, которое купила я, зная, что он пьет французское белое.

— Должно быть, виноград из хорошего маленького виноградника, — одобрительно кивнул мне Каллум, и я поняла, что это попытка принести извинения за подначки насчет интервью на телевидении.

— А где Джейк? — спросила я у Кэсси.

— Устанавливает палатку.

Ох уж эта его палатка, еще одна причина для беспокойства! Надежная она или развалится?

Джоди, по всей видимости, чувствовала себя не очень хорошо.

— Давай мы отнесем сумки наверх? — спросила она.

Отчего это показалось мне невежливым? Опять что-то мерещится... Почему же я так напряжена? Ведь это наши старые друзья, и мы наконец собрались вместе. Правда, не хватает Билла.

⁵ Слабоалкогольный коктейль на основе белого сухого или игристого вина (обычно просекко) и содовой.

Билл... При воспоминании о нем в животе у меня что-то екнуло, как в старые добрые времена.

— Да, пойдём, — кивнула я и взялась за ее сумку на колесиках.

У меня тут же заныла спина. Меня ошеломило осознание простого факта: нам было восемнадцать, когда мы поступили в университет, а теперь по сорок три, — двадцать пять лет прошло, исчезло, словно какая-то мелочь, выпавшая из кармана.

— От Билла есть вести? — спросила Джоди, с трудом взбираясь за мной по лестнице.

Я быстро заскочила в комнату Бенджи, чтобы убедиться, действительно ли там порядок и сын подобрал с пола яблочные семечки и фигурки из «Майнкрафта», которые обычно валялись тут и там. Странно, дверь была открыта, но я не увидела тут ни Карен, ни ее вещей. Неужели Майк забыл, что я отвела ей место здесь?

— Пока нет. Он же едет на мотоцикле, — ответила я.

Тяжело дыша, поднялся Каллум с оставшимися сумками.

— Старина Билл... А правда, что та порноактриса его выставила за дверь? Причем очень жестко.

— Ради бога, Каллум, она не порноактриса! Она художница! И — да, я думаю, что Билл расстался с Астрид.

— Жаль, — буркнула Джоди, поставив чемодан прямо на полосатое одеяло, прикрывающее кровать в гостевой комнате, что, на мой взгляд, было очень негигиенично. — Она мне очень понравилась, когда они были у нас на свадьбе. И потом мы еще раз с ними встречались.

На мою свадьбу Билл не приехал, оправдавшись высокой стоимостью перелета из Швеции. Меня все еще задевало, что два года спустя он не пожалел этих

денег ради Джоди и Каллума. Задевало, даже несмотря на понимание истинной причины его отказа.

И вот стоило только мне подумать о нем, как я услышала треск мотоцикла, похожий на быстрый стук сердца, и Майк закричал снизу:

— Это, наверное, Билл! Ну наконец-то!

Я выглянула в окно и увидела у ворот мотоцикл и мужчину в черной кожаной куртке за рулем. Я узнала эти широкие плечи, эту прямую спину, и меня вдруг отпустило. Билл приехал, мы все вместе и можем начинать веселиться.

Глава пятая

С наступлением вечера и по мере потребления спиртного я расслаблялась все больше и больше. Хотя Джоди заметила, что тоже любит готовить марокканскую еду и это проще простого, мой тажин, похоже, всем понравился. Даже Бенджи съел три порции!

Он вежливо отвечал Джоди на ее занудные вопросы об учебе, а Кэсси отложила телефон и болтала с Карен. Только Джейк сидел тихо и ничего не ел, демонстрируя приверженность к вегетарианству, о которой никто не предупредил меня заранее. Бедняга, все лицо в ужасных угрях! Когда нечто подобное началось у Кэсс, я сводила ее к очень хорошему дерматологу, и сейчас кожа дочери сияла чистотой — личико богатой, ухоженной девочки. Я представила, что на сей счет сказала бы моя мать, и улыбнулась. Нет-нет, о матери я думать не собиралась.

— Видишь, с чем приходится бороться, — сказала мне Карен, кивая на Джейка, ковырявшегося в тарелке. — Учителя говорили, что его уровень вполне дотягивает до Оксфорда или Кембриджа, но он даже не попытался подать документы.

— Ну это та-а-ак буржуазно! — протянул ее сын с презрительной усмешкой. — Все эти оплоты незаслуженных привилегий. Вот уж спасибо.

Я с трудом сдержала улыбку, вспомнив себя в его возрасте — время ничем не замутненного сознания своей правоты.

Карен наклонилась к Биллу, который, по своему обыкновению, сидел вполоборота к остальным, скручивая сигарету, и я понадеялась, что эта сигарета обычная.

— Может быть, ты поговоришь с ним, Билл, — попросила она, — и докажешь, что выпускник хорошего университета вовсе не должен стать бесчеловечным адвокатом или банкиром.

— Ты сама-то даже не сдала экзамены! — ляпнул Джейк.

Повисла тишина. То, что Карен не смогла получить диплом, хотя была самой умной из нас шестерых, ну разве что кроме Билла, до сих пор вызывало недоумение.

— А ты чем занимаешься, Бильбо? — поспешил сменить тему Каллум. — Селедку консервируешь?

Билл продолжал спокойно и аккуратно скручивать сигарету. Он снял кожаную куртку и остался в джинсах и сером шерстяном джемпере — несмотря на жару. За двадцать лет он почти не изменился. Стройный, немногословный, длинные темные волосы, чуть посеребренные сединой... Я специально села подальше от него, поскольку была немного взволнована его присутствием. Даже спустя двадцать лет. Я отлично помнила ту ночь. Прикосновение его пальцев к моей щеке, его дыхание на моей шее. Однако углубляться в эти воспоминания не стоило.

— Всем понемногу, — ответил он. — Там, где мы жили, у нас было принято самообеспечение. Обменивал свой труд на еду — строгал, работал водителем и все такое.

— Смахивает на коммуны.

— Да, немного похоже.

— Скажи мне вот что: ты и мисс Швеция... У вас все? Капут?

— Будь тактичнее, — одернула его Джоди.

Но Билл никогда не велся на подтрунивания Каллума. Они по-своему ладили.

— Да, увы, расстались пару месяцев назад.

— А почему, Билл? — спросила Карен. — Извини за вопрос.

Я хорошо помнила эту его мягкую улыбку — одним уголком рта. Он всегда чуть-чуть медлил, прежде чем ответить. Мне это нравилось, поскольку свидетельствовало о том, что он размышляет над тем, как ответить.

— Ничего. Она детей хотела. Усыновить. Ну, для начала попробовать ЭКО.

— Это не одна попытка. Ужасно дорого и разбивает сердце, — вставила Джоди, потирая живот.

— Знаю. Я говорил ей. Кроме того, вы же в курсе, что она старше нас. Но в любом случае важно не это: я не хочу детей — ни усыновленных, ни экошных.

— Так и не передумал? — спросил Каллум, собирая соус у себя в тарелке куском хлеба.

Я заметила, что Кэсси, которой явно стало скучно, снова взялась за телефон, а Джейк выбирал овощи из чаши с тажином.

— Не-а.

Я вспомнила, как в университете Билл говорил о демографической теории Мальтуса и о глобальном потеплении; о мире, в котором должны родиться наши дети. Конечно, многие, взрослея, радикально меняют убеждения, но я уже тогда знала, что Билл верен своему слову. Это была одна из причин, почему все сложилось именно так, а не иначе.

— Что ты будешь делать теперь? — спросила Карен. — Останешься в Швеции? Кстати, можно мне сигарету?

Пока я отсутствовала, она переоделась в черное платье с глубоким вырезом и теперь, наклоняясь, демонстрировала пышную грудь, для женщины сорока трех лет весьма впечатляющую. Конечно, она ведь не кормила Джейка.

Билл пожал плечами и передал ей зажженную самокрутку. Я отвернулась. Мне не нравилось, что они курят при детях. Я не сомневалась, что Билл только и ждет, когда те уйдут спать, чтобы достать травку, которую наверняка прихватил с собой.

— Не знаю... Думаю зависнуть здесь на какое-то время. Съезжу на север, навещу родителей, покатаюсь.

— Я бы тоже хотел путешествовать, — кивнул Майк. — Но это непросто: банк держит меня на привязи. Постоянно жалею, что мало времени уделяю детям и, конечно, Эли.

Он снял высмеянный Каллумом джемпер, оставшись в шортах и рубашке. Мой муж собрался принять душ в самый неподходящий момент, как раз когда все приехали, но я зашипела на него. И еще он перепутал комнаты для Билла и Карен. Я напредила себе, что это не имеет особенного значения и что полный дом гостей не очень-то вдохновлял его с самого начала. Он шел у меня на поводу.

— И не говори, — отозвался Каллум, погладив живот Джоди. — Вот я хотел взять отпуск по уходу за ребенком, когда тот появится. И меня немедленно спросили, не оставил ли я свои яйца в сумочке у жены.

Я неодобрительно покачала головой после этой реплики. К счастью, Бенджи, погруженный в айпад, ничего не слышал. Надо поскорее отправить его спать. Когда мужчины собираются вместе, они деградируют, начинаются всякие похабные шуточки, как у пацанов.

— Это ужасно! — воскликнула я. — К тому же отказ незаконен.

— Да, они не очень-то разделяют эти идеи осознанного отцовства. Похоже, Джоди придется самой справляться, — покивала Карен. — И как, ты бросишь работу? — спросила она Джоди.

Джоди работала адвокатом в сфере уголовного права с очень богатыми и нечистыми на руку клиентами. Эта деятельность стала такой же ее частью, как дизайнерские сумки и регулярный маникюр.

— На некоторое время, — ответила наша беременная подруга. — Это разумно. Нам не нужно, чтобы ребенок растили няни. Слишком долго мы трудились для его появления на свет.

— Но... — Карен умолкла и быстро взглянула на меня, что означало: мы обсудим это позже, вдвоем.

— Чертовски несправедливо! — воскликнул Каллум. — Будто мужчины всего лишь автоматы для подачи спермы.

Я заметила, как при последнем слове Бенджи навострил уши.

— Только не говори мне, что ты вступил в ряды «Отцов за справедливость»⁶! — закатила глаза Карен.

— По-моему, отпуск по уходу за ребенком — серьезный вопрос, — заметила я. — Недавно я писала об этом...

— Милая, прошу тебя! Для феминизма сейчас слишком жарко, — перебил меня Майк.

— Ай-яй-яй, — покачала головой Карен.

— Эли, расскажи о начале своей карьеры, — попыталась сгладить острые углы Джоди. — Все завертелось с того интервью на телевидении?

— Ну, вообще-то, оно не было началом, — уточнила я, поскольку целых пять лет до рождения Кэсси проработала журналистом. — Я просто решила — пора уже снова что-то делать, дети ведь выросли. Была вакансия в попечительском совете приюта для женщин, и я к ним присоединилась. Потом появилась

⁶ Организация, члены которой протестуют против отстранения мужчин от участия в жизни ребенка после развода.

возможность поучаствовать в дебатах о домашнем насилии на Четвертом канале, ну, знаешь, с этим ужасным комиком, и поскольку, кроме меня, никто не мог приехать, я согласилась.

— И она отказалась красить губы для эфира, как я ее ни умоляла, — вставила Кэсси, и все засмеялись.

— Но откуда ты обо всем этом знаешь, Эли? Майк тебя преследует? — пошутил Каллум.

Я вспомнила, что, выпив, он всегда становился немного похож на медведя и начинал неуклюже хлопать всех по плечам тяжелой ладонью.

— Если будет себя плохо вести, скажи мне, и я надеру ему задницу!

Я видела, что Карен смотрит на меня, но обсуждать свои познания насчет домашнего насилия мне совершенно не хотелось, особенно при детях. Поэтому я лишь улыбнулась.

— А теперь я пишу очерки, провожу опросы, много всего, связанного с феминизмом, — подытожила я и услышала вздох Кэсси.

Ее почему-то очень раздражало и смущало то, чем я занимаюсь.

— Ты поосторожнее с ней, Майки, а то вдруг она сделает с тобой то же, что Лоретта Боббит⁷. Шучу, шучу, — добавил Каллум, поймав осуждающий взгляд Джоди. — Ты многого добилась. Надо тебя привести к нам в офис, чтобы провела беседу. Мы тонем в делах о сексуальных домогательствах. Это действительно ужасно.

— И в каком проценте этих дел виноват ты? — стригла я, дабы показать, что сама не из тех феминисток, которые начисто лишены чувства юмора, и заслужила

⁷ В 1993 году американка Лоретта Боббит в ответ на домашнее насилие отрезала своему мужу детородный орган.

одобрительный смех Майка, а также, что более ценно, — Билла.

Я совсем успокоилась: мы отлично проводим время. Все в порядке.

— Ребята, а вы вообще осознаете, что скоро двадцать пять лет, как мы познакомились? Это же кошмар! Четверть века! — воскликнула я.

— Ой, я и забыла! — Джоди тронула Калума за руку: — Покажи им фотографии. Я их нашла, когда обустраивала детскую. Там целая куча.

— Да-да. — Каллум вытащил айпад, который до этого положил под кресло. — Смотрите!

И мы увидели свои лица двадцатипятилетней давности, в тот вечер, когда собрались в баре нашего колледжа в Оксфорде. Майк и Каллум уже подружились, — у мальчиков это просто, вне зависимости от того, четыре им года или сорок. Оба окончили хорошие частные школы, и поселили их по соседству, поскольку фамилии обоих начинаются на «М» — Моррис и Макинтош. На фото они в кроссовках «Найк» и черных джинсах. Каллум — в белой рубашке поло, а Майк — в футболке с «Роллинг Стоунз», должно быть, чтобы выглядеть более крутым. У Каллума на щеках — загар после лета, проведенного в Греции.

— Волос у тебя было побольше, Каллум, — заметила Карен слегка язвительно и передала планшет мне, снова взяв непотушенную сигарету, лежавшую на краю дорогого садового стола.

Интересно, давно ли она снова начала курить?

На фото мы с ней стояли, обнимая друг друга, с пьяными улыбками на юных, неумело накрашенных лицах. Познакомились мы как раз в тот день в очереди в магазине. Я радовалась, что мама с папой уехали пораньше, чтобы успеть до пробок. Теперь я смогу сама разложить свои вещи. 1993-й. Целая жизнь пролетела с тех пор...

— А это кто? — спросил Майк, глянув через плечо на экран и ткнув в него.

— Пальцы, — проворчал Каллум. — Ой...

В наступившей тишине мы все догадались, про кого спросил Майк. На заднем плане кому-то улыбалась Марта Рэсби, ее светлые волосы ниспадали на плечи. Марта... Это имя — точно камень во рту. Столько лет прошло, а я до сих пор не могла произнести его без содрогания.

— Такая красивая, — вздохнула Джоди. — Как жаль...

Больше никто не вымолвил ни слова.

— Пора в постель, Бенджи, — велела я, заметив, что сын клюет носом.

В саду уже стемнело, и Майк зажег свечи с цитронеллой, взяв зажигалку у Каллума. Мы оказались в круге света, к которому подступали тени и шелест листьев. Точно так же, как однажды ночью много лет назад.

— Ма-а-ам... — Бенджи встал, протестуя только для вида.

— Я его уложу и приготовлю кофе, — проговорила я, неохотно вставая. Выпитое вино тянуло вниз, будто грузики для дайвинга.

— Пожалуй, я тоже пойду спать, — объявила Джоди. — Малыш пинается, как футболист.

— Пойти с тобой, Джодс? — спросил Каллум.

Мне показалось, слишком поспешно. Так, словно он не ожидал иного ответа, кроме как: «Нет-нет, оставайся. Я очень быстро усну».

— Мне не надо кофе, — подала голос Карен. — Я наслаждаюсь алкоголем. Как будто мы снова в университете.

Ее босые ноги лежали на краешке кресла, в котором сидел Билл, невольно задевая его бедро.

— Не уходи, Эли, — попросил Майк. — Бенджи сам может лечь, все-таки ему уже десять.

— Мне надо убедиться, что он почистит зубы, — возразила я.

На самом деле я хотела начать убирать посуду, поскольку помнила об утреннем похмелье.

— Я тоже пойду, мам, — поднялась с места Кэсси. — Посмотрю еще сериал немножко.

— А ты, Джейки? — осведомилась я самым милым тоном.

Я понимала, каково быть тем, о ком все время забывают, да еще прыщавым и стеснительным.

— Пойду в палатку, — ответил он.

— Милый, мы помешаем тебе спать, — сказала Карен. — Мы будем еще очень долго сидеть, правда, ребята?

Было почти одиннадцать.

— А почему бы тебе не покайфовать малость у Майка в кабинете, пока твоя мама не решит пойти спать? — предложила я, заранее зная, что при слове «покайфовать» Кэсси закатит глаза. — Ты же не возражаешь, Карен?

— О, конечно нет! Отличная идея, Эли, — одобрила Карен.

Я проводила Кэсс на кухню, заметив, что Майк бросил свой джемпер «Хьюго Босс» за двести долларов на крыльце. Я было наклонилась, чтобы поднять его, но передумала. Ну почему бы джемперу не повалиться, а времени отхода ко сну не сдвинуться? Надо отключиться. Я не в состоянии одновременно работать, держать дом в идеальном порядке и делать своих детей счастливыми. Просто не могу, и все.

Бенджи уже послушно поднимался по лестнице, и Кэсси пошла за ним.

— Все хорошо, дорогая? — окликнула я ее.

Интересно, отчего она не захотела посидеть с Джейком еще?

Кэсси ответила, сжимая телефон и не глядя на меня:

— Все нормально, просто утомили истории про Оксфорд.

Наверное, она не ушла бы сейчас, если бы собиралась поступать в университет. Ей приходится тяжелее, чем я думала.

— Понимаю. Ты была очень терпеливой. Спокойной ночи, милая.

Она пошла наверх, ничего не ответив. Я начала устало складывать посуду в машину и мыть кастрюли. Майк ворчал, когда я ставила их в посудомойку, но при этом никогда не помогал. Я набросила полотенца на столешницы и спрятала полупустые бутылки. И почему люди открывают новую, еще не опорожнив предыдущую? Взяв белое вино, я плеснула его в чистый бокал.

Мне очень нравились эти бокалы. Я нашла их в антикварной лавке и всегда с удовольствием рассказывала об этом, если меня спрашивали, где я такие купила. Меня восхищали их ножки из зеленого стекла и то, что благодаря маленьким пузырькам в стенках любой напиток в них выглядел как шампанское. Я медленно отхлебнула глоток, глядя в окно. Четверо друзей сидели за столом при свечах. Границы между ними таяли под влиянием выпивки, темноты и ностальгии. Мне почудилась в этом какая-то опасность.

— Нужна помощь?

От неожиданности я чуть не подскочила. Билл вошел так тихо, что я не заметила.

— Нет, спасибо, я уже все. Остальное уберу завтра.

— Вернешься в сад? — спросил он и взял бутылку красного. — Можно?

— Конечно. Нет, я ускользну в спальню. Устала очень сегодня. Да и прохладно становится. — Собственные доводы показались мне не очень убедительными.

Билл подошел и вдруг оказался слишком близко. Я почувствовала его дыхание, и волосы на моей коже встали дыбом.

— Может, посидим в доме? Выпьем в гостиной? Мы сто лет не разговаривали.

— Я знаю, — ответила я и запнулась. Если бы я начала говорить все, что хотела ему сказать, то, наверное, не смогла бы остановиться.

— Эли, я...

И между нами повисло молчание. Оно все длилось и длилось. Билл взял мою руку повыше локтя, как будто хотел удержать, чтобы о чем-то рассказать, но по-прежнему молчал.

На секунду я заглянула в его темные глаза. Потом наклонилась, чтобы вытереть несколько капель красного вина.

— Пожелаешь всем за меня спокойной ночи? Если я выйду, то застряну еще на час. А кто-то ведь должен утром встать и приготовить завтрак. — Я бросила тряпку и пошла в спальню, говоря себе, что это разумный поступок. Лечь спать, пока не случилось ничего плохого.

Но я не знала, что уже слишком поздно для разумных поступков...

Позже я не могла вспомнить, почему проснулась. То ли меня разбудил шум, то ли шестое чувство. Что-то произошло. Я уже поняла, что у меня похмелье, во рту пересохло. Будильник с функцией освещения, который Майк купил для себя, показывал три тридцать ночи. Экран так и не горел с тех пор, как я сама его отключила, значит, муж еще не ложился. Аккуратно сложенная

пижама лежала у него под подушкой. Я встала с постели. Половицы деревянного пола, которым я так гордилась, чуть слышно заскрипели, когда я босиком пошла налить себе воды.

Дверь в комнату Бенджи была закрыта. Там спал Билл. Так странно: он находился совсем рядом со мной, за стенкой. Билл, которого я так долго не видела. Я снова испытала досаду: ну почему Майк в очередной раз все прослушал и перепутал комнаты! Теперь оставалось только надеяться, что Карен не обидится на нас за ночлег над гаражом.

Следующая по коридору — комната Кэсси. Сквозь полуоткрытую дверь я разглядела крепко спящего Бенджи.

Гостевая комната пустовала. Ни Джоди, ни Каллума там не было.

Повсюду, в коридоре, гостиной, кухне, горел свет. Либо гости не спали, либо им было плевать на наши счета за электричество.

Джоди стояла посреди кухни в удивительно грязном халате поверх пижамы и с кофеваркой в руках. Я заметила, что она вытряхнула старую заварку прямо в раковину и по той разбежались маленькие коричневые крупинки, похожие на муравьев. Неужели не подумала, что слив забьется?

— Ничего, что я вышла в халате Каллума? — спросила Джоди. — Халат не очень-то чистый.

— А где Каллум?

Она осторожно и плавно подняла чайник. Все ее движения были такими выверенными, словно она держала в руках горку свежих яиц.

— Отключился на твоём диване в гостиной. Я его там увидела, когда спустилась за водой.

Нужно было поставить ей графин и стакан возле кровати. Обычно я так и делала, а теперь забыла. Видимо, из-за всей этой суеты.

— Не станем его будить? — спросила я.

Не знаю, что она ответила бы, поскольку именно в этот момент я услышала стон, скрип кухонной двери и звук заплетающихся шагов. Карен... Она пришла босиком, из волос торчали травинки, а некоторые прилипли к лицу. Глаза у нее были вытаращены, а на щеке алел кровоподтек. А потом она сказала то, что сказала, и все на свете перевернулось с ног на голову.

— Он меня изнасиловал. Он изнасиловал меня.

И Джоди задала тот вопрос, который не смогла бы задать я:

— Кто, Карен?

А та ответила:

— Майк. Это Майк... — И упала на колени.

Билл

В целом он не жалел, что приехал. Хотя, когда летел на мотоцикле, потя под кожаной курткой, сомневался, что поступает верно. Ему не нравились подобные снобские городки, состоявшие по большей части из роскошных магазинов для скучающих богатых домохозяек. Здесь и пригород выглядел иначе: зеленый, аккуратный и компактный. В Швеции же все было словно разрублено на неравные куски, но величественно. Он и забыл, как тесна Южная Англия. Было странно разговаривать по-английски на автозаправке, слышать кентский акцент, даже ощущать во рту знакомые слова.

Не таким он ожидал увидеть дом Эли. Она всегда говорила о Париже, Нью-Йорке, Берлине, но не о Кенте с его деревушками, как с открытки, и сонными городками, где дома стоят не меньше полумиллиона. Подобное место было пределом мечтаний Майка. Эли, конечно, последовала за ним, потянулась, как хвост за кометой. Это разочаровало, но не удивило Билла. Он сказал себе, что по-другому и быть не могло.

Если не считать этих мыслей, все остальное радовало. Правда, к шуточкам Каллума не очень легко приспособиться, а Майк тому подпевает, зато здорово увидеть всех снова и вспомнить, что у него была какая-то жизнь до Швеции, до Астрид. Билл словно ошупью шел к себе тому, восемнадцатилетнему парню, который явился в Оксфорд с двумя парами джинсов, одной парой кроссовок и коробочкой табака. Он назвался Биллом, оставив свое настоящее имя — Биляль — на верхней полке поезда. Ему пришлось выдержать нелегкий разговор с матерью, которая почти всегда носила сари, и объяснить ей, что для Оксфорда новое имя необходимо. И дело не в расизме. Просто здесь такие, как он, обычно убирают в чужих домах или стоят за кассой в магазинах. Мать умерла, и теперь некому называть его настоящим именем.

Он был доволен, что приехал, и все же после ужина ему захотелось побыть одному. Курение — вполне приемлемый повод, чтобы покинуть компанию и отдохнуть от разговоров. Потом он пошел узнать, не нужна ли Эли помощь, и был очень удивлен ее перфекционизму, желанию, чтобы все было в идеальном порядке — тарелки, бокалы, стаканы, салфетки, столовые приборы... И это Эли, которая в колледже сидела на полу в общей прихожей и ела макароны, макая их в банку с песто. Он вышел в сад. За сцену в кухне ему было неловко. Глупо думать, что после стольких лет они могли бы снова почувствовать себя близкими людьми. Дотронувшись до руки Эли и увидев в ее глазах тревогу, он не сумел сказать того, что хотел, да и сам не понимал, о чем собирался говорить.

Снаружи стало прохладно. Свечи, зажженные Майком, уже догорели, и только по звукам голосов было ясно, что они с Каллумом еще сидят за столом.

Все же дом Эли Биллу понравился, и он, непонятно отчего, был рад этому. Стены на углах немного облупились, сад, за которым ухаживали, разросся и был полон цветов — наперстянок, маттиол, гиацинтов, и все это выглядело гармонично. Ветви деревьев образовали над садом навес, в глубине крон пели птицы. Показывая гостям владения, Эли извинилась за неубранную кучу мусора, и это навело Билла на мысль, что она все не так сильно наслаждается своим домашним раем, как могло показаться.

Интересно, чем сейчас занята Астрид? Ни у него, ни у нее не было страничек на «Фейсбуке»; она это ненавидела. Сейчас Билл подумал, что это неудобно. Можно было бы узнать, где она и с кем. Он не очень представлял себе, как она теперь, без него, может проводить время.

Билл вздохнул. Годами он с любопытством наблюдал за любовными драмами своих друзей, в то время как они с Астрид словно плыли вместе по озеру, как пара лебедей, спокойные и полные достоинства. Теперь его подмывало взломать ее почту, умолять принять его обратно — порывы, не свойственные шведскому темпераменту. Он, конечно, знал, что все кончено, они оба знали, но с этим оказалось удивительно трудно смириться.

Билл вспомнил, что оставил телефон в сумке на сиденье мотоцикла, и подумал, что мог бы написать ей. А вдруг она сама уже написала ему? Просто подержать в руке этот кусок пластика — будто опять установить с ней невидимую связь. Он прошел мимо палатки Джейка, подумав, что этот парень несчастлив и неловок. Если бы Билл знал его получше, то сказал бы ему какие-нибудь мудрые и ободряющие слова.

Он нырнул в гараж, который был больше их с Астрид домика на берегу озера. Вернее, домик принадлежал

только Астрид уже тогда, когда Билл познакомился с ней во время поездки по Скандинавии после окончания университета. Она была на три года старше его и на сто процентов круче.

В гараже пахло маслом и стружкой, вдоль стены были выложены горкой дрова. Билл знал, что в кабинете наверху остановилась Карен. Оттуда доносились звуки мобильного. Наверное, Джейк играл там в какую-то игру. Двухэтажный гараж — дань пост-оксфордскому поклонению собственности. Случайно он услышал разговор: Эли спрашивала Майка, почему тот проводил туда Карен.

«Я приготовила кабинет для Билла».

«Билл может поспать в комнате Бенджи».

«Да, я знаю, но...»

Вдруг она заметила его и улыбнулась такой натянутой, слишком веселой улыбкой, что его сердце сжалось. Та, прежняя, Эли никогда не улыбалась так. Может быть, она считала, что в его новом статусе холостяка ему больше подойдет эта комната. Как старомодно. Что же, Эли теперь старомодная? Или всегда была такой? Он понял, что совсем не знает ее.

Билл нашел свой телефон. Сообщений не было. Нахлынуло одиночество, словно Астрид с каждым часом все больше удалялась от него.

— А, вот куда ты ускользнул! — В гараж вошла Карен. Ее глаза блестели, и было видно, что она пьяна.

— Я не ускользал. Идешь спать?

— Ну уж нет! Пошла за кардиганом. Стало холодно, — сказала она, но не двинулась с места. — Так ты теперь один?

— Похоже.

— Скучаешь по ней?

Билл заметил, что Карен как-то странно двигает своими босыми, уже испачканными ногами, будто

пытается встать в асану. Они дружили в университете. Оба слушали и обсуждали музыку в стиле инди, а их однокурсники из хороших семей говорили только о гребле или выпивке. Сейчас он совершенно ничего не знал о жизни Карен, кроме того, что ее сыну скоро восемнадцать. Столько же было ему самому, когда они познакомились.

— По Астрид? Ну да. Мы были вместе двадцать лет.

— Никто из нас не предполагал, что вы продержитесь так долго. Думали, что через несколько месяцев ты вернешься с ледяного Севера. — Ее голос был грустным. — Мы по тебе скучали, Билли-бой.

— Да и я скучал по вам, — произнес он с улыбкой, лишь бы поскорее закончить разговор.

— Скажи, а по мне ты скучал?

— Конечно. Просто очень дорого ездить сюда часто.

— А ты помнишь первый курс? Помнишь, как мы познакомились?

— Да, кажется, на вечеринке с инди-музыкой.

— Я тогда очень удивилась. Думала, что уже знаю всех парней с первого курса, и тут появляешься ты.

— Ну да. Мне не особенно нравилось шататься по барам.

— И знаешь, что я подумала тогда? — Карен прислонилась к стене, упершись в нее одной ногой. Ее и без того короткое платье приподнялось.

Билл внезапно понял, к чему идет дело.

— Нам надо вернуться к остальным, — сказал он извиняющимся тоном.

— Я подумала тогда, — не обратив внимания на его слова, продолжала Карен, — что ты самый горячий парень на первом курсе.

— Очень мило с твоей стороны. Это было так давно. Даже моя шевелюра успела поредеть.

— Нет-нет. — Она подошла к нему очень близко, сквозняк пошевелил ее волосы, и они коснулись его лица.

А вот у Эли теперь была короткая стрижка — выбор практичной мамочки.

— А вообще, пойду-ка я спать, — зевнул Билл.

— Не ходи! Это же скукота!

— В Швеции мы не особенно много пили. Я утратил хватку.

— Ты же не бросишь меня со старыми занудами — Майком и Каллумом, которые говорят только о своих противных законах?

Билл мог бы ответить, что прежде она вовсе не считала Майка занудным, но не решился, боясь задеть за живое. Карен уже давно была одна, а он — только два месяца, и боль от расставания с Астрид иногда ощущалась как удар ножа под ребра.

— Хорошо, я выйду с тобой, — кивнул он и протянул руку, чтобы вывести ее, а Карен вдруг уткнулась в нее лицом.

От нее пахло алкоголем и духами: она, должно быть, переборщила с парфюмом.

— Билл, ты такой хороший. Жаль, что тебе нравится Эли, а не я.

— Не говори ерунды. Вы всегда нравились мне одинаково.

Если Карен уже готова делиться секретами, то он — нет. По крайней мере, пока...

Придя в комнату Бенджи, он улегся в постель и, глядя на мерцающие на потолке звезды, думал то об Астрид, то об Эли, которая была в соседней комнате. А потом уснул, чтобы через некоторое время проснуться в мире, вышедшем из-под контроля.

Глава шестая

Я выскочила из дома в пижаме и побежала босиком по саду. Она сказала: «Майк». Нужно его найти, поговорить с ним, и тогда все разрешится. Карен сошла с ума! Такого просто не может быть! Он не сделал бы этого никогда! Нужно его найти.

Потом меня еще долго беспокоили колючки, которые попали под кожу, пока я бегала по траве. Майка я нашла не сразу, было темно, и свет из кухонного окна не проникал в дальние уголки сада.

Джейк, очевидно разбуженный моим криком, вылез из палатки. Волосы его слиплись и лоснились, как барсучья шерсть. Краем глаза я заметила возле дома Кэсси в шлепанцах и кардигане поверх легкой пижамы с короткими шортиками. Я не поняла, зачем она здесь, но заикливаться на этом не стала, ведь я искала Майка.

Из дома вышел Билл в футболке и пижамных штанах. Джоди все так же топталась на крыльце, держа кофейник. И только Майка нигде не наблюдалось. Все это очень напоминало кошмарный сон.

Обнаружила я его на садовых качелях, там, где раньше сидели Джейк и Кэсси. Он спал. Было заметно, что он пьян, волосы стояли торчком, а лицо казалось опухшим, словно от аллергии.

— Майк, — позвала я, сдерживаясь, чтобы не начать его трясти.

Он просыпался медленно и неохотно, а проснувшись, сморщился так, точно у него все болело.

— О боже! Я что, заснул?

— Какого черта?! Что происходит?! — вскричала я.

Он потер лицо и скривился:

— Христа ради, Эли, не ори, голова раскалывается...

— Майк! Карен сказала, что ты... Кто-то напал на Карен!

Сколько же раз я спрашивала себя потом: увидела ли тогда что-либо в его глазах? Да, увидела. На мгновение его лицо приняло виноватое выражение.

— Она... она...

— Ах ты сволочь! — неожиданно закричал Джейк.

Он рвался к нам через лужайку, а Билл пытался его удержать, схватив за локти и что-то бормоча при этом.

— Что ты сделал с ней?! Что ты сделал?! — орал Джейк.

Майк смотрел на нас с изумлением. Мы все были перед ним — Джоди, Билл, я, Джейк, Кэсси, бледная и напуганная. А из кухни доносились рыдания Карен.

— Я вызвал полицию, — очень спокойно сказал Билл.

Я уставилась на него. Зачем он это сделал? Разве нам нужны здесь полицейские? Неужели мы не смогли бы разобраться сами?

— Зачем?! — выдохнула я. — Это... это смешно. Ведь такого просто не может быть! Просто не может!

— Прости, она умоляла меня вызвать их, — проговорил он виноватым тоном, не глядя на Майка. Потом подошел, приобнял меня за плечи, и я почувствовала тепло его рук. — Эли, нужно дать полицейским возможность разобраться. Необходимо, чтобы все оставались на своих местах, пока они не приедут.

Я пыталась прийти в себя: мерила шагами заднее крыльцо, дрожа от шока. Не могло это быть правдой, не могло! Карен ошиблась. Я подошла к ней, чтобы попытаться как-то успокоить и расспросить, но она, дернувшись от прикосновения, оттолкнула мои руки. Лицо у нее было таким бледным, словно вся кровь

отхлынула от щек. На кухне находились Джейк и Джоди, которая буквально выгнала меня, приказав:

— Лучше тебе выйти, Эли!

И это в моем собственном доме!

Майк все еще сидел на качелях с опущенной головой, а Билл стоял перед ним, то ли сторожа, то ли оберегая. Он тоже велел мне отойти, правда мягко. А Каллум, наверное, все еще лежал в отключке на диване в гостиной. Кэсси топталась на крыльце, завернувшись в кардиган. Я заметила на ее шлепанцах прилипшие прелые листья и траву, как будто девчонка бродила по лесу. Где же она была?

— Что случилось? Что случилось? — повторяла дочь.

Но ей не отвечали, потому что никто не мог найти нужных слов.

— Мама, что случилось?!

— Где ты была? Куда ходила? — ответила я вопросом на вопрос.

— Выходила подышать. Вы так шумели. Что с Карен?

Еще совсем недавно она называла ее тетей Карен.

Но я не ответила. Внезапно меня пробрал дикий озноб. В голове крутились слова подруги: «Это Майк. Он изнасиловал меня». Мой разум отказывался в это верить. Как он мог?! Мы же все здесь друзья! Но то, что она действительно подверглась насилию, было видно и по отметинам на шее, и по тому, как она дрожала, ссутулившись и обхватив себя руками.

Она просто ошиблась насчет Майка. Это ошибка!

Впервые за много лет я не представляла, что делать. К кому идти? Что вообще происходит? И снова Джоди попыталась взять контроль над происходящим. Выйдя на крыльцо, она приобняла Кэсси, но та стряхнула руку.

— Тете Карен плохо, — сказала Джоди. — Она говорит, что ее кто-то избил. Советую тебе подняться к себе и лечь. Тут сейчас будет не очень приятно.

— И правда, — добавила я хрипло, словно проговорила всю ночь, — вам с Джейком лучше пойти наверх.

Естественно, детям не нужно присутствовать здесь. Хотя Джейк, конечно, не ребенок, ему скоро восемнадцать. Но не сообщать же Кэсси, в чем обвиняют ее отца. Ведь это недоразумение. Полиция приедет и обязательно во всем разберется.

Хотя нам с моей матерью не особенно-то помогали полицейские, когда мы их вызывали.

Кэсси как будто только сейчас заметила Джейка, который, присев на корточки, одолевал мать вопросами:

— Мама, скажи, что случилось! Скажи. Он сделал тебе больно?

Карен же, казалось, не слышала его. Она тряслась, вцепившись в локти так сильно, что даже пальцы побелели.

На лестнице послышались шаги. Боже, я совсем забыла о Бенджи! Он выглядел таким маленьким и невинным в пижамке с надписью «Звездные войны», из-под которой торчал голый животик.

— Что случилось, мама? Вы так кричите, что я проснулся.

Я хотела броситься к нему, защитить от всего, хотя сама не понимала, что именно происходит, но тут по садовой дорожке зашуршали колеса. Приехала полиция.

— Пойдем наверх, Бендж, — сказала Кэсси.

Наконец-то до нее дошло.

Мы напились, с Кэсси что-то не так, и у всех очень виноватый вид. У всех! Неожиданно у меня в памяти всплыла та ночь, в 1993-м, когда погибла Марта Рэсби.

Точно такую же смесь страха, стыда и вины я испытывала тогда.

Полицейские вели себя очень вежливо. Я узнала констебля, он приезжал в наш приют несколько месяцев назад. Непонятно, кто из нас смутился больше — я или он. Мои надежды не оправдались. Я ожидала от них категорического опровержения: никто из присутствующих не мог напасть на Карен, ведь ее окружали друзья. Но вместо этого они просто потихоньку увели ее. Я знала, что в Мэйдстоуне есть центр для жертв сексуального насилия, поскольку писала об этих новых учреждениях, никогда, конечно, не думая, что они будут как-то связаны с моей жизнью. Там у Карен возьмут анализы, мазки и... не знаю, что еще. Несмотря на мои попытки ухватить суть происходящего, та ускользала от меня.

Когда, написав краткий протокол, они повели Карен по лужайке, я все еще стояла на крыльце.

— Подождите! Надо, чтобы кто-то из нас поехал с ней! — крикнула я.

В первую очередь, конечно, это стоило сделать мне, ведь она моя лучшая подруга.

Но Карен испуганно оглянулась и прохрипела:

— Нет! Только не она!

Я отпрянула, точно меня ударили.

Билл, который тоже был здесь, взял куртку и спокойно произнес:

— Я поеду. Если можно.

Она закусил губу и протянула ему руку. Полицейские тихо посоветовались и разрешили Биллу поехать, если он обещает ни с кем не обсуждать произошедшее. Он был свидетелем, как и все мы.

Интересно, что он сказал по телефону, когда вызывал их? Повторил ли ее абсурдное обвинение?

Лужайку уже оцепили как место преступления. Офицер поддерживал Карен, точно жертву какого-то ужасного несчастного случая. На ее бедре все еще просматривался кровавый след. Я почувствовала, как мне тяжело отпускать Билла, и подумала, что его присутствие всегда действовало на меня успокаивающе. Любая тревожная ситуация становилась более-менее сносной, если он был рядом.

Начало светать, и я поняла, что прошло уже несколько часов. Мы с констеблем сидели в гостиной. Меня трясло, и я хотела закутаться в синее шерстяное покрывало, лежавшее на спинке дивана. Но вдруг тогда полицейский решит, что я эгоистка, заботящаяся только о себе?

— Что с ней будет? С Карен, — спросила я.

Констебль не ответил, а вместо этого попросил:

— Расскажите, что случилось, миссис Моррис.

Интересно, сколько ему лет? Слегка за двадцать, наверное. Иногда от смущения он заливался краской до самой шеи. Я не запомнила, как его зовут, хоть он и представился.

— Ну, я легла спать, потом проснулась и спустилась попить, а потом она, в смысле Карен, пришла и сказала... то, что сказала. Но, господи, он, конечно, не мог этого сделать! Он не такой! На него это совсем непохоже.

Констебль строчил в своем блокнотике, который мне внезапно захотелось разорвать.

— Как давно вы знакомы с мисс Рэмплинг?

— О боже, двадцать пять лет! Мы вот недавно об этом говорили. Мы все здесь друзья, старые друзья.

— Вместе учились, верно?

— Да, все шестеро.

— И ваши дети тоже были здесь. — Это прозвучало как обвинение.

— Да... Кэсси — пятнадцать, Бенджи — десять. И еще Джейк, сын Карен. Ему восемнадцать. Скоро исполнится.

Я старалась помочь констеблю понять: мы — приличные люди, и Майк никогда не совершил бы такого.

Он продолжал записывать.

— А отец Джейка?

— Мы не знаем, кто он. Она никогда не рассказывала. Не уверена, что она сама знает. В те времена Карен была очень... Но... — Я поняла, что сказала нехорошее о своей подруге, которая обвиняла кого-то в изнасиловании. Вернее, не кого-то, а моего мужа.

— А где Майк? — вдруг опомнилась я. — Где он?

— Мы забрали вашего мужа в участок. Он арестован. У него тоже возьмут анализы: мазки из-под ногтей, лобковые волосы, щетину, чтобы сделать ДНК-тест. Итак, вы сказали, что проснулись...

— Ну да.

— Вас что-то разбудило?

— Нет, просто сама проснулась. Захотела пить, пошла на кухню за водой. Обычно я ставлю стакан рядом с кроватью, а тут забыла. Хотя, может быть, меня разбудила Джоди.

— Миссис Макинтош?

— Да, но она предпочитает свою девичью фамилию — Шейферт. Джоди беременна и плохо спит. Когда я спустилась, она заваривала кофе и сообщила, что ее муж Каллум заснул на диване.

— А дети ваши спали?

О нет! Ведь Кэсси была на улице, я видела грязь на ее обуви.

— Мои — да. Джейк, наверное, был в кабинете мужа, над гаражом.

Действительно ли Карен оставила его там? Голова разболелась от всех этих мысленных расчетов — кто, где и когда находился.

— Значит, вы пошли спать, а в саду оставались мисс Рэмплинг, мистер Макинтош и ваш муж?

— И Билл. Билл Агарвал, еще один наш общий друг.

Я подумала о косячках в жестяной коробочке Билла и об алкоголе. Уже светало, утро выдалось серым, а я до сих пор не выпила воды, и горло было сухим, как те листья, что валялись в куче позади сарая.

— Но он тоже ушел спать. Спустился, только когда она... Господи, я просто не могу понять, как такое могло произойти! Карен и Майк давно дружат! Может быть... Я думаю вот что: может, кто-то проник в сад. Кто-то чужой... — Мысли лихорадочно скакали в голове. Можно ли не понять, что за мужчина напал на тебя, если ты пьяна и вокруг темно? — Майк не мог этого сделать. Он просто не способен на такое!

Помолчав, констебль заметил:

— Насколько я знаю, вы — председатель попечительского совета приюта для женщин?

Очевидно, этот вопрос означал: «Вам хорошо известно, что насильником может оказаться и друг». Да, это и правда распространенный вариант, и я сама в прошлом бросалась такими утверждениями, будто ручными гранатами. Но Майк?.. Снова я пыталась ухватиться за доводы разума, как акробат за страхующий трос, мимо которого, увы, промахнулся. Нет, мой муж, разумеется, никогда не стал бы насильником. Мне приходилось встречать негодяев, и Майк не такой.

Кивнув, я вяло поинтересовалась:

— Что теперь будет?

— Ну, мы сделаем анализы, снова допросим мисс Рэмплинг и вашего мужа. Если она будет настаивать

на обвинении, назначат слушание в суде. Возможно, в понедельник или во вторник.

— Можно ли внести за него залог?

Лицо полицейского, раньше казавшееся добрым, теперь стало бесстрастным.

— Это не мы решаем, миссис Моррис.

Отпускают ли под залог подозреваемых в изнасиловании? Я снова вспомнила синяки на шее Карен, их густой чернильный цвет. Майк? Нет! Никогда! Он ведь никого и пальцем не тронул за всю свою жизнь, я уверена. Он любил повторять, что из-за маленького роста должен побеждать врагов не кулаками, а умом. Потом я подумала о Джейке, вспомнила, как тот хотел броситься на Майка.

— Где Джейк? — спросила я. — Сын Карен, то есть мисс Рэмплинг. Он так устал, не спал всю ночь, у нас полно свободных комнат, и не надо ему торчать в дурацкой палатке...

— Миссис Морис, — сказал констебль вежливо, но твердо, — сегодня Джейку лучше переночевать в другом месте. Мы позаботимся об этом.

Я подумала, что он далеко пойдет, этот детектив, чье имя я забыла. И тут же до меня дошло следующее. Раньше я считала Карен и Джейка членами семьи, но теперь между нами словно провели черту. Они или мы. Они против нас. Я вспомнила бледное испуганное лицо Карен, и мое сердце сжалось. Но Майк?.. Нет. Нет, и все!

У констебля зазвонил телефон. Глядя на меня извиняющимся взглядом, он произнес в трубку:

— Да, да, да. Я понял. Все понял.

Я ждала, уставившись на ковер. Мне вспомнились пятна на лице Карен и травинки в ее волосах. Она выглядела так, будто ее вдавливали в землю.

— Боюсь, у нас плохие новости. Результаты анализов подтверждают, что есть следы спермы и следы насилия.

Я охнула. Следы спермы... Но ведь не обязательно, что это сперма...

— Мне надо сейчас же поговорить с мужем! Мне ведь не запрещено с ним общаться?! — вскричала я.

Я должна посмотреть Майку в глаза и услышать от него, что это неправда, тогда я наконец успокоюсь и смогу помочь Карен, как и полагается лучшей подружке. Что плохого, если я спрошу его? Разве этим я встану на чью-то сторону?

— Вы можете отвезти ему одежду в участок. Говорить разрешено, но только не о случившемся, — предупредил полицейский с каменным лицом.

Я вспомнила нашу предыдущую встречу. Он был так мил и учтив. Рассказывал мне, как ухаживает за больной матерью. Адам. Его зовут Адам — вдруг всплыло у меня в мозгу. Детектив Адам Дивайн. Имя ирландское, и это притом, что один из родителей у него чернокожий. Необычно для этого чистенького городка белых богачей.

Теперь он смотрел на меня, точно на преступницу, и я отчего-то чувствовала себя ею.

Глава седьмая

Майк выглядел паршиво. Скорее всего, ему не удалось больше поспать после пьяной отключки на качелях. Я просто не представляла себе, что он мог проделать *это* с Карен, а потом плюхнуться на качели и уснуть. Исключено!

Он сидел в комнате для допросов в дешевом спортивном костюме серого цвета. Видимо, одежду у него забрали, чтобы сдать на экспертизу. Дежурный определил время: нам можно поговорить не более пяти минут. Поразительно, в какие считанные мгновения они способны реквизируют всю вашу жизнь. Сделать так, чтобы вы не могли ни поесть, ни уйти, ни сходить в туалет, ни повидаться с супругом без их разрешения. Всего несколько часов назад я приходила в этот самый участок как уважаемый член общества. И вот все перевернулось с ног на голову. Но как, как такое могло произойти со мной?!

Я открыла дверь, вошла в неуютную, грязную комнату, и Майк поднял голову. Глаза у него были красивые, на подбородке чернела щетина, лицо выглядело помятым. Все-таки в нашем возрасте уже не стоит пить ночь напролет. Мы слишком стары для этого... Я держала в руках кипу одежды, мягкие домашние вещи без пуговиц. Как будто для больного. Их осмотрели на предмет чего-то острого или шнурков — того, чем он мог бы причинить себе вред.

Интересно, а где Карен? Что с ней делают?

— Привет, — буркнул Майк, едва глянув на меня, и опустил глаза.

— Как ты?

Он пожал плечами:

— Мне предъявлено обвинение.

— Ох... — Я понимала, что это означает. Они считали, что у них есть основание завести на него уголовное дело. — Ты ел?

— Меня накормили. И где поспать, тоже есть. Но я не мог. Это невозможно... сейчас. Сумасшествие какое-то...

Меня снова чуть отпустило. Он отрицает свою вину. Ну конечно, он и не может быть виновен!

— Но что, черт возьми, случилось?! — Теперь мне удалось произнести это вслух.

Мне велели не обсуждать случившееся, но, если комната не прослушивается, они не узнают, о чем мы говорим. А если прослушивается? Я не представляла, возможно ли такое вообще.

— Я не знаю! Мы напились. Я, наверное, сел на качели и уснул. Это все, что я помню. У Билла была какая-то крепкая трава, я к такой не привык. Поэтому меня просто накрыло.

— Накрыло или ты вырубился?

Это разные состояния. Вырубившись, человек просто лежит, а если его накрыло, может ходить и что-то делать, но после ничего не помнить.

— Я... — Он снова пожал плечами. — Не помню я... Все как в тумане.

— Ох...

Пластиковое кресло, в котором я сидела, холодило ноги. Вероятно, здесь работал кондиционер. Во время дневной жары это было необходимо, но сейчас, в семь утра, тело покрылось мурашками. Я и не подумала накинуть что-то на пресловутое платье в цветочек, которое натянула перед приездом полиции и которое пропахло потом и алкоголем.

— Ты видела ее? — спросил Майк.

Я покачала головой.

— Эли, я клянусь тебе, я бы никогда в жизни не смог совершить ничего подобного! Даже в молодости. Я никогда не мог и никогда не смогу причинить боль женщине!

И снова мне стало легче дышать, но внезапно перед моими глазами встало лицо Марты Рэсби. Но нет, прочь! При чем тут она? Совершенно другой случай. Майк — нежный, заботливый. Он никогда не делал мне больно. Он даже никого из детей ни разу не шлепнул.

— Зачем она так сказала? — прошептала я.

Мы перешли на шепот, словно нас кто-то подслушивал. Возможно, так оно и было. Кто знает, чем наспиговали стены этой комнаты. А не будет ли у меня неприятностей из-за того, что я с ним разговариваю об этом? Ведь обвинение предъявлено, значит, сопоставив все наши показания, они решили, что он виновен.

— Да откуда же мне знать?! Она была бухая! Мы все были...

— У нее синяки на шее, Майк. Я сама их видела, собственными глазами... — Вспомнив струйку крови, бежавшую по бедру Карен, я содрогнулась.

Он нахмурился:

— Что, правда?

— Очень страшные. Будто ее душили.

На мгновение Майк задумался, а потом начал задавать вопросы:

— А вдруг кто-то чужой проник в сад? Может такое быть? Кругом темно, она — пьяная. Билл уже ушел спать, а где был Каллум?

— На диване в гостиной, тоже в отключке. Похоже, он замерз на улице.

— Значит, кто-то мог зайти через лужайку или даже прийти из леса. Ведь камер с той стороны нет.

Я вспомнила про Кэсси. Видела ли она что-нибудь? И куда она ходила?

— Майк, я верю тебе. — Глубокий вздох. — И знаю, что ты не мог сделать ничего подобного. Но ты должен мне все рассказать. Ответь, есть ли у Карен хоть какая-то причина обвинять тебя?

Майк посмотрел на свои руки, на одной была заметна царапина. Еще я поняла: ему есть что сказать, и вся похолодела.

— Я... Поверь мне, пожалуйста, Эли, я бы не стал сейчас тебе *это* рассказывать, но все равно всплывет. Думаю, они смогут... Так что лучше я сам. Боже мой!

Я молчала. Ледяной холод и от кондиционера, и от ужаса обьял меня с ног до головы. Второй раз за эту ночь мне больше всего на свете хотелось остановить время, отмотать его назад, закрыть глаза и уши. «Не говори ничего, Майк», — мысленно просила я, зная, что после произнесенных им слов наша жизнь непоправимо изменится. Но выбора не было. Совсем. Ведь мы находились в полицейском участке, и Карен утверждала, что Майк ее изнасиловал.

— Мы с Карен... Это случилось всего один раз... Я клянусь! И я сразу же очень пожалел и поставил крест. Я оступился... А она, может быть, хочет наказать меня. Ты же знаешь, когда ее бросают, она...

— Ты говоришь, что у вас с Карен...

Нет, не надо! Перемотай назад...

— ...был роман?

— Не роман, Эли, нет. Всего один раз. Сам не знаю, что на меня нашло.

Я все поняла, хотя мой мозг никак не хотел мириться с этим.

— У вас был секс? Когда?

Он молчал. Но я уже догадалась сама:

— Вчера? Пока меня не было?

— Мы так давно не видели друг друга. Я не понимаю, как это случилось. Она просто... пришла ко мне и... Прости меня, Эли!

— У нас дома? В нашей кровати?

— Нет, у меня в кабинете.

Так вот чем объяснялось замешательство Карен, когда я предложила Джейку туда пойти! А еще — несвоевременное желание Майка принять душ.

— А дети? Джейк?

— Они не знали, не видели... Клянусь.

— О господи!

— Я знаю, все знаю, Эли! Но у меня не получилось сопротивляться. Клянусь, начала Карен, она ко мне пристала. Я сказал, что этого больше не повторится.

И значит, вот почему она рано приехала и почему они радовались моему отъезду! Все аккуратно встало на свои места, сложилось, как пазлы. Я вцепилась в стол, и от него отвалился кусочек пластика, обнажив фальшивую древесину.

— Да почему сейчас? Вы знакомы двадцать пять лет, черт возьми!

Он молчал.

— Скажи, Майк, зачем тебе вдруг захотелось заняться с ней сексом?

Он тихо произнес:

— Ты изменилась...

— Изменилась?

— Уже много лет ты такая... удовлетворенная. Дом, дети... Тебе больше вроде бы ничего и не надо. Но с недавних пор ты как будто все время сердита. Все из-за этого феминизма. Мне казалось, что ты... зла на меня.

Я смотрела на него во все глаза. В словах, слетавших с его губ, для меня не было ни тени смысла.

— Я знаю, как хреново поступил, — продолжал он. — Я знаю. Но из-за того, что говорит она, я могу сесть в тюрьму. На годы. Навсегда. За *это* ведь пожизненное дают. Но я-то не насиловал ее, Эли. Не знаю, может, она сама себе эти синяки устроила. Может, она просто не в себе. Боже... Помогите мне! Я сволочь, но я не преступник. Скажи им! Скажи им, ну, не знаю, что ты видела из окна, как я пошел спать...

Я вся дрожала. И неожиданно для себя выпалила:

— Это же совсем как с Мартой!

Он отпрянул:

— Нет! Совсем не так! Господи, Эли!

— Тогда ты тоже просил меня соврать.

— Это не было враньем!

Как все знакомо — ощущение песка в глазах после бессонной ночи; рассвет, обрушивающийся на тебя, словно ведро холодной воды; женщина, которой эта ночь не оставила выбора...

Однако к восходу солнца того далекого дня Марта Рэсби была уже мертва.

— Объясни, почему это не то же самое.

— Что ты такое говоришь, Эли? Какой-то незнакомец проник тогда в сад. А я оказался в неподходящем месте в неподходящее время. Просто не повезло!

— И на этот раз тоже незнакомец?

— А кто еще, Эли? Кто еще мог сделать такое?

Дверь приоткрылась. Время свидания истекло. Я встала и пошла к выходу, словно сомнамбула. Майк крикнул вслед:

— Ну если не для меня, так для детей! Сделай это для Кэсси и Бенджи!

1993

У меня обгорела спина и плечи. Это уже чувствовалось, и я пожалела, что не купила солнцезащитный

крем. Но до конца семестра оставалась пара дней, и с деньгами было туговато. Я подвинулась, пытаюсь занять местечко в тени. Мы были на лужайке перед колледжем. Карен, лежавшая на животе в шортах и майке, приподнялась на локтях.

— У тебя кожа красная, Эли, — сказала она.

— Я знаю.

— С платьем будет плохо смотреться.

— Да знаю я! Одолжи мне рубашку.

Карен кивнула, и я набросила на обгоревшие плечи ее клетчатую рубашку, пахнущую табаком и Чарли Сильвером.

Мысль о платье меня взволновала. Сшитое из сиреневого шелка, оно ласково обвивало мои ноги, когда я ходила по комнате. Чтобы купить его, я все пасхальные каникулы проработала в супермаркете «Теско», неподалеку от дома, и постоянно конфликтовала со своим непосредственным начальником, который имел предубеждение против всех, кто учится в университете, а в особенности в Оксфорде. Поэтому на меня постоянно смотрели с презрительной усмешкой и никогда не приглашали в паб выпить после работы.

Майк написал мне за лето всего один раз: прислал открытку из Франции, где проводил каникулы вместе с родителями в их «маленьком домике». Я ответила, соврав, что добросовестно занимаюсь, хотя на самом деле днем расставляла по полкам банки с консервами, а по ночам не могла заснуть, слыша, как отец орет на мать, заглушая очередную серию «Улицы Коронации»⁸. Было ужасно обидно, что Майк не пригласил меня во Францию. Что бы это могло означать? Я изо всех сил старалась поменьше думать об этом. Тем более что денег на поездку у меня все равно не было.

⁸ Британский телесериал.

Я ненавидела свой родной городишко, где все мои одноклассницы уже выскочили замуж и нарожали детей, где даже не было книжного магазина и я не могла раздобыть книги из списка для обязательного прочтения. Меня утешало лишь одно: это последнее мое лето здесь. После выпуска я, скорее всего, буду жить в Лондоне, с Майком.

Но внутри все сжималось от беспокойства. Ведь я по-прежнему не знала, чем займусь после университета. Майк и Каллум уже подписали контракты с юридическими фирмами и собирались снимать квартиру в Клэпхеме, а я ожидала, что они пригласят меня присоединиться к ним, но этого пока не случилось, и я боялась спрашивать почему. Но ведь Майк должен был пригласить! Может, он считал, что это само собой разумеется? Я знала, что сказала бы на мои опасения Карен: «Боже, Эли, просто спроси! Хотя бы ответить он тебе обязан!»

Мы с ним встречались уже почти в течение трех лет, с той самой первой ночи в колледже. Мне следовало спросить, но я боялась. Мучило предчувствие, что наша комфортная студенческая жизнь подходит к концу и на выпускном балу мы, возможно, будем вместе в последний раз.

Сквозь колеблющийся от жары воздух я увидела, что кто-то направляется к нам с бутылкой в руке и стопкой пластиковых стаканчиков под мышкой. Билл — как обычно: в джинсах и поношенной рубашке с закатанными рукавами, с самокруткой в зубах.

— Я подумал, что можно начать с «Пиммс»⁹, — заявил он, плюхаясь рядом с нами.

Карен села и захлопала в ладоши:

— Ты — гений!

⁹ Традиционный английский крюшон.

Джоди всегда говорила, что Карен и Биллу надо бы сойтись, ведь они ни с кем не встречаются постоянно.

Сначала он протянул стаканчик со смесью клюшона и лимонада мне, а потом — Карен.

— Эли?

Я взяла стакан, он улыбнулся, и меня захлестнуло радостное волнение. Все будет хорошо! Все мои друзья вместе: Майк, Билл...

Когда я села, слегка разомлевшая от выпивки и жары, то вдруг увидела Майка. Его не было целый день — наверное, занимался, — и вот теперь он здесь. И Каллум. Похоже, оба уже выпили: их слегка качало.

— Ты еще не одета... — сказал Майк, оглядев меня.

— Ты тоже.

— Но ты же будешь собираться часами. Макияж и все такое...

— Джоди начала на рассвете, — пробубнил Каллум, отхлебывая водку из горла, — а ведь у нее пока не выпускной.

Вид у него был такой, будто он воображал себя героем фильма «Возвращение в Брайтсхед»¹⁰.

— То есть ты считаешь, что мне нужно часами прихорашиваться, чтобы выглядеть красивой? — бросила я Майку.

Билл, удивленный резкостью моего тона, взглянул на меня.

— Конечно, нет, — ответил Майк.

На мгновение я почувствовала, что между всеми нами происходит что-то не очень правильное, но не смогла понять, в чем дело. И даже рассердилась на Майка: в этом семестре он вообще отдалился, часто ночевал у себя и пропадал в библиотеке.

¹⁰ Фильм по роману Ивлина Во о молодой английской аристократии.

Я резко поднялась на ноги, и меня качнуло в сторону Билла. Он подхватил меня. На секунду я ощутила тепло и силу его сухощавой руки. Мне не хотелось уходить с залитой солнцем лужайки. Я чувствовала, что это станет началом конца. Нечто неуловимое будет утрачено навсегда — учеба, юность... И... Билл. Нет, что за глупости! Ведь Билл — мой лучший друг! И мы, конечно же, останемся друзьями навсегда.

— Ну ладно, ты прав, пора уже начать процесс превращения из тролля в красавицу. Кар, ты идешь?

Она загадочно посмотрела на меня поверх темных очков. Каллум уже передавал ей сигарету. Он всегда потакал ее слабостям.

— Пока нет. Иди одна, — пропела она.

Надо было идти, раз уж я сказала, что ухожу, однако мне совсем не хотелось оставлять Карен с ними.

Я замешкалась, но тут к нам подбежала Джоди с очень деловым видом, даром что вся голова у нее была в бигудях под смешной сетчатой шапочкой.

— Эли, — обратилась она ко мне, переводя дух, потому что спешила сообщить плохую новость, что хорошо умела делать, — твой отец приехал; я подумала, надо тебе сказать.

Глава восьмая

В нашем доме повсюду висели и стояли фотографии. Это было мое хобби. Я платила за проявку, кадрировала, искала потертые фоторамки в благотворительных магазинах. Заставляла Майку вбивать гвозди. Потому что дом без фотографий на стенах — не дом.

Вернувшись из полиции, я вдруг поняла, что почти на всех снимках есть Карен. На выпускном, где вся наша компания обнимается и швыряет в воздух квадратные шапочки. На моей свадьбе — стоит позади меня в синем платье подружки невесты. И на крестинах Кэсси — гордая крестная мама. Кстати, в церковь она заявила в джинсах и на шпильках, чем шокировала мать Майка. Везде и всегда она была за моим плечом. И ведь я даже не удивилась тому, что рассказал Майк! Мне было плохо, я чувствовала себя выбитой из колеи, но при этом совсем не удивилась. Возможно, на подсознательном уровне я всегда ожидала нечто подобное.

— Мама! — Кэсси стояла в дверях; на ней была зимняя пижама, теплее и толще той, в которой дочь выходила на улицу ночью.

Я надеялась, что в этот ранний час Бенджи еще спит и пока ничего не знает о случившемся. Хотя мне все равно придется что-то объяснять им обоим. Но сейчас я не готова. Мне нужен хотя бы час до того момента, когда придется расколоть привычный мир моих детей.

— Что ты делаешь? — изумленно спросила она.

Я опустила голову и увидела на полу у своих ног грудку фоторамок с битыми стеклами, откуда на меня смотрели улыбающиеся лица Карен.

Должно быть, я все-таки заснула. Помню, что легла и уткнулась лицом в подушку Майка, которая пахла его лосьоном после бритья, а когда открыла глаза, было совсем светло. Будильник — его будильник — показывал, что уже почти полдень. Двое детей, полный дом гостей, а я на несколько часов выпала из жизни.

— Тебе лучше? — Джоди показалась на пороге. В полосатом пуловере, джинсах и угтах с пятнами от травы.

Вчерашняя жара спала, и воздух на улице стал прохладным.

Я с трудом поднялась.

— Джоди, прости меня, вы же без завтрака...

— Мы нашли что поесть. Не беспокойся о нас, пожалуйста. Мы уезжаем, не будем тебе мешать. Каллум только душ примет, а то у него ужасно болит голова.

— Но...

Я подумала, что, вполне возможно, уезжать им нельзя. И если сейчас выходные закончатся таким образом, мы будем обречены вечно жить в этом кошмаре.

— Полиция нас допросила. Правда, не сильно мы помогли... — Она замолчала, потом добавила: — Прости. Я не могу поверить, что все это происходит на самом деле.

Во рту было сухо и кисло.

— Я тоже. Какая-то неправда. Возможно, чужой мужчина проник в сад из леса... Было темно, Карен не удалось рассмотреть его как следует...

Джоди ничего не ответила, но подошла и села на край постели. На лице ее читалось сочувствие. Мы никогда не были близки по-настоящему. Несмотря на долгие годы знакомства, я очень мало о ней знала. Например, мне было ничего не известно о ее родителях, я даже не помнила, есть ли у нее братья или сестры. Вдвоем мы с ней никуда не ходили. С университета так

сложилось, что с нами всегда была Карен, закатывающая глаза за спиной у Джоди, потому что та везде таскала за собой Каллума.

Я подумала о Карен. Где она сейчас? Лежит, скорчившись, в стерильном кабинете, пока судмедэксперты ковыряются у нее внутри и делают анализы? Неужели у нее стал такой же затравленный взгляд, как у женщин в нашем приюте? Я должна быть с ней. Но... Как же отнестись к тому, что рассказал мне Майк?

— Я не знаю, что делать, — призналась я Джоди.

Внезапно комната показалась мне слишком маленькой, а воздух — спертым. Захотелось распахнуть окно. Я остро ощутила отсутствие Майка. Огромный живот Джоди как будто давил на меня.

— Держись. Ради Кэсси и Бенджи. Они завтра пойдут в школу?

— Как они могут пойти туда? Все уже будут знать!

— Может, и нет. Ему выдвинули обвинение?

— Думаю, что да. — Я посмотрела на нее. — Джоди, что делать?

— Нужен адвокат. Ему выделили дежурного адвоката в участке?

Я понятия не имела.

— А ты сама...

— Я не имею права, ведь я — свидетель. Да к тому же сейчас не в той форме. Но могу посоветовать кое-кого, уже сделала пару звонков.

Мне надо было собраться с мыслями. Есть ли в доме еда, прибрано ли на кухне?..

— А дети чем заняты?

— Кэсси лежит. Бенджи я покормила. Они спрашивали, что случилось. Пришлось рассказать. Ну не все, конечно.

— Спасибо, — сказала я дрогнувшим голосом.

Надо было пойти к ним, поговорить, вернуться к своим материнским обязанностям.

— Ты ничего не видела, Джоди? Совсем?

Она тяжело наклонилась и попыталась оттереть пятно с обуви.

— Я спала. Очень устаю теперь. Потом проснулась, поняла, что Каллума нет, спустилась и увидела, что он дрыхнет на диване.

— Как думаешь, кто-то мог зайти в сад?

— Конечно, такая вероятность существует.

Или... Карен все выдумала. Притворилась и нанесла себе увечья, потому что Майк отверг ее. Но разве я смогу поговорить с Карен?

— Он сказал... Майк сказал, они переспали. Вчера, пока меня не было дома. — Я ожидала, что повергну Джоди в шок, но она ничуть не удивилась. — Ты что, знала?!

Джоди поморщилась:

— Подозревала. Когда мы приехали, они вместе вышли из его кабинета. И были такие странные. Но я подумала, что она всего лишь флиртовала с ним. Ты же знаешь, это в ее духе.

О да, я знала...

— Я должна была предупредить тебя, Эли?

— Ну, если не знаешь наверняка, вряд ли стоит о таком сообщать.

Хотела бы я это знать? Поверила бы?

— Вот именно. Я подумала, что они давно дружат, и мне просто могло показаться. На твоем месте я бы тут же уехала. Заниматься *этим* прямо здесь, в доме... Бр-р... — передернула она плечами.

Уехать? Из дома моей мечты? Сейчас, конечно, все тут изгажено: вдоль лужайки висит ограничительная лента, на полу — грязные следы. В кабинет я, наверное,

вообще больше не смогу зайти. Случись такое с Джоди, она бы уже вызвала команду уборщиков.

Майк и Карен. Все во мне отвергало этот факт. Было и еще кое-что, о чем я стала думать: признался бы он в измене, если бы не заставили обстоятельства?

— А можно ли доказать *это*? — спросила я. — Если у них был секс в тот же день, а потом она заявляет, что он ее изнасиловал.

— Ее слово против его. Поэтому множество дел об изнасиловании ничем не заканчиваются: нет доказательств, что, если мужчина и женщина были знакомы, это не случилось по обоюдному согласию.

— То есть суда может и не быть?

— Она дала показания правильно. Кроме того, ты сама видела, в каком она находилась состоянии, да и синяки не скинуть со счетов. Это называется «отягчающие обстоятельства».

— Но ведь она была очень сильно пьяна. — Я сама не верила, что произношу эти слова. Ведь я умела правильно говорить о сексуальном насилии, но не могла поверить, что это было именно *оно*. И что речь идет о Карен. Но и о Майке тоже. Меня словно разорвало на две части, и посередине болело сердце. — Я имею в виду, она могла ошибиться...

— Я понимаю. Если честно, Эли, все может повернуться в любую сторону.

— А Билл что-нибудь видел? Где он был?

— Говорит, что спал.

Он ночевал в комнате Бенджи, а окна там не выходят в сад. Видел ли он, как Кэсси сбежала в лес? И почему Джоди была на ногах, почему оказалась внизу раньше меня?

— А Джейк?

Она покачала головой:

— Полиция его увезла куда-то, он был невменяем.

Джоди протянула руку и погладила меня по ноге:

— Ты держись, Эли. Есть шанс, что все обойдется, все пройдет.

Но как быть с тем, что Майк и Карен занимались сексом здесь, когда в доме находились дети? Это не пройдет, даже если выяснится, что он не причинил ей вреда.

Я услышала шаги, и вот в комнату влетела Кэсси в той же теплой пижаме с маленькими собачками, совсем не похожая на себя вчерашнюю.

— Мама, что все это значит, черт возьми?!

Глава девятая

Бенджи плакал. Он все-таки еще маленький.

— Но я не понимаю! Где папа?

— Он в полиции, сынок. Ему задают вопросы, чтобы выяснить, что произошло.

— Но зачем тете Карен говорить, что он сделал ей больно?

— Я... я не знаю. Наверное, она просто ошиблась.

Кэсси, сложив руки на груди, молча стояла и смотрела на меня с противоположного угла кухни. Каллум и Джоди очень быстро собрались и ушли, едва взглянув на нас и пробормотав какие-то извинения. Волосы Каллума были еще влажными после душа, а лицо — очень бледным. А ведь не предполагалось никаких неприятностей, кроме похмелья, но вот что творится: Майка арестовали, а Карен... не знаю, где она, но Билл с ней.

Мы надеялись, что эта встреча снова объединит нас, однако оказались разделены, раздавлены, как те фотографии, которые я швырнула на пол. Кто-то — скорее всего, Джоди — уже убрал осколки стекла, и я подумала о своей маме: ей тоже всегда удавалось быстро навести порядок и скрыть то, о чем кричали разбитые тарелки, сорванные картины и сломанная мебель.

— И как же она могла так ошибиться? — спросила Кэсси ледяным тоном.

— Не знаю. Но когда все прояснится, мы разберемся. Я обещаю.

— Когда все прояснится... с папой?

— Дорогая, ты знаешь, твой папа никогда бы... Это все — просто огромное, чудовищное недоразумение.

Ее лицо было непроницаемым. Я не знала, верит ли она в невиновность отца или же в то, чему учила ее я сама, — женщины редко выдвигают ложные обвинения. Мне очень не хотелось развивать тему, которая могла далеко нас завести.

— Полиция с тобой говорила, Кэсси?

— Они со всеми говорили.

Дочь снова вцепилась в свой мобильник, необходимый ей как воздух. Она помнила о нем все время, словно человек, состоящий с кем-то в тайной связи. Тайная связь! Меня словно ударили под дых. Я смутно понимала, что до меня еще на самом деле по-настоящему не дошло случившееся с Карен и то, о чем рассказал Майк. Я дышала, двигалась, выполняла разные действия, просто чтобы продолжать жить. И какая-то часть меня все еще надеялась, что он сказал неправду, что это временное помешательство, что оба они сошли с ума или травка вызвала у них галлюцинации. А вдруг?

— И?..

— Они спрашивали, ну, типа мог ли кто-то забраться в сад.

Я напрасно ждала, пока дочь скажет мне, что именно сообщила полиции.

— Кэсс, я знаю, что ты не... Что у тебя есть своя личная жизнь, но... Ты ведь выходила из дома ночью. Ты была в саду. Зачем?

Помолчав, она ответила:

— Мама, мне кажется, я не должна тебе говорить. Это же передача улик или что-то вроде того.

— Кэсси, ради бога! — Я вдохнула и постаралась сделать свой тон менее резким. Ведь в конце концов, она же просто расстроена. Я изо всей силы сжала маленькую руку Бенджи. — Если ты знаешь то, что способно как-то помочь папе, ты обязана рассказать

прямо сейчас. Мог кто-то зайти к нам? С лужайки или из леса?

— Я никого не видела.

Позже, когда рядом не будет Бенджи и когда я хоть чуть-чуть соберусь с мыслями, я все же спрошу, откуда у нее такая уверенность.

— А в задние ворота? Все же были пьяны, могли и не заметить.

— Джейк торчал в гараже, он услышал бы, если б кто-то зашел.

Произнеся его имя, она снова потрогала телефон. Наверное, они переписывались, хотя, возможно, этого и нельзя было сейчас делать. Но как там Джейк? Где он? Может, нуждается в одежде, еде? Мне следовало это выяснить. Конечно, он уже почти взрослый, но это не означает, что ему не нужна помощь.

— У соседей же есть эта дурацкая камера.

Верно, соседи, муж и жена семидесяти лет, живущие в доме из шести комнат, были параноидально озабочены безопасностью. Они установили у себя на воротах камеру слежения. Если бы кто-то прошел по лужайке, он бы попал в кадр. Полиция наверняка уже посмотрела эти видеозаписи. Кэсси была против того, чтобы мы установили такую же, хотя, живя рядом с лесом и зная об ограблениях в городке, мы с Майком считали это разумной мерой. «Боже, мам, может, и стальной забор поставишь?!»

А ведь если бы камера была и показала, что никто не заходил в сад, это нас тут же погубило бы. Это означало бы, что либо мой муж — насильник, чего я все-таки не допускала, либо моя лучшая подруга лжет. Оба они меня уже предали. И вот мой сын плачет, у дочери холодное, равнодушное лицо, а я не знаю, чему мне верить. Я оказалась меж двух огней и никому не могу помочь. Остается надеяться

только на чудо, благодаря которому все вдруг повернется наилучшим образом и я никого из них не потеряю.

Адвоката, которого порекомендовала Джоди, звали Анна Маккрам. Молодая, бойкая, громогласная. Вероятно, родом из Северной Ирландии. В тренче и укуренных черных брючках она выглядела очень аккуратной и собранной, несмотря на то что ей пришлось сорваться с места в воскресное утро.

Если бы ничего не случилось, мы бы еще только наводили порядок после ужина и готовились к обеду, который обещал приготовить Майк. Пили бы красное вино и посмеивались над своим похмельем. А потом, помахав гостям у ворот, вернулись бы к обычной жизни, готовые завтра начать работать, пойти в школу...

Но в существующей реальности я не знала, что произойдет дальше. Простые действия — пригласить Анну в дом, найти кофе и молоко — вдруг показались невыполнимыми, и я застыла перед открытым холодильником на добрых две минуты, тупо глядя на полки. Кто-то убрал остатки еды и даже закрыл их пленкой. Наверное, Джоди. Как же раньше я не ценила и не замечала ее внимание к деталям и практичность, а ведь она единственная сделала что-то полезное в помощь мне. Именно такие мелочи оказались важны, когда весь мир распадался на части, — молоко в холодильнике, загруженная посудомойка... И меня захлестнуло чувство вины перед Джоди, с которой я никогда не пыталась сблизиться.

— Вас зовут Эли, верно? — спросила Анна.

— Да.

Все остальные называли меня миссис Моррис, как будто я была матерью Майка, старой и дряхлой. Боже, ведь надо позвонить его родителям на их виллу

во Франции! Но я понимала, что не в состоянии справиться с этим сейчас.

— Расскажите мне, что там происходит, — попросила я.

Анна закинула ногу в балетке на колено.

— Да, значит, так... Как вы уже, наверное, в курсе, у мисс Рэмплинг была найдена сперма, что подтвердило — половой акт состоялся. Они стараются поскорее сделать тест ДНК.

— Но... он и сказал мне, что у них был секс в тот день, но раньше. По взаимному согласию. То, что они нашли, — возможно, следствие этого...

Мне очень хотелось отстраниться от происходящего. Говорил ли Майк что-нибудь насчет презерватива? Подумав об этом, я ощутила, как мои внутренности будто обожгло кислотой. Как он мог?! Да кто он такой после этого?!

Я внимательно посмотрела в лицо Анне, пытаясь угадать, осуждает ли она нас за весь этот хаос, но она ничем не проявляла своего отношения.

— Хм. Тогда все становится немножко сложнее.

— А могут они совместить синяки на ее горле с его пальцами? Я имею в виду, что те, конечно, не совпадут.

— Они могут попробовать, но это не всегда показательно. Сейчас нам надо сосредоточиться на одежде Майка. Он упоминал джемпер.

Я тут же представила себе его ярко-красный джемпер от «Хьюго Босс», брошенный на крыльце.

— Он был в нем, когда его забрали? — спросила Анна.

— Нет, не был. Майк снял джемпер раньше. Не знаю, где тот теперь.

Анна начала писать в блокноте. Я заметила, что на его обложке нарисованы совы. Обычно такие блокноты школьники используют под черновики.

— Ясно. Ну надо найти этот джемпер. Если что-то из одежды вашего мужа пропало, выйдет щекотливая ситуация. Итак, обвинение ему выдвинули, как вы уже знаете. Соответственно, предварительное слушание в окружном суде будет завтра.

— Можно ли внести залог? — спросила я, осознав, насколько мало понимаю в судебных процессах.

— Вероятнее всего, да. Даже подозреваемым в насилиии очень редко в этом отказывают.

— То есть... ему разрешат вернуться домой?

— Да, и потом вы будете ждать суда. Ведь он юрист?

— Корпоративного права.

— Значит, до оглашения оправдательного решения суда он не сможет работать.

— Что?! — чуть ли не крикнула я.

Анна прищурилась:

— Это стандартная процедура, миссис Моррис. Если вы подозреваетесь в совершении преступления, то не вправе заниматься юридической практикой. Большинство работодателей отстраняет от работы сотрудника при таких серьезных обвинениях. Также его могут подвергнуть дисциплинарному взысканию.

А как же наши банковские счета?! Я уже много лет не интересовалась ими, просто не хотела о них думать. Майк меня заверил, что с деньгами у нас все в порядке. Мы немало потратили, но и осталось достаточно. Он планировал через несколько месяцев полностью расплатиться за дом, а к Рождеству на службе ожидался приличный бонус. Но в данный момент нужно было срочно платить за школу, а я заработала не очень много. Что нам делать, если Майк лишится работы?

Судебное дело основывалось на противостоянии Карен и Майка, на ее словах против его слов. Раньше я и подумать не могла о таком, несмотря на все свои знания, касающиеся изнасилований. Произошедшее

между ними можно было рассматривать и как преступление, и как действие по обоюдному согласию. Ведь существовала вероятность, что она добровольно согласилась на ночной интим. Но тут снова вспоминались травинки в волосах Карен, грязные следы у нее на лице и синяки на шее.

Я увидела, что Анна смотрит на меня выжидающе.

— Это ваш? — спросила она.

Оказывается, уже некоторое время звонил мой телефон, а я не обращала внимания. Пока я, несколько раз ошибившись, набрала пароль, звонок уже превратился в голосовое сообщение. С натянутой улыбкой я нажала на кнопку и услышала голос Вика, холодный и твердый:

— Эли, это я. Не могу до тебя дозвониться. Если есть время, заскочи, пожалуйста, в офис. Я там.

Глава десятая

С каких это пор Викс работает по воскресеньям? Выходные существуют для кино, пикника с жареным мясом или прогулок по лесу, но не для работы. А может быть, я безнадежно отстала от жизни и зря ворчала на Майка, когда в эти дни он проверял почту или срывался в Лондон? Возможно, сейчас такое поведение уже в порядке вещей и ожидается от сотрудников. Я рассеянно пообещала себе поговорить об этом с Викс на следующей встрече.

Мне не следовало уходить из дома. Надо было остаться и привести его в порядок, позаботиться о детях, постараться избавиться от гнетущей атмосферы места преступления. Места, где мой муж переспал с моей лучшей подругой. Но я хотела хоть на час вырваться отсюда, перестать дышать воздухом, пропитанным тайнами и ложью.

Я попросила Кэсси присмотреть за Бенджи и по ее лицу поняла, что она рада моему уходу. Возможно, потому, что это отодвигало продолжение разговора о ее ночных прогулках. Обычно, желая дать дочери поручение, я перекладывала это на плечи Майка: с ним она вела себя спокойнее и не взрывалась. Но его временно нет рядом, поэтому придется справляться самостоятельно. В то, что все-таки будет судебное разбирательство, а потом не исключена тюрьма, я все еще не могла поверить.

Провожая меня, Бенджи выглядел очень печальным. Зная, что сыну нравится бродить по саду, я попросила мальчика поискать папин красный джемпер. Но почему же полиция не нашла его, когда осматривала дом?

А если кто-то чужой проник в сад, на что я еще надеялась, и забрал джемпер? Хотя зачем? Нет, вряд ли это возможно, — наверное, он все же где-то валяется.

Я аккуратно ввела код на замке офиса: если ошибиться три раза подряд, примчится полиция. В помещении было пусто, лишь тихо гудели компьютеры. Я не нашла Викс на рабочем месте, она сидела в фойе на диване, который мы поставили, чтобы создать уют. На низеньком столике стояли две кружки с кофе. Я подумала, что если выпью еще кофе, то сердце выскочит из груди. В моем организме скопилось слишком много кофеина.

— Эли, с тобой все в порядке? — спросила Викс, и по ее лицу было видно: она в курсе произошедшего.

— Как ты узнала?

Я-то думала, что знаем только мы шестеро и полицейские. Ну, и дети. Вот наивная!

Она указала на телефон:

— Ты не видела? В «Твиттере».

— Что? Как это?

Она пожала плечами:

— Такие новости очень быстро распространяются. А в данном случае, благодаря твоей должности, еще и привлекают внимание.

— Даже не представляла, что люди знают, кто я такая. Боже, какой кошмар! Честно, я не знаю, что делать...

Она разгладила юбку и посмотрела на меня поверх очков в черной оправе:

— Эли, мне правда очень жаль, что тебе пришлось пережить такое. Очевидно, скрыть случившееся невозможно, как и твою причастность к фонду. Но есть шанс повернуть ситуацию во благо.

И что, черт возьми, можно во всем этом найти благостного?!

— Судя по нынешнему состоянию дел, это маловероятно.

— Конечно-конечно. Но я имею в виду — если посмотреть на все с точки зрения пиара... Что бы ты ни делала, публика реагирует. Защитники прав мужчин уже наострили уши.

Она говорила мне про них и раньше. Это такие мужики, которые не верят в реальность изнасилования и считают, что женщины все выдумывают, чтобы допекать мужчин.

— Но... ведь мой муж еще не признан виновным!

— Обвинение выдвинуто?

— Да, но...

— Политика фонда — верить обвинениям жертв безоговорочно. Поэтому, если ты согласишься, мы вечером пробьем в новостях сюжет с твоим участием.

— Вы хотите, чтобы я на весь мир заявила, что обвинение правдиво?! — возмутилась я. — Это невозможно!

— Разумеется, нет, — спокойно ответила Викс. Ее трудно было смутить. — Но, Эли, ты ведь понимаешь, через что приходится проходить женщине в делах подобного рода. Когда изнасилование совершено знакомым и они оба были пьяны... Твоя подруга же выпила, так?

— Надралась в хлам, — подтвердила я.

Викс лишь приподняла в знак удивления брови.

— Я понимаю, как это трудно. Правда понимаю. Тебе надо сказать, что ты сотрудничаешь со следствием, хотя обвиняемый — твой муж. Что все жертвы должны заявлять о преступлениях и позволять полицейским делать их работу. Вот и все. Нам важно поддерживать женщин в сложной ситуации.

— Но я не... Понимаешь, я не...

— Эли, — она поставила свою чашку с кофе на столик и наклонилась ко мне, — я никогда не говорила

тебе, отчего выбрала эту работу. Меня изнасиловали, когда я училась в университете. Друг моего друга что-то подмешал мне в бокал, и когда я очнулась, он занимался со мной сексом.

— Боже! Ты заявила на него?

Она покачала головой:

— Он ведь был моим знакомым. Кроме того, я выпила, пусть и недостаточно, чтобы отключиться, но все же... Я пыталась поговорить кое с кем из друзей, но парень пользовался популярностью, и мне не поверили. А потом, через несколько недель, он сделал то же самое с другой девушкой, и я почувствовала свою вину: будь я решительнее, его арестовали бы, и больше никто бы не пострадал.

Я понимала, к чему она клонит, но ее логика означала, что Майк опасен. То есть, если сейчас не разобратся с ним, он снова нападет на кого-то. Но это же просто бред! Майк — хороший человек! Я очень осмотрительна и не вышла бы замуж за непорядочного мужчину.

— Нужно только сказать, что жертвы, ну или предполагаемые жертвы, не должны молчать, они обязаны действовать. Вот и все. В любом случае до суда никакие подробности обсуждать не разрешено, — продолжала Викс.

И на мгновение она убедила меня, Эли Моррис, главу попечительского совета, медийную персону, но тут же, опомнившись, я вскочила с дивана так резко, что пролила кофе. Перед глазами, как в волшебном фонаре, пронеслись сцены: Майк в тренировочном костюме, страх в его голосе, когда он умолял меня помочь; дрожащая Карен, кровь, текущая по ее ноге; Карен и Майк, которые занимаются сексом в нашем доме; Кэсси и Бенджи, плачущий из-за папы. Я поняла, что мне нужно делать: любой ценой защитить их всех.

— Я не могу. Он мой муж. Я вообще не буду делать никаких заявлений.

Викс тоже встала, и лицо ее посуровело.

— В таком случае, Эли, боюсь, мне придется предложить тебе освободить место председателя. Совет согласен, у нас было совещание. Я напишу за тебя заявление об уходе.

Бенджи

Все было ужасно с того самого момента, как он проснулся и увидел взрослых, собравшихся на кухне: мама кричит, а тетя Карен рыдает так, как никто из взрослых на его памяти не рыдал. Папу забрали в полицию, и неясно за что, и отчего-то все верят тете Карен, которая твердит, что папа сделал ей больно. Бенджи не понимал, почему все так суетятся вокруг нее и при этом никто не замечает Кэсси с ее размазанной по лицу тушью для ресниц, как будто сестра тоже плакала.

«Как он сделал ей больно?» — спрашивал Бенджи, но все молчали. Теперь и мама куда-то уехала. Они остались с Кэсси вдвоем, но та уткнулась в свой телефон, как обычно в последнее время. Он знал, что ночью сестра выходила на улицу, потому что почувствовал, как она осторожно перешагнула через него. И знал, что Кэсси кое-что скрывает от мамы. Сейчас они должны были бы сидеть за воскресным обедом, но все пошло наперекосяк. И Бенджи даже не мог пойти в свою комнату, туда, где временно поселился Билл и вместо постельного белья с «Майнкрафтом» кровать застелена скучным полосатым.

Мальчик подумал о прошлой ночи, вспомнил, как проснулся от криков и, выйдя в коридор, увидел, что дверь его комнаты открыта, а голос Билла при этом раздавался внизу. Холщовая сумка гостя, сумка путешественника, стояла распахнутой, и Бенджи,

не справившись с любопытством, захотел в нее заглянуть. Ведь там могло быть что угодно — оружие, удилища, карты... Судя по словам мамы, Билл — некто вроде Индианы Джонса. Поэтому Бенджи зашел в свою комнату. Именно тогда он и увидел того мужчину в окно, которое выходило на лес. (Бенджи никогда бы не признался родителям, что иногда по ночам близость леса пугала его.) Так вот, незнакомец стоял на краю леса и смотрел на их дом. Видно было плохо, но Бенджи сумел разглядеть черную куртку с надвинутым на лицо капюшоном. А потом этот человек исчез. Мальчик не знал, стоит ли сообщать об увиденном маме: вдруг она рассердится за то, что он подбирался к вещам Билла. Возможно, кто-то просто гулял с собакой и остановился, услышав крики тети Карен.

Теперь, совершенно сбитый с толку, Бенджи ходил по саду. Если он найдет джемпер, это может помочь папе, хотя непонятно, каким образом. Мальчик видел, как рано утром полицейские в белых халатах рыскали среди деревьев, совсем как в кино. Но они ведь не знали, где искать. Сад их нового дома так огромен, что Бенджи сам еще не изучил все уголки. Он бродил, заглядывая под кусты и под изгородь, но ничего не нашел, кроме гнезда с горкой голубых яиц. Вот бы показать их папе!

Сарай, как всегда, был заперт. Туда ходил только Анджей, который Бенджи нравился. За сараем высилась куча из веток, травы и листьев. Обычно этот садовый мусор Анджей сжигал, но он уже неделю не появлялся. Между зелеными и бурыми листьями что-то алело. Бенджи огляделся. Вообще-то, ему запрещали ходить за сарай, считалось, что там грязно и почему-то опасно, но сейчас его никто не мог увидеть: взрослые разъехались. Поэтому мальчик подошел к куче, наклонился и... вытащил папин красный джемпер.

Он отряхнул его от мусора. Интересно, кто мог засунуть сюда джемпер? И тут Бенджи вспомнил, как в передаче про детективов говорилось, что нельзя трогать и перемещать улики. Запихав джемпер обратно, он пошел в дом и поднялся на второй этаж, оставив на ступеньках листья и комки земли — мама будет недовольна. А затем постучал в дверь к сестре:

— Кэсси?

Та отозвалась не сразу и каким-то простуженным голосом:

— Чего тебе?

— Ты знаешь, что мама просила поискать папин джемпер?

Раздались шаги, и дверь открылась. Лицо Кэсси было красным и опухшим.

— Не будь дурачком. Если джемпер найдется, его используют для доказательства папиной вины.

— Правда?

— Ну сам подумай. Полицейские скажут, что он специально спрятал джемпер, даже если папа его потерял.

Бенджи понимал, что джемпер вовсе не случайно попал в мусорную кучу. Поговорив с Кэсси, он снова пошел за сарай и устался на красное пятно под ветками. Анджей приходит по понедельникам. Значит, завтра он найдет джемпер, когда соберется жечь листья. Кэсси права: у папы могут возникнуть большие неприятности из-за этого.

Вот бы кто-нибудь подсказал, что делать...

Глава одиннадцатая

«Стерва».

«Чертова лицемерка».

«Называет себя феминисткой, но что-то не вижу ее комментариев насчет муженька-насильника».

— Все не настолько плохо, — сказал Билл.

Я застала его у нас дома, когда вернулась из офиса. К тому времени он уже сотворил обед из вчерашних остатков. А потом, пока я сидела совершенно оглушенная и беспомощная, помыл посуду и выставил детей на улицу.

Я должна была спросить его, как дела у Карен, но язык не повиновался. В голове бесконечным потоком вертелись мысли, а из телефона изливался поток желчи. Имя Майка неизвестно каким образом попало в «Твиттер», и мне было морально тяжело вынести то, что о нас писали. Я всегда предавала гласности проблему насилия, обличала негодяев, а теперь вот защищала собственного мужа-преступника. Меня распирало желание отвечать всем подряд, объяснять им, что мой муж не мог этого сделать, что он не виноват. Но хватало ума понять: так будет только хуже.

Пришлось позвонить родителям Майка — ведь даже они были на «Фейсбуке» — и выслушать ор его отца и рыдания матери, хотя мне очень хотелось разрыдаться самой. Интересно, а моя мама уже знает? Что бы она сказала? Судя по всему: «Ну, Элисон, что посеешь, то и пожнешь». Ей звонить я не собиралась.

Мы с Биллом сидели за кухонным столом со стаканом виски. Я к своему не притронулась. Как странно, что

Билл здесь, рядом со мной, и в любой момент можно протянуть руку и прикоснуться к нему, спустя столько долгих лет. Я вцепилась в стакан. Такое ощущение, будто нахожусь не дома. Казалось, сам воздух здесь заряжен негативом после стольких людей и стольких слез. Я вдруг поняла, что сижу на том самом месте, где стояла Карен, когда ночью ввалилась в кухню. Опустив глаза, я всмотрелась в кровавый след, все еще заметный на плитках. Джемпер. В последний раз я видела его на крыльце, но потом он исчез. Еще не хватало, чтобы это усугубило вину Майка! Надо позвонить Анджею, чтобы завтра он не приходил. Но кто же подстрижет траву? Я совсем не умела управляться с газонокосилкой...

— Не настолько плохо? Меня уволили из приюта. Майк очень сильно влип. И я тоже, если защищаю его, — так думают люди. Билл, что мне делать?

Я действительно не понимала. Хотя преступление еще не доказано, как жить со всем этим? Ведь Майк — отец моих детей, человек, с которым я провела рядом долгие годы. Но знала ли я его? Он спал с Карен в нашем доме. Меня пробила дрожь, будто тело отвергало кошмарный факт. Но если он мне рассказал *это*, значит, и все остальное, что он говорит, — правда. Иначе зачем рассказывать?

— Все будет в порядке, — сказал Билл, чтобы меня поддержать, но зная этого наверняка он никак не мог.

Я взяла телефон, ввела свое имя в поисковик «Твиттера» и показала ему появившиеся на экране фразы:

«Вероломная стерва. Если бы моя жена бросила меня в таком дерьме, я бы нанял юриста для развода».

Это написал мужчина, недоумевавший, почему я не защищаю Майка. Но комментарии феминисток были не лучше. Я считала, что феминистки на моей стороне, но все они вдруг оказались в оппозиции. Почему я не сделала заявление?

«Что молчишь, Эли?»

— И обе стороны ненавидят меня. Все ненавидят меня.

— Какая разница, что думают эти люди? Ты их не знаешь. Вот за это я и ненавижу соцсети, весь этот сброд. Нам не нужно их мнение.

Билл отложил мой телефон в сторону и подтолкнул ко мне стакан:

— Выпей. Это поможет.

Я залпом осушила стакан с горючей смесью.

— Что же делать?

— Завтра слушание. Скорее всего, его отпустят под залог, и он вернется домой.

— А работа? Его не уволят?

— Если вина не доказана судом, вряд ли. Могут временно отстранить, но платить все равно должны.

От Билла исходило спокойствие. Я вспомнила, как однажды влетела к нему в комнату, паникуя, что не закончила эссе про Чосера¹¹. Он посоветовал прикинуться заболевшей и сдать работу на следующей неделе. А потом мы пили и болтали. С ним я чувствовала себя взрослой. Билл единственный из студентов держал в комнате бутылку с виски, и когда я добавила в свой стакан диетическую колу, он был шокирован, однако ничего не сказал.

— Но из приюта меня все-таки уволили.

— Ну это же благотворительность, а не заработок, разве нет? Почему бы не втянуть рожки в панцирь и не пожить немного спокойно — заниматься детьми, залечь на дно? Подождать до суда?

Я поставила стакан.

— Билл, ты ведь был в саду ночью. Может, видел что-то или кого-то? Кто-нибудь заходил в ворота?

¹¹ Джефри Готфрид Чосер (ок. 1340/1345–1400) — средневековый английский поэт.

Он медленно покачал головой:

— Я лег раньше всего этого. Полиция же проверила видеозаписи соседей?

Анна, соседка, уже сообщила мне, что на них ничего не обнаружили.

— А из окон наверху ты ничего не видел? С той стороны, что выходит на лес?

Он задумался:

— Да, я выглянул в окно, когда возвращался из туалета. Думаю, это было незадолго до... всего. А потом я снова лег и, уже почти уснув, вдруг услышал крики.

По дороге из туалета... Я поняла: окно, о котором он говорил, находилось в холле, и выходило оно в сад.

— То есть ты видел их в саду прошлой ночью? Так?

Мои руки затряслись. Нет, не может быть! Мне захотелось крикнуть: «Молчи! Не говори ничего!»

Билл поморщился. Он терпеть не мог всякие разборки и интриги.

— Я не уверен... не скажу точно. Но вроде бы я видел, что он лежал на ней, Эли... и я подумал... мне показалось, что все было по согласию, иначе я побежал бы на помощь. Я сам все время думаю об этом: получается, я видел, как *это* происходило, и не помог ей.

— Ты подумал, что они просто... вместе?

— Да, занимаются сексом прямо на лужайке.

Это казалось невероятным. А я спала, ни о чем не думая. Как же мне хотелось встряхнуть теперь себя вчерашнюю!

Билл был явно смущен.

— Мне показалось, что они и раньше, днем, флиртовали. А вмешиваться во что-либо не хотелось. Я столько лет вас всех не видел, не мог же я вот так влезть и начать... Ну, ты понимаешь.

И Джоди говорила об этом же. Неужели заметили все, кроме меня? Я не могла думать о Карен, не могла

найти в себе хоть каплю жалости к ней. Это было ужасно. Словно я перерезала веревку, за которую она цеплялась, умоляя вытащить ее.

— Ты точно его видел?

— Думаю, что да.

— И ты сообщил это полиции?

— Да. Извини. Пришлось.

— Майк сказал, что секс у них был днем, когда я уезжала.

Было заметно: Билл предпочел бы этому разговору даже манипуляции стоматолога.

— Может быть, и так.

Вот и доказательства: Билл видел их; чья сперма, определено; в сад больше никто зайти не мог. И еще есть слова Карен, что это было против ее воли.

Внезапно выпитый виски подкатил обратно к горлу. Вскочив и сбив при этом со стола стакан, который грохнулся на пол и разбился, я ринулась в туалет. Там все еще стояла та дурацкая свеча, купленная Кэсси. Я упала на колени, и меня вырвало. Какая-то далекая часть меня, словно бы со стороны наблюдающая за происходящим, заметила: «Как неоригинально, мне всегда казалось, что это клише». И вот, оказывается, сильный шок действительно вызывает рвоту. Я плакала, блевала и снова плакала. Жалкое зрелище.

Когда я умылась и вернулась на дрожащих ногах к Биллу, он убирал с пола осколки. На кухне пахло выпивкой — совсем не характерно для моего дома. Этот пугающий запах словно возвращал меня туда, где я не хотела находиться. Запах жизни, идущей под откос. Запах моего отца, который, спотыкаясь, приходил из бара, запах страха перед предстоящей ужасной ночью...

— Как ты? — спросил Билл.

Я села, а вернее, плюхнулась.

— Просто не знаю, что делать дальше. Как я могу...
Кому я должна помогать?

— Не думаю, Эли, что ты можешь помочь им.

Он выглядел несчастным.

— Ты ездил с ней. Худо было?

Он почти минуту молчал.

— Они были очень добры к ней. Но да — ужасно.
Она сильно пострадала, Эли.

— Вот дерьмо. Боже, как все это запутано!

Билл выбросил в мусорную корзину осколки. Я чуть было не сказала, что стекло туда бросать не надо, но одернула себя. О каких только глупостях я раньше волновалась. Разве теперь это имело значение?

— Мне надо ехать. Я вернулся только узнать, как ты.

— Не уезжай! — крикнула я в панике. — То есть, господи, конечно... А это правда необходимо?

— Не особенно. Я просто собирался немножко покататься. Но, Эли, ты уверена, что хочешь...

Он замолчал. Думаю, боялся так же, как и я. Мне припомнилась неловкость, промелькнувшая между нами вчера вечером. Не слишком ли нагло с моей стороны будет просить его остаться? Но мне нужна его помощь, просто чтобы сохранить рассудок, выговориться, собрать себя по частям.

— Я была бы очень благодарна, если бы ты остался. Вдруг понадобится побыть с Бенджи, пока мы будем в суде... Ничего, если я тебя попрошу? Конечно, при условии, что это не доставит тебе неудобств. — Я уже почти плакала. — Пожалуйста, Билл. Мне просто нужна твоя помощь.

Он смотрел на янтарный виски в своем стакане.

— Конечно, Эли. Все, о чем ты попросишь, я сделаю.

Глава двенадцатая

— Но почему я должен?

Нервов на его капризы у меня уже не осталось.

— Потому, Бенджи, что ты еще слишком мал, чтобы присутствовать в суде. И я не хочу, чтобы ты пропустил школу. Живо надевай форму!

Было утро понедельника. Он стоял передо мной сердитый, растрепанный, все в той же пижаме с надписью «Звездные войны».

— Но Кэсси пойдет с тобой. Это нечестно!

Я не знала, как объяснить ему, что не смогла бы остановить его сестру, даже если бы попыталась. Она начинала меня пугать. Между нами с каждым днем все туже натягивалась струна.

— Кэсси старше, и экзамены в школе у нее почти закончились.

Я бы не вынесла, если бы Бенджи пошел туда. Известно, что он услышит о папе и обо мне.

Но Кэсси настояла на том, чтобы пойти. Джейк не отвечал на ее сообщения, и она все пыталась и пыталась с ним связаться.

— Он никогда раньше не делал так, мама. Джейк всегда отвечал. Он не такой, как другие мальчики.

Кэсси и Джейк. Я всегда с интересом наблюдала за ними. Они крепко дружили с детства. Превратится ли дружба в поцелуи и прикосновения? Мы с Карен никогда не обсуждали это, но обе знали, что не хотим, чтобы так сложилось. Бывает, что близость становится помехой любви.

— Кэсси, когда ты выходила на улицу той ночью, это имело отношение к Джейку?

Он был в гараже, ждал, пока Карен закончит пить и поднимется. Может быть, именно туда и шла Кэсси?

Кэсси посмотрела на меня осуждающе:

— Мам, мы с Джейком просто друзья. Ты не понимаешь?

Я думала, что Майк и Карен тоже просто друзья. А теперь вот оно как повернулось.

— Но что ты делала на улице? Пожалуйста, милая, я должна знать. Ты сказала полицейским?

Она повернулась ко мне спиной и принялась расчесывать волосы, глядя в зеркало. В глазах ее отражения я увидела враждебность.

— Тебе правда хочется во все это лезть, да еще именно сейчас?

Она права. Через несколько минут мы выезжаем в суд, а Бенджи еще не собрался. Я попросила Билла отвезти его в школу на машине Майка. Все-таки присутствие Билла очень мне помогало.

— Я не думаю, что тебе стоит писать Джейку в этих обстоятельствах. А рассказать то, что ты скрываешь, все-таки придется.

Ее молчание означало: «Правда?» И я уже была не уверена, что действительно хочу знать. Нам обычно кажется, что жизненно необходимо раскрыть все секреты, но, если это происходит, мы не всегда способны выдержать обрушившуюся на нас тяжесть.

В окружном суде Бишопсдина мне случалось бывать до этого несколько раз — в качестве защитницы женщин, решившихся подать иски на избивавших их мужей. Но сейчас я растерянно перебирала свой гардероб, не зная, что надеть. В конце концов остановилась на траурном платье. Оно было сильно приталено, и от этого я выглядела стройной.

Садясь в машину, Кэсси бросила на меня презрительный взгляд:

— Для чего было наряжаться так торжественно? На тебя никто не станет смотреть.

Я оставила ее вопрос без ответа, ведь даже точно не знала, с какой целью туда еду. Если для того, чтобы поддержать мужа, значит, я верю ему. Или еду как свидетельница обвинения, выдвинутого моей лучшей подругой, лгуньей и предательницей? Было странно, что с той ночи я ни разу не поговорила с Карен. Полиция, опасаясь обоюдной агрессии, запретила нам контактировать. А у меня прямо руки чесались написать ей, хотя я толком не понимала, что именно хочу сказать. То ли: «Боже, Кар, как ты себя чувствуешь?», то ли: «Чертова Карен, как ты могла?» Или и то, и другое.

Кэсси надела джинсы и куртку. Вот и славно, что похолодало. Иначе я обязательно сочла бы, что на дочери слишком мало одежды, и ничем хорошим это не кончилось бы.

Билл остался и перешел в комнату для гостей, так что Бенджи получил свою обратно. Билл не собирался идти в суд, и я не просила его об этом. Если бы они с Майком, двое университетских товарищей, посмотрели друг на друга с противоположных сторон зала, это наложило бы тяжелый отпечаток на всю их оставшуюся жизнь. Я тоже с удовольствием не поехала бы, но выбора не имела. Поэтому села в машину и принялась прокладывать путь по утренним пробкам.

Мы переехали в Бишопсдин, когда я была беременна Бенджи. До этого Кэсси уже пять лет прожила в квартире в Сток Ньюингтоне¹². В дождливые дни она стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и грустным взглядом смотрела на улицу, а когда мы выходили погулять, я тратила все силы на то, чтобы не дать ей выскочить на дорогу. Ее распирало от энергии. Майк в то время

¹² Район на северо-востоке Лондона.

пропадал на работе, мог прийти в полночь, в час, в два, в три ночи, а то и остаться там ночевать. Карен спросила меня тогда, и теперь этот вопрос застрял в голове, словно колючка: не беспокоит ли меня... наличие всех этих женщин у него в офисе? Но я, честно говоря, никогда не думала о таком, потому что у него просто не было сил даже помыслить о чем-то, кроме работы.

Такой была наша жизнь в то время. Мы отчаянно цеплялись за работу, квартиру, за Кэсси. Я писала статьи для интерьерного журнала, но тот закрылся, и следующий, куда я пошла, — кулинарный — через полгода тоже перестал существовать. Журнальная индустрия сокращалась. Но юриспруденция, наоборот, процветала, требуя от Майка всей его энергии, времени, души и тела, и через какое-то время он выгорел, превратившись в комок нервов.

Однажды он пришел домой к одиннадцати — рановато для него, — сел за кухонный стол в костюме со сбившимся галстуком, закрыл лицо руками и сказал: «Я не могу больше. Мы так не можем больше». Я оглянулась и посмотрела на этот стол, за которым рассылала свои резюме фрилансера. Мой ноутбук стоял посреди посуды, стопок белья и поделок Кэсси. Через тонкую стену между кухней и ее спальней мы слышали, как дышит наша дочь во сне. А арендная плата продолжала расти, несмотря на то что квартира была маленькая и не новая.

— Ты когда-нибудь думала о переезде? — неожиданно спросил Майк, и я почувствовала облегчение.

Когда я поделилась нашими планами с Карен, по ее лицу пробежала тень. В то время она жила в пятнадцати минутах ходьбы от нас. Снимала квартиру в Стэмфорд Хилле¹³ и работала в магазине здорового

¹³ Район Лондона.

питания, поэтому ей всегда было чем накормить Джейка. Я никогда не понимала, отчего она не стала пересдавать выпускные экзамены в Оксфорде. Возможно, из гордости.

— Вы переедете? Мы больше не будем соседями... — опечалилась она.

Тогда я решила, что она расстраивается, зная, что станет по мне скучать. Кроме того, мы по очереди сидели с детьми. Теперь же я подумала, что, возможно, огорчило ее другое: Майк окажется далеко от нее. Действительно ли она любила его и хотела все эти годы? Когда мы уехали, я чувствовала свою вину перед ней и маленьким Джейком, которого до этого видела почти каждый день. Но все-таки переезд произошел, и мы поселились в своем первом собственном доме в Бишопсдине — трехкомнатном, возле железнодорожной станции, чтобы Майку было удобно ездить на работу. Я вздохнула с облегчением — мы уехали из Лондона. Но, возможно, причина была в другом — мы уехали от нее.

— Мама, — сказала Кэсси, глядя на меня, как на дуру, — ты пропустила поворот. Придется возвращаться.

Мы, конечно, опоздали, поскольку еще десять минут искали место на парковке. Бишопсдин запрудили внедорожники, машины мамочек, которые отвезли детей в школу и пошли пить кофе, на йогу с малышами или в спортзал. Еще не так давно я была одной из них. Оказавшись здесь, я быстро оставила попытки найти работу по специальности, потом сидела с Бенджи и через два года стала просто неработающей матерью двоих детей — такой же, как большинство местных женщин.

В тревоге мы спешили к зданию суда.

— Что будет? — спросила запыхавшаяся Кэсси.

— Он уедет с нами домой. Уверена — его не станут держать, — ответила я.

Такой вариант действительно был вероятен. Отчего же меня грызло предчувствие, что я никогда больше не увижу Майка?

— Но что потом? Как ты будешь с ним жить? И как вести себя мне?

— Не знаю, милая... Наверное, как обычно... Я...

Почувствовав, что Кэсси, которая шла за мной, напрыглась, я обернулась.

— Джейк! Джейк! — крикнула она.

Я тоже его заметила. Он крался вдоль домов, примыкающих к зданию суда, сутулясь, глядя себе под ноги и все в той же одежде: черных худи и джинсах. Я знала этого юношу с самого его рождения. Для моих детей он был все равно что кузен, а теперь в его глазах полыхала неприкрытая ненависть. А моя дорогая девочка бежала к нему и просила:

— Пожалуйста, Джейк!

Он же отвернулся от нее, пробурчав:

— Мы не должны говорить.

— Но мы все-таки можем...

— Нет, не можем! — И он оттолкнул ее.

Увидев это, я поняла, что способна причинить ему боль. Хотя он и был моим крестным сыном, практически племянником, во мне поднялась ярость.

Кэсси стояла и, потирая руку, смотрела, как он заходит в стеклянные двери суда.

— Все в порядке, милая? Он не сделал тебе больно?

— Он не хочет говорить со мной...

— Он просто расстроен. Сейчас каждому из нас тяжело.

— Но я и он... Мама, я не понимаю, что происходит!

Я приобняла ее, и на сей раз она мне это позволила.
— Все будет хорошо, — сказала я. — Все это каким-то образом разрешится, и очень скоро.
Хотелось бы мне верить в собственные слова.

Свет, падавший через стеклянный потолок, ненадолго ослепил меня, пока мы занимали места. Карен и Джейк сидели прямо напротив нас. Он держал мать за руку, и оба они смотрели поверх наших голов. Кэсси казалась испуганной, и я тоже взяла ее за руку. Мгновение мы сидели так, а потом она отстранилась. Я увидела на скамье адвокатов Анну Маккрам. Был там и констебль Адам Дивайн, несмотря на строгий костюм казавшийся подростком.

А на скамье подсудимых — Майк, мой муж. Я не сразу узнала его, таким бледным и постаревшим он выглядел. Майк кидал на меня умоляющие взгляды, и я не могла этого вынести. На его лице был написан ужас. Кэсси всхлипнула.

Раздался голос:

— Встать, суд идет!

Все поднялись, и я тоже вскочила, оступившись.

Вот и настала эта минута...

На удивление, заседание прошло очень быстро. Было подтверждено, что дело переходит в Королевский суд. Анна подала прошение об освобождении Майка под залог, и его удовлетворили. Я не наблюдала вокруг потрясенных или испуганных людей. Казалось, с подобным здесь сталкиваются каждый день, и, думаю, так оно и было. Разбитые жизни воспринимались тут как нечто само собой разумеющееся. Кэсси повернулась ко мне, когда мы встали, и, дрожа, прошептала:

— Он едет домой?

— Да, мы встретимся снаружи.

Я совершенно не представляла, что сказать Майку. На выходе из зала толпились журналисты. В первый момент я не поняла, почему они здесь. Разве на суде присутствовала какая-то знаменитость? Но потом до меня дошло: они здесь из-за меня. Внезапно я стала информационным поводом.

— Эли! — крикнул один из них. — Эли, мы можем услышать ваше заявление?!

— Спокойно. Иди к дверям, — велела я Кэсси.

Сердце билось как сумасшедшее. Не смотреть на людей, которые выкрикивают твое имя, не замечать их — это противоестественно и потому трудно. Майк стоял в фойе спиной ко мне, словно окруженный водоворотом света от вспышек. Тот момент, которого я боялась, — наша встреча лицом к лицу — смазался из-за суеты вокруг. Нужно было поскорее вывести отсюда Кэсси.

— Что происходит? — услышала я голос Майка.

— Пресса сбежалась. Это из-за меня... Идем, машина за углом.

Майк приобнял дочь, словно пытаясь защитить ее от журналистов, но она стряхнула его руку.

— Пап, что произошло? Что ты сделал?

— Пожалуйста, не сейчас, дорогая. Поговорим дома.

Вместе мы провели Кэсси сквозь толпу, все это время скандировавшую мое имя. Я задыхалась, по телу струился пот. Было слышно, как Майк произнес: «Боже правый...» А потом полицейские начали оттеснять журналистов прочь, расчищая нам путь.

— Машина на Лондонском шоссе, води дочь туда, — сказала я Майку.

Краем глаза я заметила Карен с Джейком, возле кустов за дорогой. Она сгорбилась, выглядела словно

опустошенной и будто на десять лет постаревшей. Интересно, как они доберутся до дома? Поедут на автобусе или же остановятся где-то здесь? Карен заметила меня и произнесла мое имя. Я прочитала его по губам, удивившись — она меня зовет? Просит о помощи? Хочет объясниться? И часть меня рванулась к ней — обнять, защитить, как раньше делала она. Но я помнила предупреждение полиции: подобное может быть расценено как агрессия, и не забыла того, что рассказал мне Майк. Поэтому я просто опустила голову, стараясь больше не смотреть в ее сторону. Если бы я снова взглянула, то не смогла бы удержаться и подбежала бы к Карен спросить, как она себя чувствует. Проигнорировав все доводы разума, повела бы себя как подруга, а не как жена мужчины, соблазненного ею. И тогда, наверное, не случилось бы того, что произошло потом, и все сейчас было бы совсем по-другому.

Торопливо двигаясь в сторону машины, я вдруг услышала за спиной топот. Овернувшись, увидела, что к нам приближается Джейк. Я никогда прежде не видела его бегущим. Карен что-то закричала, и в тот же момент я разглядела, что у Джейка в руке нож.

Майк тоже это увидел. Как и у меня, у него сработал инстинкт — защитить своего ребенка. Он схватил Кэсси в охапку, и поэтому нож, сверкнув на солнце, воткнулся ему в спину. Я видела, что Джейку потребовалось усилие, чтобы лезвие прошло через костюм, рубашку и вошло в плоть... Ужас сковал меня, во рту разлилась горечь.

Майк начал оседать, кровь стала вытекать из раны, из того места, откуда торчал нож. Он попытался опереться на руку, но не смог, она словно подломилась, и его голова ударилась о поребрик.

— Сволочь! Ублюдок! Что ты сделал с моей мамой?! — орал Джейк.

Кэсси кричала и отталкивала Джейка, колотя его кулаками в грудь. Я узнала нож — мой, остро заточенный, из японского набора. Джейк украл его с нашей кухни.

Все это произошло за считанные секунды. Сверкнули светоотражатели на куртках полицейских, схвативших Джейка. Он плакал и не сопротивлялся. Кто-то склонился над Майком и вызвал по радиации скорую. Асфальт и одежда Кэсси были в крови. Помню, что все еще оцепенев и не веря в случившееся, я посмотрела на Карен, но солнце ослепило меня, и я не увидела ее лица.

1993

— Что ты тут делаешь?

Я понадеялась, что произошло ужасное недоразумение, но нет, старенький отцовский «Форд-Фокус» действительно стоял возле приемной колледжа, и раздраженный охранник уже направлялся к нам сказать, что парковаться здесь нельзя, и я развела руками, извиняясь.

Отец в своем бежевом зимнем анорাকে с капюшоном, немолодой и усталый, выглядел тут совершенно неуместно. Всего в нескольких шагах отсюда, на лужайке, мои друзья пили крюшон, загорая на солнышке.

— То есть? Я приехал, чтобы отвезти тебя домой.

— Это завтра нужно будет сделать, папа! Не сегодня же!

Он сердито нахмурил брови:

— Завтра не будет времени! У меня сверхурочная работа.

Он управлял баром рабочего клуба¹⁴, что вызывало насмешки Каллума и Майка. «У твоего папы хорьки

¹⁴ Тип клубов, впервые появившихся в XIX веке в индустриальных районах Великобритании.

в штанах?»¹⁵ Он потягивает эль и ест подливу?» — дразнили они меня, и я вынужденно улыбалась, хотя мне было не смешно.

— У нас выпускной бал сегодня вечером! Я не могу уехать! — воскликнула я.

Мысли прыгали с одного на другое. Я же и комнату свою еще не привела в порядок, и вещи не собрала. Чтобы только постеры со стены снять, потребуется больше часа! Может быть, я сумею сейчас что-нибудь крупное закинуть к нему в багажник, а потом поехать домой на поезде?

Отец выключил мотор и вышел из машины. На его лице вдруг отразилось такое бешенство, что я сделала шаг назад. Но он же не станет бить меня прямо здесь! Конечно, не станет!

А потом отец схватил меня за плечо, и это было больно, потому что сгоревшая на солнце кожа и без того саднила.

— Хватит молоть чушь! Я гребаных шесть часов ехал за тобой, испорченная маленькая сучка, а ты бормочешь про какой-то бал?! Пора уже повзрослеть, Элисон. У нормальных людей есть дела, они работают, а не скачут в бальных платьях...

Я вырвалась, заметив, что на коже остались следы от его пальцев.

— Не поеду, — проговорила я тем сдавленным голосом, которым всегда говорила с ним и который ненавидела: словно испуганная маленькая девочка, а не студентка Оксфорда.

— Придется. Твоя мать приболела, и ты ей нужна.

¹⁵ Игра на выносливость, в которой в брюки участников запускают хорька. Выигрывает тот, кто избавится от зверька последним. Игра была популярна у шахтеров Йоркшира.

— Что?! Может, ты снова сломал ей руку?

Он не ответил, но по тому, как злобно исказилось его лицо, я поняла, что попала в точку или близка к тому. И я знала, что это означает для меня — лето, проведенное за готовкой и уборкой, а в случае особенной удачи — на работе в супермаркете. Вернувшись, я навсегда застряну в том городишке, как застряла моя мать. Нет! Этого не будет!

— Не поеду, — повторила я снова, на этот раз громче. Я была на безопасной территории, он не мог ударить меня здесь, напротив приемной колледжа.

Ответил он очень спокойно. Так же затихает природа перед тем, как разразиться урагану. Маленькой я больше всего боялась, когда он разговаривал так...

— Если твоя задница сейчас же не окажется в машине, можешь домой не возвращаться. Никогда. Зарабатывай сама, раз такая смелая.

Против воли меня затопил страх. Мне двадцать один год, на что я буду жить? Нет ни дома, ни перспективы работы, мне даже вещи не вывезти самой из Оксфорда. Но тем не менее я заставила себя ответить:

— Ладно. Видимо, домой ты поедешь один.

Его пощечина прозвучала как удар хлыста. Первый раз он поднял на меня руку, когда мне было пять лет, а мать бил столько, сколько я себя помню. Мой рот сам собой издал какой-то мяукающий звук, глаза наполнились слезами, а щека сразу же вспыхнула. Я подумала о маме. Удары она принимала как должное, пригибая голову и закрывая глаза. Может, надеялась, что, если замрет и затихнет, отец перестанет бить. Она вела себя так, словно заслуживала подобного обращения. Решено раз и навсегда: я таковой не буду!

Расправив плечи, я посмотрела ему прямо в лицо, хотя один глаз уже начал заплывать — придется как-то замаскировать, — и сказала:

— Мне стыдно за тебя. Вали отсюда, папа. Ты мне больше не нужен.

Уже развернувшись и идя к себе, я увидела Карен. Подруга стояла у калитки и с ужасом смотрела на нас. Она крепко обняла меня и прошептала на ухо:

— Ты справишься без него.

Потом Карен отвела меня в комнату, и никто не увидел, как я плачу. Она приготовила мне чай, плеснув в него алкоголя, прижимала к моему лицу лед. Потом сделала мне макияж, прическу и помогла одеться. Когда она закончила, никто не заметил бы и трещинки на фасаде.

Карен всегда утверждала, что Марта Рэсби была на лужайке в тот день вместе со всеми нами, взмокшими от жары. Встав, чтобы идти к отцу, и оглядевшись, я не заметила ее лица среди множества лиц, повернутых к солнцу, будто ромашки. Кроме того, я совсем не помню ее на балу в вихрях шелковых платьев, как в поместье «Двенадцать дубов» из «Унесенных ветром». Невидимые нити тянулись от нее к каждому из нас, ставшему частью той истории, которая началась той ночью, а может быть, гораздо раньше — за месяцы и даже годы до того. Возможно, началась она, когда Марта приехала в колледж — длинноногая теннисистка, своими почти белыми волосами похожая на скандинавку. Может быть, такие красавицы, как она, приговорены к страшной участи с рождения? Или с того момента, когда у них начинает расти грудь? Марта. Проклятая, прекрасная, светлая...

Эта история очень понравилась прессе. Конечно, ведь от случившегося веяло «загадкой запертой комнаты»¹⁶, хотя администрация колледжа попыталась пресечь слухи. На балу были только студенты, но сказали, что кто угодно мог перелезть через ограду сада Феллоуз¹⁷ и подойти к Марте, одетой в белоснежное шелковое платье. Кто бы еще рискнул прийти на выпускной в белом, кроме нее? Я, к примеру, залила свой наряд вином уже через час после начала бала. Нельзя было и мысли допустить, что в произошедшем виноваты честные молодые люди, члены клуба, которые через несколько недель, надев костюмы, превратятся в банкиров, юристов или брокеров, устроят свою жизнь. То, что произошло с Мартой, не должно было помешать им.

Как же печально, что, напившись, можно позволить подобному случиться. Все равно что выйти навстречу молнии, когда вокруг бушует гроза. И никто не исправит зла, причиненного тебе, такой красивой, одним своим видом разбивающей сердца.

¹⁶ Классическая для детективной прозы сюжетная схема, когда преступление совершается в некоем изолированном пространстве, куда никто не мог проникнуть и откуда никто не мог незаметно исчезнуть.

¹⁷ Старинный сад на территории Кембриджского университета.

Глава тринадцатая

В больнице меня встретил Билл, и, кажется, я никогда никому еще так не радовалась. Это трудно объяснить, но, увидев его, слегка растрепанного, все в той же кожаной куртке и джинсах, я тут же поверила, что он поможет мне, как помогал много лет назад, когда возникали проблемы с учебой или я расстраивалась из-за каких-то обидных слов Майка.

Билл заметил меня и поднялся с кресла:

— Боже, что случилось?

Я бросилась к нему в объятия и, вдохнув его запах, даже, кажется, забыла, что рядом стоит Кэсси.

— Он ударил Майка ножом!

— Я знаю. — Билл мягко отстранился, но оставил руку на моем плече. — Кэсси, как ты? — обратился он к ней.

Моя дочь была бледна, на ее одежде по-прежнему виднелись следы крови.

Она оглядела себя:

— Это... папина. Не моя.

— А его уже привезли? — спросила я, оглядываясь в поисках врачей или еще кого-нибудь, кому можно адресовать вопросы.

Скорая прибыла на вызов спустя несколько минут. Люди работали четко и спокойно. В худший момент моей жизни, когда ужас происходящего буквально сбивал с ног и казалось, что я уже достигла дна, появились они — полицейские, служащие суда, врачи скорой — и стали быстро собирать воедино все, что мы разбили вдребезги.

— Пойдем посмотрим, — предложил Билл.

Он тоже был одним из тех, на кого можно положить-ся в критический момент.

Даже сейчас, несмотря на обострение всех прочих чувств, меня пронзило сожаление, что мы так надолго потерялись, что я не видела его со свадьбы Джоди и Каллума, где он почти все время меня игнорировал. По моей вине, как обычно. Однако я постаралась отложить эти мысли на потом.

Мы протиснулись к регистратуре через толпу таких же растерянных людей. Кто-то опирался больной ногой на стул, кто-то прижимал к голове платок. В углу, повернувшись лицом к стене, бредил мужчина. Регистратор, женщина средних лет с широкими светлыми прядями в темных волосах, выглядела неприветливой.

— Вам придется подождать. Подождите. Сядьте. Сядьте, — повторяла она людям снова и снова, и от многократного повторения эти слова будто теряли всякий смысл.

Обратившись к ней и назвав имя Майка, я ожидала услышать все то же самое. Но она, неожиданно оторвав взгляд от компьютера, позвонила по телефону, пробормотав что-то вроде «здесь жена». И страх снова вполз мне под кожу, точно улитка.

— Пусть Кэсси подождет снаружи, — сказала я Биллу.

Он кивнул, и тут рядом со мной появился кто-то в зеленой униформе, врач или медбрат, и я услышала:

— Миссис Моррис? Пожалуйста, пойдемте со мной.

Несмотря на относительную тишину, в недрах больницы, несомненно, бурлила жизнь. Создавалось ощущение, что все под контролем. Я попыталась успокоиться, слушая голос сопровождающего, мерное гудение каких-то аппаратов, шорох раздвижных дверей. Что же человек в зеленом говорил мне? Кажется, «ваш муж был сильно ранен».

— Как он?! — почти выкрикнула я.

— Сейчас стабилен. Боюсь, очень сильно повреждена печень, поскольку именно в нее попал нож. Также у него травма головы от падения.

— Он в сознании?

— К сожалению, нет. Но лучше бы он и не пришел в себя, пока ему не сделают томографию. Ждем невролога. Очень напряженный конец недели получился... Мы немного перегружены.

Я следовала за ним, ожидая указаний — куда пойти, где сесть. Хотелось снять с себя всякую ответственность. Похожее состояние у меня было, когда я рожала. Здесь за Майком присмотрят. Умелые, опытные руки совершают нужные действия с его телом, вспарывают его дорогой костюм... Но страх все равно не отпускал.

Мы шли по коридору мимо палат. В одной из них я увидела ребенка с багровыми от ожогов руками, который кричал и сопротивлялся. В другой — истощенную, на вид не старше Кэсси девушку с ногами, покрытыми язвами. Возле нее столпились врачи, а вокруг пикала аппаратура. Наркоманка, поняла я. Такое — вне сферы моей жизни. Бедная девочка.

Мы подошли к следующей палате, и доктор мягко, но уверенно остановил меня, взяв за руку:

— Подождите меня здесь, миссис Моррис.

Он скрылся за зелеными занавесками, откуда доносился гул голосов. Внутри меня все сжалось. Через секунду доктор вышел, и я заметила, что он старается заслонить от меня происходящее в палате.

— Боюсь, его увозят на операцию, — сказал он.

— Уже?

— Нас беспокоит кровотечение.

Как они умеют это преподнести: «Кровотечение. Беспокоит». От поднявшейся паники перехватило дыхание, будто на грудь положили бетонную плиту.

Доктор велел мне посидеть в комнате ожидания, а сам поспешно вернулся туда, где находился Майк. Но я не ушла, а стояла у дверей, никем не замеченная, когда целая бригада медиков вывезла моего мужа из палаты. Один из врачей держал над ним пакет для внутривенного вливания, другой, сидя сбоку на каталке, нажимал ему на грудь, рядом бежала медсестра, выкрикивая какие-то цифры. Одежда у всех была забрызгана кровью. Кровью Майка. Его самого из-за них было почти не видно. Промелькнуло лицо: сморщенное, бледное, но при этом пугающе неподвижное, словно каменное. Его повезли дальше по коридору, в операционную. И тут я услышала громкий плач. Позади меня, устремив взор вслед врачам, стояла наша дочь.

Глава четырнадцатая

Билл отвез Кэсси домой, пообещав забрать Бенджи из школы и всех накормить. «Правда, не знаю, что я смогу приготовить. Ему нравится сельдь под соусом?»

Я чувствовала огромную благодарность и не понимала, как ее выразить. Обычно в тяжелых ситуациях меня всегда выручала Карен. Например, когда я рожала Бенджи, когда на неделю поехала к матери после смерти отца или когда Майк сломал лодыжку и я ездила к нему в больницу три дня подряд.

Что же Карен делает сейчас, где она? Я вообразила ее в квартире с безликой мебелью, какая бывает в отелях. По мере надобности мы предоставляли такое жилье женщинам-жертвам. И я до сих пор не могла поверить в то, что Карен обвинила Майка, а Джейк вонзил в него нож. Маленький мальчик, обнимавший меня со словами: «Я люблю тебя, тетя Эли». Как он тихо плакал, сидя за столом, когда я сказала, что мы уезжаем. Потом уже никогда такого не было. И вот теперь перед моими глазами стоят его искаженное яростью лицо, лезвие, сверкающее на солнце, Кэсси... Голова кружилась от лжи, крови, криков. Я сказала себе, что должна пройти через все это. Только бы Майк выжил, и мы всё как-нибудь исправим. Надо дышать. Вдох — выдох...

Я сидела в комнате ожидания. Констебль Дивайн подошел ко мне, его костюм по-прежнему выглядел аккуратным и чистым. Я же чувствовала, что пахну потом, и рука измазана в крови, которую я до сих пор

не смысла. Надо будет сказать Кэсси, чтобы она замочила свою одежду.

Констебль сел рядом со мной.

— Вы ели сегодня? — спросил он.

Я покачала головой:

— Я не голодна.

— Но надо хотя бы попить. Давайте я принесу что-нибудь? Может, чаю?

— Да, спасибо. Черного, пожалуйста.

Жидкость, которую он принес в пластиковом стаканчике, имела металлический привкус, и вообще мне казалось ужасным и неправильным есть или пить, пока где-то в операционной режут Майка. Но все-таки я выпила.

— Вы его задержали? — Мой голос был печален. — Я имею в виду — Джейка.

— Да, он под охраной.

— Джейк принес нож и, видимо, прятал его в кустах. Похоже, этот нож из нашего дома.

— Я тоже все видел, миссис Моррис, смотрел со ступенек у входа.

— Какое ему выдвинут обвинение? Это же предумышленное... То есть он все спланировал заранее. — Я похолодела, представив себе, как Джейк обдумывал убийство. Когда он стащил нож? После того, как все случилось, или раньше?

Адам не ответил. Он смотрел на меня чуть прикрыв веки, словно засыпая.

— Вы хорошо знаете Джейка Рэмплинга, миссис Моррис?

— Раньше знала хорошо, мы с Карен вместе растили детей. Но в последнее время мы почти не общались, сами понимаете — подросток... — Я вновь содрогнулась от мысли о тяжести преступления этого мальчика.

Какое будущее его ждет? — А судить его будут как взрослого? Ему почти восемнадцать.

— Обычно так и делают. В определенных случаях у суда есть такое право.

В таких случаях, как убийство. Предумышленное убийство. Ведь Джейк, маленький Джейк, хотел зарезать моего мужа! Снова, в который раз, я представила Кэсси, застывшую на месте. Парня, бегущего к нам с ножом. Блеск лезвия. Свой ужас. Майка, бросившегося заслонить дочь. И Карен, которая смотрела на все это. Пыталась ли она остановить сына? Я не знала...

— Его отпустят? А что, если он придет сюда и опять попытается...

...попытается убить беззащитного Майка, лежащего без сознания.

Констебль молча смотрел на меня, и мне вдруг стало почему-то стыдно.

— Миссис Моррис, я понимаю, на вашу долю выпали тяжелые испытания. Можно я посоветую вам не думать о Джейке? Сосредоточьтесь на своей семье, на муже. Его выпустили под залог. Нужно готовиться к процессу, несмотря на эту... задержку.

— Он без сознания! И прямо сейчас лежит на операционном столе.

— Я знаю. Но прогнозы для подобных травм вполне оптимистичны: печень может восстанавливаться.

Он говорил так спокойно, что я не выдержала и отвернулась. Будто тут есть чему радоваться: Майк поправится, и его упекут в тюрьму за изнасилование. Я снова подумала о Карен, и эта мысль была остра и неудобна, точно проглоченный кусок стекла.

— И что теперь? — спросила я.

Выяснить, как жить дальше, стало моей главной потребностью. Нужно все спланировать, составить

список задач и быть наготове. События последних нескольких дней застали меня врасплох, и я все еще ба-рахталась, не в силах нащупать ногами твердую почву.

— В первую очередь надо, чтобы он пошел на поправку. А тем временем Королевская прокурорская служба начнет работать над этим делом. Нам понадобятся показания — и ваши, и вашей дочери. А Джейк — под охраной, не беспокойтесь.

Джейк далеко от Майка, это уже хорошо. Потом на-станет время разобраться, узнать, о чем же, черт возьми, он думал, когда решил такое сотворить. Но откуда этот скользкий страх, откуда чувство, что ничего не закончено? Кажется, будто события субботней ночи будут разворачиваться, как в древнегреческой трагедии, дальше, пока не сгинет все.

— Теперь я готова поверить, что он хотел убить нас всех.

Я искренне считала Джейка членом семьи. Я его практически вырастила, а он попытался прикончить моего мужа. Адам смотрел на меня своим спокойным, добрым взглядом, словно видел насквозь.

— Майк никак не в безопасности, вы же видели. Если Джейка освободят... И даже моя дочь... Я думаю, он может попытаться... — Я сглотнула, слова не давались мне.

Невозможно поверить, что мальчик, которого я любила, стал для нас источником смертельной угрозы. И теперь я должна была встать на защиту своих близких, как встал Майк, заслонив Кэсси, и защищать их до того момента, пока все не решится. Если вообще когда-нибудь решится.

— Ему нужна помощь. Нельзя же, чтобы он ходил по улицам и нападал на людей, верно?

Адам кивнул.

— Попробуйте отдохнуть, — сказал он. — Вы никому не сможете помочь, если у вас не останется сил.

Я несколько часов просидела в больнице и к тому моменту, когда Майка наконец вывезли из операционной, совсем выдохлась. К счастью, он был жив, но прийти в сознание ему предстояло нескоро. Поэтому дольше оставаться здесь смысла не было, и я поехала домой, неожиданно осознав, что не имею понятия, который час. Наверное, поздний. На пустынных улицах до сих пор висела усталость от долгого жаркого уик-энда.

Все люди вокруг, включая Джоди и Каллума, вернулись на работу, в офисы, где все имело смысл и было на своих местах. А жизни Майка, Карен, Джейка, моя собственная точно остановились. Я подумала о Бенджи: каково ему в школе? Известно ли уже там, что произошло, не начнут ли его дразнить?

Наш дом как будто тоже постарел. Оградительная лента трепетала на воротах, лужайку испещрили следы. Воображаю, что подумали соседи. Их не порадовал такой скандал, это уж точно. За четырьмя домами на нашем участке шоссе осуществляла надзор Ассоциация районных дружинников.

Я припарковалась, вышла из машины и по траве направилась к дому. Мне было холодно, на душе скребли кошки. Увидев, что столик в саду так и не убран, я собрала с него чашки и стаканы и на одном из винных бокалов заметила темно-розовый след от помады Карен. Стол был мокрым и грязным после прошедшего дождя. Непросто в одиночку за раз унести всю посуду, но я все-таки попыталась это сделать. Когда я, шатаясь, направлялась к дому, оттуда вышел Билл в джинсах, джемпере и шлепанцах.

— Эли, я это унесу.

— Все грязное! Все такое грязное! — просипела я, почти задыхаясь.

— Ничего, отмоем. Мы с Кэсси уже начали.

Через окно я заметила светлое пятно, — это была она.

— Бенджи делает уроки. Мы поели пиццы. Надеюсь, ничего страшного?

— Конечно, ничего.

Я сказала себе, что один раз поужинать пиццей — точно не страшно.

— Как Майк? — спросил он.

— Стабилен. Мне не особенно много рассказывают, но известно, что пока он без сознания.

Билл уже ловко забирал у меня тарелки.

— Слава богу, что ты здесь! — Я просто не представляла, что бы сейчас без него делала.

Я вошла следом за ним на кухню, заметив, как там чисто: посудомойка гудит, столешницы протерты. Он аккуратно сложил скатерть и оставил на столе. Майк всегда вешал ее на ручку буфета.

— Большое тебе спасибо, Билл. Бардак в доме просто добил бы меня.

— Помнишь Лейтон-роуд?

Я автоматически улыбнулась:

— Они наверняка заколотили дом, когда мы съехали. Мы были жуткими неряхами. Все, кроме тебя, конечно.

На втором курсе именно Билл следил за порядком в нашей общей ванной и на кухне. Он единственный уяснил, что взрослые люди убирают за собой сами. Все остальные оставляли повсюду полные пепельницы, пригоревшие сковородки и забывали на радиаторах трусы, которые высыхали до хруста.

— С Кэсси все в порядке?

При моем появлении она тут же исчезла из кухни, точно не могла находиться со мной рядом.

Билл аккуратно составил в стопку тарелки, принесенные из сада.

— Она очень тихая. Думаю, от шока. Кто-то звонил ей домой. Наверное, школьные друзья, хотя голоса у них звучали увереннее, чем у некоторых взрослых. Но она не подходила.

— Я не хотела, чтобы Кэсси училась именно в этой школе, но Майк считал, что она лучшая в округе.

Сев за стол, я порадовалась тому, как тщательно он протерт. И даже пол вымыт! Однако кровавый след так и остался. Маленькое несмываемое пятнышко.

— Что касается меня, я никогда не обладала уверенностью современных подростков. Потом в Оксфорде тоже была серой мышкой и упустила кучу возможностей.

— В ином случае это была бы уже не ты. И я имел в виду уверенность другого рода... — Он помолчал, вытирая тарелки, потом продолжил: — Знаешь, я видел тебя по телевизору и...

— О...

— Ты была великолепна, разбила оппонента в пух и прах, но не злобно, как типичная феминистка, а словно мать, отчитывающая неразумное дитя.

— А я и представляла себя в этой роли. Думала, что скажу нечто подобное Бенджи, когда он подрастет и начнет нести тот сексистский бред, которого все мальчишки где-то набираются. Непонятно только, где же?

— В Интернете, наверное. В моем детстве все было иначе. Мы с мамой жили в Лидсе, и я слушал только то, что она мне советовала.

— Конечно, это она тебя воспитала. Потрясающая женщина!

Мать, которая растила сына одна, поскольку его отец умер. И это притом, что она очень плохо говорила по-английски.

— Да. Ты ей тоже нравилась.

Я вспомнила, что мама Билла умерла несколько лет назад, но на похороны я не ездила. Мы тогда почти не общались, и это продолжалось без малого двадцать лет. А пару месяцев назад он всем нам написал, что расстался с Астрид и возвращается. Именно в тот момент мне в голову и пришла блестящая идея устроить встречу выпускников. Если бы я только знала, во что она выльется! Но на похороны мне все же следовало поехать...

— Прости меня, Билл. Тяжело тебе пришлось...

— Она была для меня всем. Я знал, что когда-нибудь ее не станет. Но когда это случилось, я просто... просто не мог найти себе места в этом мире. Да, тяжело было. Астрид приходилось обо мне заботиться.

Удивительно, но я почувствовала укол ревности. Или сожаление, что наша дружба прервалась так долго. Или пожалела о сделанном мной выборе.

— Ты с ней говорил?

Он вздрогнул.

— У нас все кончено. Она не ждет, что я к ней вернусь. Я собирался просто плыть по течению. Никто... никто меня не ждет.

— Значит, ты мог бы еще остаться здесь? Ну только если ты правда не против. Знаю, что многого прошу...

Мне показалось, что пауза затянулась очень надолго. А потом он ответил:

— Я останусь.

Билл сделал мне бутерброд. Он заверил, что после нашей пирушки осталось еще много еды и готовить ничего не надо, а также посоветовал принять ванну

и расслабиться. Я сомневалась, что сумею сбросить напряжение, но, погрузившись в горячую пенную воду, все-таки слегка успокоилась.

Когда-то мне так понравились и медная ванна, и старинная раковина, что это стало одной из причин умолять Майка купить дом, несмотря на старую проводку и текущую крышу. Я сохранила прежнюю серо-зеленую плитку, только оттерла ее. Склеила все, что треснуло, уложила стопкой полотенца, поставила плетеную корзину для белья, повесила фотографии в белых рамочках. Конечно, подражание интерьерным журналам совершенно бессмысленно, когда в доме живут девочка-подросток, пачкающая все вокруг косметикой, и мальчик, обожающий повозиться в грязи, но я упорно пыталась сделать из ванной картинку. Я вообще всегда старалась делать все «как надо». Сейчас под раковиной по полу была размазана раздавленная трава, и я подумала: удастся ли мне после всего отмыть свой дом дочиста?

Погрузившись в пену до подбородка и чувствуя, что мышцы наконец расслабились, я попыталась подвести итоги. Итак, Майк — в больнице в стабильном состоянии, но без сознания. Его печень снова цела, на ней швы из медицинской нити и... надежды. Но когда он поправится, если поправится, состоится суд. А потом, возможно, он сядет.

О нет! Конечно же, его не отправят в тюрьму. Ведь он невиновен! Я до сих пор не верила, что Майк способен причинить боль женщине. Конечно, он проклятый лгун, а еще изменник, и этого я никак от него не ожидала, однако он не склонен к насилию. Я прекрасно знала, какие признаки указывают на подобное, и никогда не замечала их у своего мужа.

Я рылась в памяти, мысленно возвращаясь в далекие дни учебы в университете. Ведь я не дура и всегда

понимала, что, привыкнув к насилию с детства, женщина бессознательно ищет его в семейной жизни. Она думает, что выбрала любящего, заботливого, тонко чувствующего мужчину... Но в один прекрасный день скажет что-нибудь не то или неправильно подаст чай, и ей в лицо полетит чашка. Нет, Майк не таков. Конечно, он часто уставал на работе, мог сорваться и наорать на меня, но такое случается со всеми. А с детьми он вообще всегда был терпеливее меня. Я потеряла счет скандалам между мной и Кэсси, которые Майк гасил правильно подобранными словами. Далеко не все суды заканчиваются вынесением приговора. В этом-то и заключается их смысл.

В дверь постучали. Тихо и боязливо. Когда Майк не мог найти кроссовки для бега, термос или фитнес-браслет, он колотил в дверь громко, нетерпеливо, и мне приходилось вылезать из ванны, чтобы открыть ему.

— Эли? — услышала я голос Билла.

— Да?

Он знал, что по ту сторону двери я сижу в ванне абсолютно голая. Слишком это было интимно, и мне стало не по себе. Внезапно я вспомнила несостоявшийся разговор на кухне. Мы ведь так и не обсудили... если тут вообще было что обсуждать.

Последовала короткая пауза, а потом Билл произнес:

— Извини, что беспокою, но Карен пришла.

Джейк

— О-о-о, какой крутой чувак!

Он не стал осматриваться, но руки дрожали, дыхание сбилось. «Не бойся. Перестань бояться! Прекрати!» — приказывал он себе.

— За что тебя? — спросил паренек лет четырнадцать с противоположного конца камеры.

Джейк сидел здесь на неудобном пластиковом стуле уже... сколько? Часы? Дни? Он не помнил. И постоянно, как только закрывал глаза, видел перед собой лицо Майка, хотя изо всех сил старался не думать о нем, пытался держать подальше эти мысли, как держат дверь, чтобы она не хлопала на ветру.

Майк... Вот он идет, вот поднимает руки и бросается вперед, чтобы заслонить Кэсси. Как будто Джейк собирался ей навредить... Лицо Майка менялось, и на нем можно было прочесть: «О, это Джейк. Он неопасен». Это сначала, а затем: «Нет, нет, он опасен!», а потом, когда он увидел нож, — ужас...

Никто раньше не боялся Джейка, и это само по себе оказалось страшным. Он сделал *это*. Он хотел убить дядю Майка, который сначала был для него частью чего-то единого — «тетя Эли и дядя Майк», потом — папой Кэсси, затем — человеком, который иногда приходил к ним без Кэсси или тети Эли, а после его ухода мама всегда плакала. Джейку было велено никому об этом не говорить. Но однажды он забыл и проболтался. Дядя Майк с мамой сразу затихли, тетя Эли посмотрела как-то странно, а мама заторопилась уйти, сославшись на какие-то срочные дела.

Ничего страшного не случилось, но Джейк понял, что совершил большую ошибку. Ему было всего семь, но он уже уяснил: о дяде Майке следует либо молчать, либо врать, даже Кэсси, лучшей подруге. Когда через некоторое время тетя Эли, дядя Майк, Кэсси и малыш в животе у тети Эли переехали, Джейк был уверен, что в этом виноват именно он. Мама стала плакать еще чаще: ее рыдания были слышны через стенку. И тогда он поклялся больше никогда не доверять Моррисам, которые притворялись, что все они, включая маму и его самого, — одна большая семья. Но в действительности это было не так.

Что-то шлепнуло Джейка по щеке, и он вздрогнул. Комок жеваной бумаги.

— Я спросил — за что тебя?

Джейк откашлялся:

— Зарезал одного типа.

Паренек присвистнул. Он был тощий, с худыми, как палки, руками, а все лицо покрывали веснушки.

— Не врешь?

— Нет.

— Кого зарезал, братан?

Джейк пожал плечами:

— Он обидел мою маму.

Парнишка кивнул:

— А ты ее защитил. Это хорошо.

— Он обидел ее... — Джейк не собирался плакать.

Только не здесь! Ни за что!

— ...очень сильно обидел!

Конечно, крутым сосед по камере назвал Джейка в шутку. Откуда взяться крутизне, если поехать куда-либо на каникулах они с мамой могли только на деньги, подаренные Моррисами. Если его кроссовки были куплены в дешевом супермаркете.

И это все из-за матери. Поступила в Оксфорд, но так и не окончила. Поэтому не смогла устроиться на нормальную работу. Ни отца, ни денег она ему не подарила... Даже здесь он оказался из-за нее, потому что мать надо защищать, если ее обидели. Ну и напилась же она тогда! И вела себя, как дура, словно ей двадцать один, а не вдвое больше! Если бы какая-то девчонка в школе вела себя так, как она, то ее называли бы шлюхой. Но это же его мама. И вот куда она завела его...

Эх, не надо было ему уходить в гараж и оставлять ее пить с мужчинами. Как они хохотали и шумели, вспоминая «прекрасные оксфордские времена»! Ему

пришло сообщение от Кэсси, и он поднялся в кабинет Майка, чтобы прочитать его.

«Наконец-то, раз мы в Оксфорде, можно лечь после одиннадцати», — шутила Кэсси.

«LOL. И ты ляжешь или что?»

Она ответила эмодзи, пожимающим плечами.

«Не надо, подруга. Пожалеешь», — написал он.

Кэсси всегда была ужасной вруньей, даже в детстве, когда ее мама вышла на тропу войны, требуя рассказать, кто же съел все конфеты с виски. Поэтому, раз Кэсси сказала, что собирается идти спать, Джейк отлично понимал, что она поступит с точностью до наоборот. И он поднялся в «нору» Майка. На полу стоял открытый чемодан мамы, одежда торчала из него во все стороны, покрывало на раскладном диване уже было смято. Когда они приехали, мама сказала, что хочет переодеться, и отправила его к Кэсси. Переодевание это длилось очень долго, почти час.

Джейк видел свет в окне комнаты Кэсси, когда отправлял ей сообщение:

«Собираешься к нему?»

Некоторое время она не отвечала, но он знал, что ответ придет. А пока стал изучать вкусы этого придурка Майка: скучные диски на полках, содержимое бара, оформленного под музыкальный автомат, красное кожаное кресло... Рабочий кабинет джентльмена! Когда Джейк был маленьким, мама заставляла его общаться с Майком, конечно же думая, что сыну необходима мужская ролевая модель поведения или что-то вроде того... Это у нее называлось «уик-энд-мальчишник». Но Джейк быстро дал понять Майку, что ни гольф, ни футбол, ни другие глупые мужские увлечения его не интересуют, и тогда все прекратилось.

«Не твое дело», — ответила Кэсси.

«Не делай этого», — написал он.

Она послала в ответ гневную мордашку, и Джейк понял, что она все равно ускользнет из дома к своему парню. Тот начнет добиваться ее, она, конечно же, сдастся, а потом он выбросит подружку, как использованный носовой платок.

Эта мысль разозлила Джейка, он вскочил и начал мерить кабинет шагами. Очень хотелось что-нибудь разбить. Что, если расколотить один из дисков Майка, а потом положить его обратно в коробку? Все равно хозяин никогда их не смотрит. Джейк был уверен, что Майк, сидя в своем кабинете, только и делает, что грузит порнуху из Интернета.

Больше ничего не происходило. Кэсси перестала отвечать, отправившись осуществлять свой план, мать по-прежнему пила и хохотала на лужайке, а он остался в одиночестве.

Джейк пнул стол Майка, сел на диван, но потом все-таки стал смотреть один из его дисков — «Похмелье» — и незаметно для себя увлекся.

Поэтому он не заметил, что в саду стало тихо. Он узнал, что на его маму напали, только после того, как она начала кричать. А Эли выбежала из дома и стала звать своего мужа. Она была еще хуже Майка... Этот ее покровительственный тон, эти подарки на день рождения и вопросы: «Как дела, Джейк? Как там с поиском университета, Джейки? А девушка у тебя есть?» Такая же фальшивая, как ее муженек. Джейк никак не мог понять, почему его мать до сих пор с ними общается. Хотя Каллум и Джоди еще хуже. Всегда стремятся устроить самый модный прием или как можно больше денег потратить в отпуске. Вот Билл — тот ничего, единственный из всех. Остальных бы Джейк послал куда подальше.

— Рэмплинг!

Джейк услышал, что его зовет охранник, и вернулся к действительности.

Охрана оказалась здесь доброй. Да и вообще было не так уж плохо. Ему разрешили играть в видеоигры, смотреть телик и носить свою одежду.

— Смотри, — предупредил веснушчатый сокамерник, — не сболтни им лишнего.

Джейк поднялся со стула, и охранник жестом поминал его к выходу.

— Твоя мать пришла! — сообщил он.

Джейку почему-то не хотелось, чтобы это услышал его новый товарищ, погруженный в «Гонки Марио». Игры, в которых есть насилие, здесь были под запретом. Охранник провел Джейка сквозь несколько помещений, и они оказались в комнате для посетителей, где он увидел мать. Синяки выделялись на ее бледной коже. Джейк почувствовал, как в нем поднимается злость — на Майка, на Эли и на мать. На всех!

— Что тебе надо? — спросил он грубо.

Он ненавидел ее за то, что с ним случилось, но в то же время любил и, если бы она попросила, разбил бы стекло рукой.

— Милый... — Она сглотнула, и ее горло, покрытое темными пятнами, дернулось. — Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Глава пятнадцатая

Я поспешно завязала пояс шелкового халата, подаренного Майком на Рождество. По серому ковру в прихожей протянулись мои мокрые следы.

— Она здесь? В доме?

— Не надо было ее впускать? Но на улице дождь.

До чего же нелепая ситуация.

— Конечно, надо было. Все в порядке.

Меня качнуло от нахлынувшего страха. Последний раз, когда Карен была здесь, в моем доме, случилось все это. И теперь наша жизнь разрушена.

Билл спустился за мной и пошел на кухню:

— Я буду там, позови, если понадобится. Принести чая или еще чего-нибудь?

— Нет-нет, не нужно.

Мне совсем не хотелось вспоминать все наши с Карен тысячи чаепитий, начиная с университета и заканчивая тем самым проклятым вечером. У нее даже была здесь своя кружка, слегка кривобокая, которую Кэсси сама сделала на уроке труда и настояла, чтобы ею пользовалась именно тетя Карен.

Я замерла, положив руку на дверь гостиной. Войти туда не хотелось, и я вообще сомневалась, что поставлю себя это сделать. Но пришлось.

В комнате стоял полумрак, и Карен, забившуюся в угол серого дивана, я заметила не сразу. Как я радовалась, когда отделка гостиной закончилась и я стала украшать ее, раскладывая голубые подушки, покрывала, расставляя разные красивые мелочи! Часто мне было достаточно лишь посмотреть на эту комнату, чтобы наполниться ощущением счастья и покоя. Но,

увы, не сегодня. Я повернула выключатель и при свете лампы как следует рассмотрела Карен.

Она выглядела ужасно. Непричесанные волосы — мне только теперь бросилось в глаза, сколько у нее седины. Помятое лицо. Мешковатый серый свитшот. Руки зажаты между коленей.

— Эли...

— Как ты? — напряженным голосом спросила я, сев в противоположном углу дивана и поплотнее запахнув халат.

— Не очень... — проговорила она с большим трудом. — Это ужасно... То, что случилось.

— Ты о чем именно? — поинтересовалась я, почувствовав, какой ледяной у меня тон. — Боже, Карен, я просто не знаю, что тебе сказать! И вообще, можно ли тебе здесь находиться...

Я была уверена, что разговаривать мы с ней точно не должны.

Она посмотрела на свои кроссовки, которые оставили на ковре грязные следы.

— Скорее всего, нельзя. Но я должна. Я не выдумала все это... — почти прошептала Карен. — Это правда случилось. Посмотри на мою... посмотри на меня. — Она отогнула воротник, чтобы я смогла увидеть чернильно-синие отпечатки пальцев. — Я знаю, что ты не веришь... Я тоже не хотела верить. Вот почему тогда просто замерла, не могла поверить, что это правда... А потом... потом было уже поздно.

— Но у тебя был секс с ним буквально за несколько часов до этого! — Мой голос сорвался. — Разве не так?

Карен побледнела еще сильнее:

— Это он тебе сказал?

— Да, объяснил, зачем ты приехала так рано — чтобы вы могли потрахаться, пока меня нет дома. Боже мой, почему?! Почему сейчас? После всех этих лет?

Это говорю я? Я себя не узнавала.

Помолчав, Карен спросила:

— Он сказал, что это было только один раз?

Когда ты думаешь, что случилось самое худшее, и почва уходит у тебя из-под ног, то через какое-то время все-таки собираешь себя по частям и продолжаешь жить. Но совсем по-иному чувствуешь себя, когда оказывается, что все на самом деле гораздо хуже, чем казалось.

— Что-о? — Я едва могла говорить. — А это не так?

Мысленно я перенеслась в прошлое. Как? Уже в университете? Или когда родился Джейк и Карен подолгу жила у нас, потому что ей тяжело было в доме, больше похожем на проходной двор? Или когда родилась Кэсси? После крестин? Свадьбы? Вечеринок? Все мое прошлое внезапно словно покрылось жирной, неприятной пленкой.

Карен ровным голосом произнесла:

— Я переспала с Майком в тот же вечер, когда мы с ним познакомились.

Но это же... Это именно тот вечер, который Каллум показывал нам на фото.

О, мои бесценные воспоминания! Мы с Майком встретились в первый же вечер нашей студенческой жизни и с тех пор никогда не расставались. На следующий день мы прогулялись по мосту Магдалины¹⁸, оба в желто-голубых университетских шарфах, и болтали обо всем и ни о чем, как делают все восемнадцатилетние. С того самого момента мы были вместе. Эли и Майк. У нас, конечно, случались свои взлеты и падения, но все-таки мы шли дальше рука об руку, в то время как наши сокурсники сходились и расходились, курсируя между кроватями. Но в ту, самую первую, ночь, когда я легла спать, все еще оставаясь девственницей,

¹⁸ Один из символов Оксфорда.

но ни на что не годной из-за четырех бутылок персикового шнапса с лаймом, в ту ночь с Майком осталась Карен. Недоверчиво, точно пытаюсь стряхнуть слезы с глаз, я покачала головой:

— Неправда...

— Правда, Эли... Боже, мы встречались то чаще, то реже, но тянулось все годами. Так что он сказал неправду, утверждая, что *это* случилось только раз.

Вцепившись в стол, я прошептала:

— И когда я рожала Бенджи и лежала в больнице неделю?

Карен тогда приехала помочь, присмотреть за пятилетней Кэсси.

Она кивнула.

— И когда умер мой отец?

Каким заботливым был тогда Майк, как он делал мне массаж, ведь я почти десять дней засыпала, лишь отревевшись. И он остался дома, когда я поехала помочь матери...

— Да. Эли, ты понимаешь, что мое признание может сыграть против меня. У нас были долгие отношения. Я хочу, чтобы ты поверила мне: я не вру. Майк действительно напал на меня.

— Но ты врала мне всегда!

Она опустила глаза:

— Не врала. Просто никогда не рассказывала. Господи, Эли, что бы я сказала? Я люблю тебя. Ты моя лучшая подруга. Но с ним — это как наркотик, с которого никак не слезть. Когда я увидела его в субботу...

— Я не верю тебе! Ты врешь! — Я уже кричала.

— Зачем?

— Не знаю!

Может, всего лишь затем, чтобы причинить мне боль? Взять и разрушить все, что у меня есть.

— Но зачем он... С чего ему было бы тебя насиловать, если ваша связь длилась столько лет? В этом просто нет смысла!

Помолчав, Карен ответила:

— Мы решили все прекратить. В тот день.

— По его словам, это он так решил.

Конечно, муж говорил, что Карен к нему приставала и он поддался минутной слабости, и что этого больше никогда не случится, ну и все такое прочее. И как легко я ему поверила!

Карен смотрела в пол.

— Не знаю, Эли. Он вообще иногда врет. Да и я... Все-таки потому, что мы... Я не хотела этого тогда. И он взял меня силой. А это... Тебе ли не знать, что такое изнасилование, Эли!

Я прикусила губу.

— Но почему ты уверена, что это был именно он? Темно, ты пьяная, вы все были пьяные.

— Я... Боже, Эли, в конце концов, ну кто еще? Никто в сад не заходил.

— Там был Каллум. И... Билл.

Еще одна проблема заключалась в том, что вина лежала либо на моем муже, либо на наших общих друзьях.

— Каллум отключился, ты же знаешь. Он много выкурил. А Билл ушел спать гораздо раньше. И... есть все-таки разница между мужчиной ростом под два метра и мужчиной — метр семьдесят пять.

Я услышала интонации прежней Карен — умной, крутой, помогающей мне разобраться, что к чему.

— Так или иначе, ведь я его знаю, — продолжала она. — Его джемпер.... его запах... Я знаю его, Эли! И неважно, напилась я или нет. Уж ты-то могла бы не сомневаться, что мое состояние тут ни при чем.

— А если он подумал, что ты согласна — ведь много раз до этого ты соглашалась! — Я хваталась за соломинку и прекрасно это понимала.

Я проиграла битву, проиграла окончательно и теперь осыпала Карен ударами лишь для того, чтобы причинить боль. Будто она и так не настрадалась. Ведь я видела синяки, они же настоящие. Но... Он никак не мог сотворить такое, не мог! Я пыталась понять, какая же деталь в пазле отсутствует, как сложить его правильно, чтобы Майк не оказался насильником, а Карен — лгуньей. Но этой детали, возможно, просто не существовало.

Она поправила воротник и сказала:

— Все он знал. А даже если и нет, то я была слишком пьяна, чтобы согласиться. Эли, я знаю, что тебе трудно сейчас мыслить трезво, но послушай себя: «Ты была пьяна и, наверное, сама этого хотела, потому что у вас был секс раньше». Ну же!

— Ты говоришь, что годами спала с ним. А это двадцать пять лет за моей спиной! — крикнула я. — Что тебе еще от меня нужно? — Я все-таки не могла ей поверить. Майк ведь сказал, что это случилось всего один раз.

— Я знаю... — Она снова уставилась в пол. — Знаю, что должна просить у тебя прощения. Клянусь, я никогда, никогда не хотела сделать тебе больно, и мне очень-очень жаль. Ты... Но то, что происходило между мной и Майком, было... Да, ужасно, да, порочно, но так желанно! Я никак не могла это прекратить. Мы пытались... Переставали встречаться, но потом, рано или поздно, снова срывались. И так шло с нашей первой встречи. И все эти годы я видела тебя с ним и молчала, потому что я и тебя люблю.

— Но недостаточно для того, чтобы не спать с моим мужем!

Теперь я уже плакала, слезы капали на мой и без того влажный халат, а Карен шурилась, вытирая глаза тыльной стороной руки.

— Я знаю, знаю, что мне нет оправдания. Но ведь все это не означает, что я лгу... — Ее голос дрогнул. — Теперь я нигде не чувствую себя в безопасности. Ни в кровати, ни в комнате для допросов. Не могу ни есть, ни спать, даже просто лежать и то не могу. Не знаю, как я буду жить дальше. Он отнял у меня все.

— Чего ты хочешь? Зачем пришла? Мне правда жаль, что на тебя напали. Я хотела бы помочь, но как? Что я должна сделать?

— Я пришла из-за Джейка.

И тут я поняла, чего ей надо.

— Нет, Карен, я не могу... И даже если... Тут все зависит не от нас. Ведь Джейк сделал это на глазах у полиции. Его будут судить за нападение.

— За спланированное убийство! Знаешь, сколько за это дают? Возможно, пожизненное. Ему всего семнадцать, Эли, но они вправе судить его как взрослого. Ты могла бы сказать, что не хочешь этого. Заявить, что он не преступник, что он хороший мальчик и не опасен. Или... что это был несчастный случай и он не хотел. Просто оступился.

Я смутилась:

— Но, Карен, ты знаешь, что это неправда. Ты сама раньше беспокоилась за его психическое состояние, помнишь?

Несколько лет назад она действительно водила Джейка к психиатру, потому что ее сын ни с кем не общался и почти не выходил из своей комнаты.

Она взвилась:

— Нет! Это несправедливо! И абсолютно здесь ни при чем. Он не склонен к насилию!

— Карен, он ударил Майка ножом на моих глазах! Майк до сих пор не пришел в себя! Могла пострадать и Кэсси... Мне жаль, что так все сложилось. Видит бог, мне очень жаль! Как бы мне хотелось, чтобы ничего не было. Хотелось бы попросту перезагрузить субботнее утро. Но это нереально. И я не стану врать полиции. Если Джейка отпустят, он может снова попытаться убить Майка.

Мы смотрели друг на друга, и я чувствовала, как наша многолетняя дружба, все, что нас связывало, рассыпается в прах.

Она заговорила так тихо, что я не сразу расслышала:

— А я сделала это для тебя.

— Что?

— Помогла тебе тогда, с Мартой...

Я хотела сказать, что между тем случаем и сегодняшним кошмаром нет ничего общего, но запнулась, осознав, что собираюсь повторить слова Майка.

— Той ночью, Эли, он был со мной. Но не все время.

Я встала.

— Тебе пора идти.

Она кивнула и тоже поднялась.

На кухне топтался Билл. Взгляд, который бросила на меня Карен, уходя, был ясен без слов. Билл с полотенцем на плече, гул посудомойки, запах пиццы, я в халате со все еще мокрыми волосами после ванны — домашняя идиллия. Как будто Билл, который сопровождал ее в ту жуткую ночь, в самый худший момент ее жизни, теперь выбрал, на чьей он стороне — на моей.

Она ушла, ничего не сказав, ведь слов больше не осталось.

Глава шестнадцатая

— Он очнется? — спросил Бенджи дрожащим голосом, глядя на отца.

Лицо Майка было бледным и неподвижным. Нестественное спокойствие говорило, что он не спит, а находится где-то между жизнью и смертью.

Бенджи пришел в школьной форме, неумытый, и воротник его рубашки был испачкан зеленым фло-мастером. А вот Кэсси специально привела себя в порядок перед тем, как поехать в больницу. Она не была в школе — упросила меня разрешить ей пока не ходить туда — и выглядела как кукла: лицо гладкое от тональ-ника, волосы жесткие от лака.

Время разматывалось, словно катушка ниток, и вот уже наступил вторник. Мне хотелось собрать прошед-шие дни, будто осколки, выбросить их, вернуться на-зад и начать субботу с начала. Не ходить на встречу с Викс и Джули, не давать всем много пить, не уходить спать так рано.

— Он очнется, — пообещала я сыну, хотя совсем не была в этом уверена. Врачи говорили со мной уклон-чиво, ободряя, но не давая точной информации. — Он ударился головой, поэтому ему нужен покой.

— Джейк... — Губы Бенджи задрожали. — Почему он это сделал?

Я посмотрела на Кэсси, и она тут же отвернулась.

— Потому что он был очень зол, вот и сорвался, — ответила я. — Думаю, он не хотел...

— Хотел! — перебила меня дочь. — Он сделал это, глядя мне в глаза!

Бенджи закусил губу, еле сдерживая слезы.

— Папа меня заслонил, — добавила Кэсси. — Он очень смелый!

— Но Джейк ничего не сделал бы тебе, милая, — возразила я.

Она посмотрела на меня:

— Он ранил папу. Ты раньше могла бы себе такое представить?

О, Джейк, славный мальчик, который каждый день после школы приходил к нам, пока мы не переехали... Как он плакал, прощаясь! Слезы капали на коробку с печеньем, которую я вручила ему, чтобы подсластить пилюлю. А он не притронулся к вкусностям, как будто из принципа. Хотя я говорила себе, что поступаю правильно и забочусь о своей семье, избавиться от мысли о покинутом Джейке мне было непросто. И о Карен тоже. Как будто мы бросили часть семьи.

Тогда-то у них должно было все прекратиться. Их роман, по заверениям Майка, вообще не существовал. Рассказ Карен отравил все мои мысли о них обоих. Кто же из них лжет? Правда — как обоюдоострый меч. Либо солгал мой муж и их связывают долгие отношения, либо Карен хотела сделать мне больно и поэтому все выдумала. Но роман с Майком ставил под сомнение ее обвинение, ей ни к чему вредить себе самой. А если она говорит правду, почему он ее изнасиловал? Все это никак не укладывалось в моей голове и было крайне далеко от известных мне причин изнасилований.

Я посмотрела на Майка. Его лицо застыло, между губами торчала трубка. О, как бы ему не понравился собственный вид! У меня накопилось столько вопросов к нему. Мне нужно было знать всё — даты и время их встреч, другие подробности. Необходимо было понять, какие из воспоминаний стоит сберечь для себя, а какие, испорченные этими двумя, — вырвать

из сердца и сжечь. Но на самом деле я, конечно же, хотела невозможного: чтобы мой муж сказал, что ничего у них с Карен не было и что она лжет.

Возвращаясь мыслями к нашему с ней разговору, я наталкивалась на имя Марты, и у меня начинало сосать под ложечкой. Зачем Карен снова вспомнила то, что давно прошло? Что она имела в виду?

Я взглянула на часы, висевшие на стене. Уже пять. Нужно отвезти домой детей, накормить, утешить, поддержать. Кэсси предстоят экзамены, а Бенджи — тесты и отборочные матчи по футболу. Этим горящим обручам, сквозь которые заставляют прыгать детей, кажется, нет конца. А ведь мне, ко всему прочему, нужно что-то сказать и в школе, и партнерам Майка. Надо узнать, что у него с зарплатой, если он отстранен от дел. Моих доходов за месяц едва хватит на еду.

— Пойдемте, ребята, нам пора, — позвала я детей.

— Но нельзя же папу бросить одного! — воскликнул Бенджи.

— Он не знает, что мы здесь, солнышко.

— Точно неизвестно. Я смотрел передачу, там люди были в коме, но всё слышали и знали, что кто-то рядом.

Я положила руку ему на голову, на мягкие кудри, которые было так непросто расчесывать:

— Наверное, ты прав, милый. Но папа хотел бы, чтобы мы поехали домой, пообедали и стали делать уроки. Ты же знаешь, он так и сказал бы.

В этот момент вошел Адам Дивайн. Он спокойно поздоровался:

— Добрый день, миссис Моррис. Кэсси, Бенджи, привет.

Мой сын обрадовался констеблю. После просмотра фильма «Детсадовский полицейский»¹⁹ он считал

¹⁹ Комедия с Арнольдом Шварценеггером в главной роли.

копов крутыми. Они ловят плохих и заботятся о нашей безопасности. Но теперь кто оказался плохим? Неужели отец Бенджи?

Адам посмотрел мне в глаза, и я похолодела. Что такое? Может ли быть еще хуже? Разве мы уже не на самом дне?

— Кэсси, отведи, пожалуйста, Бенджи в кафетерий, — попросила я.

— А мне можно будет съесть пирожок? — спросил он.

— Конечно, малыш, — выдавила я улыбку.

— Он и без того толстый, — проворчала Кэсси.

Я с умоляющим взглядом сунула ей банкноту. Мне хотелось сказать: «Не осуждай меня, пожалуйста. Дай хоть маленькую поблажку».

Констебль Дивайн проводил их глазами и посмотрел на меня.

— Вы что-то хотели... — попыталась спросить я, но слова застряли в горле, как птицы, которые однажды случайно попали в нашу трубу.

— Давайте присядем, — предложил он и повлек меня к стойке со стульями, обитыми бледно-зеленой искусственной кожей.

Сколько же плохих новостей прозвучало здесь, в этих стенах?! Я села прямо, приняв позу «готова к собеседованию», как вчера при разговоре с Карен.

— Завтра состоится слушание о выпуске Джейка Рэмплинга под залог.

— Но его же не отпустят?

Дивайн поморщился:

— Как пойдет. Если решат, что он опасен, то не отпустят.

— А если его освободят, вдруг он придет сюда? И попытается опять напасть на Майка? — Мысль о Джейке, сидящем в тюрьме, была невыносима,

но я не могла допустить, чтобы он заколол отца моих детей. — Так насколько реально, что он выйдет?

Я собралась. Я уже научилась внутренне готовиться к удару.

— Мисс Рэмплинг заявляет... Она говорит, что Джейк — сын Майка. Что ваш муж — отец ее ребенка.

Карен

Полиция помогла ей найти квартиру на время, пока Джейк находится под стражей. Гостиная с кухонным уголком, узкая ванная и маленькая спальня. Ей это жилье показалось более приемлемым, чем квартиры, в которых они ютились после рождения Джейка. Она мучилась, представляя себе сына, спящего в камере, но переживала бы сильнее, если бы он сейчас был рядом с ней, жалел ее, видел такой — бледной, беспомощной, слабой.

Растянувшись на чужих простынях, более ветхих, чем обычно в отелях, Карен задумалась о людях, которые скрывались здесь до нее, — о жертвах и свидетелях, живших в постоянном страхе. Когда она легла и ее тело приняло горизонтальное положение, тут же нахлынули воспоминания о той ночи. Она включила свет.

В голове как будто показывали кино, которое повторялось снова и снова, но остановить его она не могла. Та ночь изменила ее. Сорок три года, сын — почти студент, и так надраться! Слова застревали во рту... Стопы холодила трава... До этого момента она, в своем коротком платье и с гладкими ногами, чувствовала себя сексуальной, раскрепощенной. По крайней мере, у нее было хоть это, раз уж не удалось получить диплом и сделать карьеру. И она все еще молодо выглядела, в отличие от Джоди, похожей на белый раздутый пудинг, и от Эли, чопорной в мешковатом платье

и темных очках, надетых, как обруч, на волосы. Эли всегда была такой: респектабельность среднего класса — внутри; тонкий слой студентки-бунтарки — снаружи; стаканчик-другой — в ночном клубе; румяна и расстегнутая блузка — для танцевальной вечеринки. И он любил ее, каждый раз возвращался к ней, но все же никак не мог оставить Карен.

Майк был словно тень или старая болезнь, о которой иногда забываешь, пока не появляются привычные симптомы. Каждый раз, когда Карен думала, что перевернула эту страницу, когда начинала новые отношения, он снова оказывался рядом.

Карл — электрик, честный и простой. Джим — преподаватель университета, разведенный, с двумя белокуроыми дочурками... Конечно, ни один не соответствовал ее идеалу, но у Карен появлялся шанс на семейную жизнь, на собственного мужа вместо ожидания новой подачи со стола Эли. Это напоминало гарем, но Эли не знала, что она — одна из его обитательниц. Переставляла тарелки, не подозревая, что стоит на линии тектонического разлома.

Но как же Карен могла спать с мужем лучшей подруги? Ее личность словно разделилась надвое, и обе половины были автономны. Она любила Эли, всегда заступилась бы за нее, и она же год за годом поддерживала связь с ее мужем. Пыталась прекратить это, начать наконец жить своей жизнью, даже переехала в Бирмингем, но тут Эли пришла в голову эта идея воссоединения. И когда Карен, войдя в комнату, увидела Майка, все снова вернулось.

Темные стороны их душ тянулись друг к другу. Когда в тот день он сказал, что все кончено: «Я больше так не могу, это нечестно по отношению к Эли», Карен почувствовала дикую боль. И она ходила, будто с кровоточащей раной, прикрывая боль смехом и флиртом.

Она не могла верить, что все действительно закончилось. Но Эли на их последней встрече она этого не сказала, сама не зная почему. Может быть, пыталась спасти свою гордость. И всегда они с Майком любили друг друга украдкой, даже еще учась в университете, — ускользали в его комнату, когда Эли уходила в библиотеку.

Именно из-за него — конечно, из-за него! — Карен провалила выпускные экзамены. А как она напилась, когда они уехали из Лондона, сколько слез пролила до того, как приняла решение перебраться в Бирмингем! Но их продолжало тянуть друг к другу, словно они были связаны эластичными тросами. Потом они, каждый раз с виноватым видом, встречались в Лондоне в его рабочее время. Майк клал обручальное кольцо на тумбочку возле кровати... Карен ехала домой на автобусе... Ее ранило, что Майк планирует эти встречи наперед. Однако после них она чувствовала себя наполненной, почти счастливой, ведь между ними существовало нечто главное, глубоко запрятанное, почти сродни инстинкту. Это и было единственным оправданием, которое она придумала для себя.

На самом-то деле Карен понимала, что оправдания нет и быть не может. Но их страсть не прекращалась, не умирала — наоборот, росла, как голод. Иногда Карен, словно волной, накрывало силой этой страсти, и она знала, что готова на все ради встреч с Майком. А о том, как это скверно, она порой забывала.

Как не помнила, зачем тогда вышла в сад. Свет на кухне выключили, и Карен окружала темнота. Здесь, вдали от большого города, небо было угольно-черным. Каллум и Майк ушли из сада то ли в туалет, то ли налить себе еще. Карен села на жесткий садовый стол, стукнувшись копчиком. На глаза навернулись слезы. Билл ее отверг, и как же глупо она себя вела, приставая

к нему. Майк решил расстаться — и все в один день. Ей сорок три, сын вырос, и уже нет двадцати лет в запасе, чтобы ждать. И ведь сказал он ей о своем решении только после секса: «Послушай, Карен...» А полчаса спустя уже как ни в чем не бывало обнимал Эли. Он даже не успел смыть с себя запах Карен, ведь Эли не пустила его в душ.

Она заплакала. Темный сад был полон шорохов и вздохов. Потом послышался какой-то звук. Кто-то появился на лужайке. Карен подумала, что это пришел Майк, и у нее будто гора упала с плеч. Он вернулся, все снова хорошо. Глаза ее опухли от слез, было очень темно, и она не различила его лица, только руку и красный джемпер, а еще почувствовала запах его одеколона. Однажды она купила себе такой же, хотя он стоил больше, чем она зарабатывала за неделю, просто чтобы всегда иметь возможность вдохнуть этот запах. Она подарила его Карлу, но тот не пользовался одеколоном, считал, что это не по-мужски. Да и на его бледной коже аромат становился другим. Ведь Карл не был Майком...

Но вот он снова здесь, и Карен обрадовалась: он просто не может без нее жить.

А в следующее мгновение она лежала на животе с неудобно вывернутой шеей, и он тяжело дышал ей в ухо. Никогда раньше такого не бывало. Он задрал ей платье и вошел так грубо, что она закричала от страха и боли — такой же, какую испытала, рожая Джейка. А еще почувствовала, что его руки, как железные тиски, сжали ей горло, и останавливаться он не собирался. Это на самом деле происходило с ней — то самое, чего боятся все женщины с того момента, как у них вырастает грудь. И ничего уже нельзя было исправить...

Глава семнадцатая

— Скажи что-нибудь, родная.

Кэсси смотрела на свои ноги — довольно грязные, с облезшим розовым лаком на ногтях. Надо сводить ее на педикюр. Мы сидели в гостиной, Билл отвел Бенджи на кухню. Я слышала, что они обсуждают дробы. Все удивительно по-семейному, только мужчина на кухне — мне не муж. Да и Майк никогда не приходил домой так рано, в семь вечера.

— Так, значит, папа трахнул ее, — произнесла Кэсси ровным голосом.

Мне не захотелось сделать ей замечание. Ведь мысленно я тоже называла это именно так.

— Милая, мы все очень дружили в университете, и вот они сблизились, и... иногда это повторялось.

О, с каким диким взглядом Карен рассказывала об этом! Будто обладала каким-то тайным, недоступным мне знанием. Будто я — женщина, которая оставалась в стороне, — могла лишь мечтать о чем-то подобном.

— Они годами трахались. Джейку почти восемнадцать! И в университете тоже! Годами, мама!

— Я не знаю, постоянно ли... — начала я, но осеклась, встретившись с дочерью взглядом. Я сама не понимала, почему защищаю Майка. — Это ужасный шок, но, я думаю, папа не знал про Джейка.

— Как он мог не знать?! Он с ней трахался, она родила ребенка, и никаких других папаш вокруг не блюдалось. Боже, мама! Как же вы оба могли этого не знать?

Видимо, просто не хотели.

— Прости, — сказала я.

— За что? Ты ни в чем не виновата. Это он трахался, а потом отказался от ребенка. Разрушил жизнь Джейка. Никогда у того не было отца, он не знал его. Они всегда жили отдельно, и Карен трахалась с другими мужчинами... Подумай, каково сейчас Джейку?

— Он нервный. И всегда был таким. Ты только посмотри, что он сделал с папой!

— Конечно, нервный! Господи, он же... Он же мой брат! И я живу тут в роскоши, а он вырос в какой-то дыре без гроша в кармане и всю жизнь думал, что отец знать его не хочет. Есть от чего занервничать! И все это — папина вина!

— Он не знал, — тихо повторила я.

— Ага, так же, как не знал, что насилует ее?

Я не узнавала эту острую на язык девочку, которая сидела передо мной. Я не понимала, как она может быть моей дочерью, хотя и дала ей жизнь. И мне ли в таком случае винить Майка в том, что он не видел, что творится у него под носом?

— Кэсс, я понимаю, как ты расстроена. Мы все расстроены. Но мы должны помочь папе.

— Каким образом?

Я сделала глубокий вдох и продолжала:

— То, что они, как говорит Карен, встречались годами, может помочь делу. Пойми, не факт, что все было именно так, как она рассказывает. Поэтому, если ты хоть что-то видела той ночью...

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Это будто мои собственные глаза глядели на меня осуждающе.

— Ты с ума сошла? Предлагаешь мне соврать?

— Да нет же! Мне просто нужно знать, что именно ты видела. Что ты делала той ночью? — Я перевела

дух, чтобы подготовиться к ее гневу. — Кто-то был здесь в лесу? Ты встречалась с Аароном?

Я всегда старалась задавать Кэсси поменьше вопросов о ее личной жизни, помня, каково мне было в ее возрасте. «Я слышал, ты гуляла с парнем. Я не хочу, чтоб моя дочь вела себя как шлюха». И если я оправдывалась, говоря, что это просто одноклассник или что я вообще не гуляла ни с кем, отец меня бил.

Однако мне было необходимо, чтобы Кэсси рассказывала, что она делала на улице ночью. Дочь не спешила отвечать. Но когда заговорила, ее голос звучал на удивление спокойно:

— Мам, я уже сказала: я ничего не видела. В сад никто не заходил. Я просто... Просто мне никак не удавалось уснуть.

— Ты не видела папу, или Карен, или...

— Я никого и ничего не видела! И врать я не буду, если ты этого от меня добиваешься.

— Нет, милая, я не хочу, чтобы ты врала, но нам надо доказать, что это она говорит неправду.

— Ты не поняла. Я ненавижу отца и надеюсь, что его посадят в тюрьму. На месте Джейка я бы тоже его зарезала. Так что как ты можешь меня об этом просить? Как можешь?!

— Тебе придется их когда-нибудь открыть, — мягко напомнил Билл, указывая на стопку конвертов, высившуюся на столе.

Одни письма пришли в эти дни, другие я нашла в спальне, в портфеле Майка. Я велела себе просмотреть их, раз уж Майк лежит без сознания. Там были извещения, счета и рекламные листовки от юридических фирм. Последнее казалось мне просто оскорбительным. Все уже знали, в какой переплет мы попали,

знали, что Майку необходим адвокат, а нашей семье — защита.

Благодаря Биллу Бенджи пошел в школу накормленным и аккуратно одетым. Кэсси все еще сидела наверху в своей комнате. На этой неделе мне надо было убедить ее вернуться к учебе. Я притворялась, что все в порядке, — и всем нам требовалось вести себя именно так. И делать что-то обычное. Например, разбирать почту.

Все-таки счета не должны быть неподъемными, ведь Майк не работал всего несколько дней. Кроме того, ему оплатят больничный. Я взяла толстый бежевый конверт с эмблемой школы, где училась Кэсси. Адресован мистеру и миссис Майкл Моррис, будто на дворе 1937 год. Слова и цифры поплыли у меня перед глазами.

— Я не могу никак понять, что тут. Это счет?

Билл забрал у меня конверт.

— Здесь сказано, что в последний раз за школу платили в январе. Несколько месяцев назад.

— Что? Не может быть! Я им позвоню...

Я схватила телефон и трясущимися руками нашла нужный номер. Сколько денег мы угрохали на эту школу, и вот что получается! Какая-то дурацкая путаница. Банковский счет Майка заморозили? Но как о наших проблемах успели пронюхать в банке? Да и все счета у нас прикреплены к автоплатежам.

— Алло! Добрый день. Это миссис Моррис. Получила ваше письмо.

Школьная секретарша, двадцати пяти лет от роду, была винтиком, хорошо знающим свое место в механизме.

— Если дело в оплате, то вам надо поговорить с бухгалтером.

— Вы знаете, что у нас стряслось? Мой муж в больнице, в коме.

— Да. Мне очень жаль, — сказала она без всякого выражения.

Я пыталась вспомнить ее имя. Алисия? Да, точно.

— К сожалению, мы не делаем никаких исключений...

— У Кэсси экзамены, и лишний стресс ей совсем ни к чему.

— Видите ли, миссис Моррис, счета уже некоторое время не оплачиваются. Мы писали вам несколько раз.

— Что?!

Мне снова потребовалось время, чтобы поверить, что все это происходит на самом деле. Никаких писем из школы я не видела, и Майк ни о чем таком не упоминал.

— Я... мы ничего не получали.

Мысли прыгали в голове, и я пыталась их успокоить. Какая-то путаница в банке? Может быть, у них все еще наш старый адрес и они пишут на него? Но ведь то, что я держала в руках, дошло сюда...

— Возможно, ваш муж...

Во мне поднялась ярость. Эта девица вообще не имеет понятия, что значит быть замужем, двадцать лет провести бок о бок с мужчиной, а потом вдруг выяснить, что все это время он изменял тебе с лучшей подругой!

— Послушайте, это смешно! Мы платим уже столько лет, а вы поднимаете шум из-за пары просроченных счетов.

Ну конечно, это недоразумение. Мы ведь никогда не задерживали оплату.

— Вам действительно нужно поговорить с бухгалтером.

— Тогда соедините меня!

— К сожалению, он сегодня на конференции. Но проблема в том, что обычно ученики не допускаются к экзаменам, когда не оплачены счета, и...

Я нажала отбой и, отшвырнув телефон, процедила:

— Сучка маленькая.

Билл смотрел на меня, спокойный, как обычно.

— Да-да, я понимаю, она тут ни при чем, но вообще-то могли бы проявить хоть каплю сочувствия...

Он стал открывать конверты и проглядывать их содержимое.

— Тут слишком много счетов, это не за один месяц пришло... Ты не думаешь?..

— Что?

— Извини за вопрос, но у вас проблемы с деньгами? Тут уйма неоплаченных счетов. Вот, например, из школы Бенджи...

— Я ничего не понимаю... Столько счетов... Тысячи!

Билл продолжал просматривать их, и мне на мгновение стало стыдно, поскольку я подумала, что он может увидеть, на какие глупости мы тратили деньги: доставка еды, солидные чеки на одежду, мои ежедневные косметические процедуры, наш последний отпуск...

— Смотри, здесь несколько очень крупных сумм, — сказал Билл. — Вот здесь и еще в прошлом году.

Я мельком глянула на столбцы цифр, и они поплыли у меня перед глазами.

— И что это такое?

— Не знаю, но похоже на номер банковского счета.

Схватив телефон, я загнала этот номер в гугл, но запрос ничего не выдал.

— Нет, понятия не имею, что это.

— А Майк не занимался инвестированием?

— Ни о чем таком он не сообщал.

Произнеся эти слова, я тут же поняла, что вполне могу не знать и даже не догадываться о делах Майка. Я всю себя посвящала детям и дому, а он зарабатывал деньги, обеспечивая нам твердую почву под ногами. Как же глупо было полагаться во всем на него и даже не интересоваться нашими финансами!

— Есть ли способ выяснить, кому принадлежит данный счет? — спросила я.

— Я попробую, думаю, это реально, — ответил Билл.

— Правда?

Он пожал плечами:

— Мне все равно сейчас заняться особо нечем. Позволь мне тебе помочь. Пожалуйста. Я буду рад это сделать.

Те же самые слова он говорил мне много лет назад, и тогда я не прислушалась к ним. И что же получилось? Иногда, чтобы понять уроки судьбы, нам требуется слишком много времени.

Глава восемнадцатая

— Что ты делал с деньгами?

Я наклонилась над Майком. Его лицо по-прежнему оставалось бледным и неподвижным. Вокруг гудели аппараты, работали насосы на антикомпрессионных чулках, которые препятствовали образованию тромбов. Я сосчитала все иголки, воткнутые в него, их оказалось пять. Многовато. И вопросов, на которые мне требовались ответы, было тоже много, но все они наталкивались на непробиваемую стену молчания. Муж был без сознания и не мог меня слышать. Я понимала, что Майка сейчас нет со мной, его нет в этой комнате.

Итак, мне пришлось снова обратиться к фактам. У Майка был роман с Карен на протяжении двадцати пяти лет. Это столько, сколько я его знаю, а кроме того, по ее словам, из нас двоих она переспала с ним первой. Джейк его сын, по крайней мере по словам Карен, и это значит, что в 1999-м у них точно был секс. Я вспомнила, что на Миллениум, во время новогодней вечеринки, Карен и Майк куда-то исчезли... Еще один камень, брошенный в мой колодец. Ну и напоследок — как раз сейчас должно идти слушание о выпуске Джейка под залог, и если его выпустят, он заявится сюда и прикончит моего мужа.

Майк и Карен занимались сексом в субботу днем, а чуть позже она обвинила его в изнасиловании. А наши банковские счета сообщили мне новый факт: мы разорены. Я ждала звонка от босса Майка, чтобы узнать, как обстоят дела с его зарплатой, но было понятно, что он куда-то переводил большие суммы:

деньги утекали, как вода из худой запруды. Куда же? Еще вопрос — знал ли Майк, что Джейк — его сын, и платил ли он за него все это время? Может быть, деньги получала Карен? И я — единственная, кто ничего не знал?

— Очнись, — прошипела я мужу в ухо.

Он пах по-другому. Антисептики, несвежее дыхание изо рта...

Где же ты сейчас, Майк?

Телефон в моей руке загудел, и я поскорее нажала на кнопку, чтобы избежать неодобрительного взгляда медсестры. Выйдя в коридор, откашлялась и приложила мобильник к уху.

— Здравствуйте, Эли Моррис, — произнес мужской голос.

Может, я услышу новости о Джейке?

— Это Артур Рэйвенскрофт.

Босс Майка. Он позвонил мне сам.

— Здравствуйте. Мы встречались на рождественском празднике в прошлом году.

— Конечно-конечно. — Он явно не помнил меня. — Мы глубоко сожалеем о несчастном случае с Майком.

— Увы, это не несчастный случай. На него напали. — Я не стала добавлять, что это сделал его сын. И понятия не имела, что им уже известно. — Мистер Рэйвенскрофт, мы обнаружили некоторые несоответствия в счетах, и я хотела бы узнать о зарплате Майка... О зарплате моего мужа.

Он ответил уже совсем другим тоном:

— А, ну да. Обычный больничный мы оплачивали бы месяц, не считая последующих льгот. Но, к сожалению, в отношении служащих, обвиненных в совершении преступления, у нас действуют суровые правила. Они немедленно отстраняются, и мы имеем право разорвать договор.

Во рту у меня так пересохло, что я не сразу смогла ответить:

— А что, если его оправдают? Если обвинение ложное?!

— Думаю, тогда возможна компенсация.

— Но мы... мы не знаем, сколько времени пройдет до суда. Ведь сейчас он без сознания.

— Я знаю, миссис Моррис. Но наша компания не должна ассоциироваться с подобными преступлениями. Наши клиенты несколько... консервативны. Все служащие подписывали пункт о недопустимости сексуальных домогательств. Поэтому мы обязаны дистанцироваться.

— Так как же... как же быть с деньгами?

— У нас очень щедрые бонусы, поэтому у Майка, скорее всего, есть сбережения. Простите, миссис Моррис, такова наша политика, и мы действуем только в рамках ее. Мы могли бы его уже уволить. А теперь прошу меня извинить, мне пора. Я очень надеюсь, что он скоро поправится.

Шеф повесил трубку. Если я хочу сохранить наш дом ради детей, нужно как можно скорее закрыть дело Майка.

Карен будто сетями опутала всю мою жизнь, подобно тому как вьюнок оплел растения в нашем саду и стал тянуть их вниз. Карен и мой муж, Карен и моя дочь, Карен и сын моего мужа... Я мерила шагами палату Майка, потому что не могла сидеть, ощущая яростное биение пульса в сосудах. И я снова начала составлять мысленный список. Список прегрешений Карен. Как там звали того парня в колледже? Марк Симмонс. Карен в карнавальном костюме девушки-ковбоя дразнит его, то прижимаясь к нему в танце, то убегая и прячась. «Ах, он на меня запал!» — шепчет она мне

на ухо. Бедняга Марк в костюме Люка Скайуокера бродит, ищет ее, спотыкается. И, разумеется, думает, что она его хочет. Она всегда так делала — завлекала, соблазняла, а потом бросала. Добивалась внимания, а взамен ничего не давала. А может, просто хотела заставить Майка ревновать?

Что еще? Карен едет в Лондон, говорит, что ей меньше двадцати пяти, и требует скидку, выдавая Джейка за своего младшего брата. Каникулы на Крите. Каждый вечер она выдумывала новую историю про нас. Мы были то медсестрами, то родными сестрами, то сотрудницами зоопарка. «Я занимаюсь змеями, а она — аллигаторами». Вранье! Соврать для нее было так же легко, как улыбнуться. Босая Карен пьет вино из горла, из-под короткой юбки видны трусики. Карен заигрывает с Биллом, касаясь его бедра пальцами ног. Наклоняется, смеется, роскошная грудь вибрирует в декольте. А ведь ничего особенно смешного сказано не было.

А мы думаем, что знаем о любви всё. Мы считаем, что она проста, как теплая ванна, что это благословение и знак того, что мы достойные люди. «Я люблю своих детей», — говорит сердитая женщина с экрана телевизора, как будто ожидает, что ее одобрительно похлопают по плечу за подчинение биологическим законам.

Я всегда знала, что люблю Кэсси, Бенджи, Майка и... Карен. Я считала ее своей сестрой, ведь в родительской семье никто не вызывал у меня родственных чувств. Но мы не хотим знать, что любовь может превратиться в ненависть, обесцениться. А жизнь, точно Луна, повернуться со светлой стороны на темную.

Я глянула на слова, которые бессознательно написала в адрес Карен на больничной карточке Майка: «Ложь. Пьянство. Трах». И много чего еще я могла бы добавить к этому списку. Женатый мужчина — другой

женатый мужчина, — с которым она встречалась на протяжении двух лет и который трахал Карен в офисе с видом на Кэнари-Уорф²⁰. Боже! Вдруг она имела в виду Майка? Способна ли она на такую подлость — рассказать мне о моем собственном муже, чтобы посмотреть, как я реагирую на истории об изменниках? По сравнению с ней я была совсем обычной, совсем некрутой. Да, пожалуй, она способна на такое. Теперь я бы поверила в это.

Снова посмотрев на свой список, я заметила, что кое-где прорвала ручкой бумагу. Похоже, я окончательно вышла из равновесия. Найду ли я силы воплотить зреющий план? Но какова альтернатива? Встретить Карен в суде, схватить за волосы и бить головой о стеклянную стену, пока не раздастся треск и стекло не обагрится ее кровью? Я должна уничтожить ее, но у меня есть веская причина для осторожности: нельзя же, чтобы оба родителя Бенджи и Кэсси отправились в тюрьму.

Мой телефон завибрировал от сообщения. Адам Дивайн написал, что Джейка не выпустили под залог и перевели в колонию для несовершеннолетних. Наконец-то хоть что-то вышло так, как хочу я. И как же далеко мы зашли, если теперь у меня такие желания?

²⁰ Деловой квартал в восточной части Лондона.

Глава девятнадцатая

— Еще не родила?

Джоди не улыбнулась. Она была похожа на огромный шар с опухшими ногами. Я отлично помнила это состояние и почувствовала себя виноватой, навязавшись в гости незадолго до ее родов. Но мне необходимо было узнать, что известно им с Каллумом. Кроме того, я просто нуждалась в общении с теми, кто разделил со мной события той роковой ночи.

Джоди была рядом в тот ужасный момент, видела, как взлохмаченная Карен ввалилась в дом с дикими глазами и кровью, стекавшей по ноге. Мне хотелось уточнить, что именно запомнила Джоди, и использовать это для своего плана. Я точно знала, что она не жаждет приглашать меня на ужин в среду вечером, и все-таки напросилась. Этикет, манеры — все это теперь можно было выбросить в окно.

Мы не говорили с ней с тех пор, как они с Каллумом уехали от нас в воскресенье, но обменялись несколькими сообщениями. Три прошедших дня казались мне годами. Вот почему я удивилась, увидев ее все еще беременной, да она и останется такой в ближайшие несколько недель.

Последовав за ней, я поразилась стерильной чистоте, царившей в доме. В воздухе витал древесный запах ароматической свечи. Все стаканы, чашки, книги стояли на своих местах. Я отметила мозаичную плитку на полу, полированные ступени лестницы, ведущей наверх, — красиво и стильно, но для ребенка очень опасно. Никаких приготовлений к появлению в доме младенца я не заметила — ни полусобранной кровати,

ни открытых картонных коробок. Мы прошли на залитую солнцем кухню, и я поймала себя на мысли, что невозможно представить малыша в этом доме, похожем на фото из журнала о дизайне интерьеров.

— Сядь, Эли, — почти что приказала Джоди, и я неловко плюхнулась на табурет возле барной стойки. — Хочешь вина?

В голове тут же пронеслись воспоминания о том вечере, и во рту стало кисло.

— Нет, спасибо.

Она кивнула.

— Приготовила кассуле²¹, надеюсь, тебе понравится.

— Ох, не надо было тебе беспо...

— Тоже мне беспокойство! Все равно с работы меня уже отправили домой. Ну, как ты? Извини, что я не связывалась с тобой. Мы оба просто завалены делами.

— Я — плохо.

Передо мной прошла череда кошмаров: Майк на заседании суда, Майк между жизнью и смертью, кровь на куртке Кэсси, Джейк в тюрьме, пропавшие деньги, долгий роман Майка и Карен...

Я сказала «плохо», но в душе надеялась, что Джоди начнет отрицать это, будет убеждать меня, что Майк не смог бы обманывать меня столько лет. Однако она просто смяла в руке полотенце и отвела взгляд.

— Ты знала? — спросила я.

— Не наверняка. В университете догадывалась — они много ссорились и флиртовали. Но мы же все столько пили тогда...

²¹ Блюдо французской кухни. Густая фасолевая похлебка с мясом и зеленью.

Это «мы» в ее устах прозвучало очень мило, ведь сама она напивалась крайне редко.

— Однажды Каллум сказал, что подозревает Майка. Помнишь, они ходили на свои дурацкие обеды «для мальчиков», и Каллум увидел на его телефоне сообщение от Карен.

— Но это не доказательство! Они же дружили. — Я все еще отчаянно цеплялась за веру в то, что Майк говорил правду, а Карен — лгала. Как глупо! — А про Джейка? Карен сказала, что он — сын Майка.

И снова она ничуть не удивилась:

— Вполне вероятно. Никого другого поблизости не было.

Я открыла рот, чтобы спросить, всегда ли она знала — или подозревала — об отцовстве Майка. И если так, то отчего не сказала мне. Но просто не нашла слов.

Со стороны входной двери послышался шум. Выражение лица Джоди изменилось.

— Каллум пришел, — объявила она.

Еще как пришел! Распахнул дверь, бросил пиджак на стул, обнял меня и поцеловал в щеку. От него пахло виски.

— Эли, милая, как ты? Держишься?

Он потрепал меня по плечу, и я почувствовала благодарность.

— Да не очень... — Но сил снова обо всем рассказывать у меня не было. Так что я старательно изобразила энтузиазм: — Ну а вы, ребята? Все в ожидании? Каково тебе стать папой? Страшно?

— Ой, ну Джод сама как-то со всем справляется...

— Но ведь и ты в этом участвуешь, Каллум.

— Я-то? — Он пошел на кухню, пригнувшись к запахам еды, как свинья к трюфелям.

— Оставь его, — проворчала Джоди.

Инициатива начала от меня ускользать, поэтому я решила взять быка за рога:

— Ребята, нужно кое-что обсудить. Вчера вечером ко мне приходила Карен, — это имя царапало язык, точно кусок стекла, — и сказала кое-что о Марте Рэсби.

Джоди очень медленно повернулась, словно гироскоп в космосе, и чуть нахмурилась.

— Марта? При чем тут она?

— Почему Карен о ней заговорила? — вторил ей Каллум, энергично пережевывая маслину.

— Не знаю... — Я тщательно подбирала слова. — Возможно, потому, что тогда мы тоже имели дело с полицией.

Мне было необходимо вспомнить в деталях все, связанное с той ночью. Все, что я сделала и почему.

— Ты имеешь в виду, она угрожала? — Каллум удивленно вскинул брови. — А она-то как с этим связана?

— Карен меня прикрыла. Подтвердила то, что я сказала. В смысле, где той ночью был Майк.

В те часы, в которые он отсутствовал и о которых я соврала полиции, он находился рядом с ней. «Не все время», — сказала она вчера. И что же это значило?

Каллум пытался вынуть кусочек маслины, застрявший у него в зубах.

— Да что можно помнить через столько лет?! — воскликнул он. — Просто Майки оказался не в том месте и не в то время. Ты ему помогла, вот и все. Господи, это ж было двадцать два года назад!

— Могу поспорить, родители Марты смотрят на дело иначе, — вставила Джоди, собирая тарелки. — Ведь того, кто это сотворил, так и не нашли.

— Нет, — кивнула я.

Однако моей вины здесь не было. Я всего лишь выручила Майка, у которого не имелось алиби, а его видели с Мартой последним. Но на самом деле я ведь прикрывала его измену!

— Мне кажется, Карен слегка не в себе, — сказала Джоди. — Случившееся пробудило у нее воспоминания о той ночи. Ты же помнишь?

Я помнила. И не хотела снова увидеть перед глазами ту белую руку и то шелковое платье, измазанное грязью. Вместо этого я перешла к другой своей проблеме:

— Каллум, Майк когда-нибудь обсуждал с тобой денежные вопросы?

Они ведь оставались дружны после университета и как минимум раз в месяц обедали вместе. Я обижалась, когда Майк встречался с Каллумом, чувствовала себя отрезанной от мира в своем загородном раю, будто настоящая жизнь была далеко от меня.

Каллум оторвал большой кусок от пиццы, которую подала Джоди, красиво разложив пармскую ветчину, оливки, сыр и соус. Как здорово у нее все получается! Я вспомнила свою несчастную вечеринку, бокалы, наполненные дождевой водой...

— Не припоминаю, — отозвался он. — А что?

Я рассказала о деньгах, исчезнувших со счета, заметив, что супруги тревожно переглянулись. Сердце упало. Возможно, я еще не в курсе, как плохи мои дела на самом деле.

— И ты даже не предполагаешь, куда он их перевел? — спросила Джоди, глядя в кастрюлю.

— Нет. Счета за школу не оплачены. Я просто не знаю, что делать.

И снова молчание, наполненное их беззвучным диалогом. Майк и я тоже умели так общаться — это своего рода телепатия пар. Хотя теперь эта способность,

должно быть, будет утрачена навсегда: я не смогу быть уверена ни в одном слове, ни в одной мысли мужа.

— А его родители? — Каллум куском питы подхватил хумус, заляпав при этом стол, а Джоди, поцокав языком, тут же взяла тряпку и вытерла за ним.

— У них все деньги уходят на содержание дома во Франции.

Свекор и свекровь несколько раз погорели на вложениях в финансовые пирамиды. А о моей матери и упоминать было излишне: денег у нее не водилось. Я знала, что рано или поздно мне придется позвонить и рассказать ей обо всем, но оттягивала этот момент, каждый раз говоря себе: «Не сегодня».

Может быть, мои друзья подумали, что я хочу попросить в долг. А может, я и правда собиралась попросить, но сомневалась: их дом стоил около миллиона, а Джоди должна была вот-вот родить.

— Ладно, придумаю что-нибудь — сказала я. — Просто не могу поверить во все это. А вы говорили с Карен?

Рука Джоди, державшая чайник, дрогнула. Потом она как-то странно засуетилась, открывая кран и подставляя чайник под струю воды. Каллум просто сидел, методично отщипывая от питы маленькие кусочки и отправляя их в рот.

Наконец Джоди ответила:

— Она звонила несколько раз. Эли, я тоже не знаю, что нам делать. Такая неразбериха.

Конечно же, я понимала, о чем она: наверное, Карен вынуждала их выбирать между нею и мной с Майком. Но Карен с Джоди никогда не были особенно близки. Я не знала, чего мне желать в этой ситуации, и чувствовала себя так, словно голыми руками вычерпывала воду из дырявой лодки.

— Да. Ужасно все это. Я сама не могу разобраться. Мне бы узнать, что же произошло на самом деле.

Джоди ополоснула руки, а потом промокнула их бумажным полотенцем. Еда стояла на столе, чайник закипал, хлеб был подогрет, и Каллум уже отломил от него горбушку. В воздухе висело напряжение, и мне стало ясно: зря я сюда заявила. Джоди и Каллум вскоре должны вступить в самый ответственный период своей жизни. Не стоит навешивать на них мои проблемы.

— Думаю, нам лучше всего оставаться в стороне, — произнесла Джоди, словно ставя точку в разговоре. — Надеюсь, ты понимаешь. Очень жаль, что на тебя столько свалилось, но мы уже рассказали полицейским все, что помним.

Она была права. Как бы мне ни хотелось воскресить подробности случившегося той ночью, это все равно ничего бы не изменило. Да, Карен и Майк занимались сексом на лужайке. Главное заключалось в том, согласилась ли она на это добровольно. Может быть, он считал, что согласилась. О, как просто найти оправдание... Мне же теперь нужно было прежде всего оплатить счета, чтобы Кэсси допустили к экзаменам. И защитить Майка, пока он не в состоянии сделать этого сам.

— Да, чуть не забыла, — сказала я, понимая, что, как только доем свою порцию кассуле, вынуждена буду уйти. — Фотографии...

— Эли... — смутилась Джоди.

— Пожалуйста. Мне просто надо взглянуть на них еще раз. Уже в свете того, что я теперь знаю.

Они с Каллумом снова переглянулись, а потом Джоди открыла ящик и достала оттуда коробку из-под обуви, полную фотографий. Три года нашей университетской жизни, которые запечатлела, проявила и напечатала

сама Джоди. На некоторых из них остались дырочки от кнопок, которыми они были прикреплены к пробковой доске над ее кроватью. Может быть, на этих фотографиях я найду... Что? Свидетельство нечестности Карен и порядочности Майка? Я просто не представляла, что именно надеялась отыскать.

Я положила коробку в сумку и запихала в рот что-то слишком горячее. А потом ушла. Джоди гремела тарелками, а Каллум проводил меня до двери, обнял и пробормотал слова сочувствия. Но я не нуждалась в жалости, поэтому молча отстранилась от него и поехала домой.

1993

Вот что я помню.

За полчаса до бала мы собрались на лужайке, чтобы сфотографироваться вместе. С краю стояла Карен, все еще в темных очках и с сигаретой во рту. В черном шелковом платье, с розой в волосах она выглядела как вдова мафиози. Худая, красивая, бледная, несмотря на то что много валялась под солнцем. А мое лицо было розовым, как колбаска. С двух сторон меня прижали Майк и Каллум. Кудряшки, которые я накрутила, не шли мне, с ними я походила на хрюшку. Но я была счастлива, ведь меня обнимали веселые растрепанные парни, мои друзья. Джоди стояла по другую руку Каллума. Билл, стиснутый между нею и Карен, побоялся упасть во время этих коллективных объятий и отстранился от нас. Я хотела понять, куда он смотрит, то есть смотрит ли он на меня, — но мне это не удалось. Майк же глядел на Карен, а она — в камеру.

Только много лет спустя я увидела Марту Рэбби на этом фото. Вот она, в самом углу, навеки запечатленная в белом платье, с льняными косами. Я не была уверена, просматривала ли полиция наши фото, чтобы

найти зацепки, но после бала нас просили отдать негативы. В доцифровую эпоху фотографии печатали, а я была не лучшим фотографом: всегда умудрялась испортить пленку. Лучше всех снимала Джоди, а мальчишки редко этим занимались, ну а Карен было не до того, как она сама говорила, — слишком бурная жизнь.

Помню, что на лужайке мы пили шампанское или, скорее, игристое вино, а Майк, увидев мое платье и макияж, сделанный мне Карен, подмигнул: «Ты очень нарядная». Я приняла это как комплимент, но, возможно, зря. Алкоголь сделал меня смелее, кроме того, я притворялась более пьяной, чем была на самом деле, и поэтому запросто взяла Майка под руку, а он, хорошо воспитанный юноша, не воспротивился.

— Ты можешь поверить, что учеба закончилась? Я вот не верю, что мы расстанемся.

— Мы постоянно будем видеться! Клэпхем — это мини-Оксфорд. Я переезжаю туда вместе с Каллумом.

— Точно! От меня так просто не избавишься, дружище! — Каллум хлопнул Майка по спине.

— А я не знаю, куда поехать, — многозначительно произнесла я.

Майк промолчал, и во мне вскипело возмущение: ну почему я не могу отправиться с ними? Ведь мы друзья. И почему он не предложил мне этого сам?

— А Билл уедет колесить по миру, — добавила я.

— Трахать скандинавских цыпочек, — ухмыльнулся Каллум. — Везет. Они все похожи на Рэсби. Хотя она и занята.

Впоследствии, вспоминая его комментарий, я не находила в нем ничего странного. Все парни с нашего курса считали Марту потрясающе красивой и самой желанной, а она только и думала о своем французе Кристиане, который был старше ее. Наши мальчишки боялись подкатить к ней, чтобы не получить отказ.

— Сейчас не занята, — усмехнулась Джоди с азартом заправской сплетницы, — он ее бросил. Не хочет переезжать в Англию, а у нее стажировка в «Вог». Так что...

Каллум присвистнул:

— Рэсби свободна, а я — в кандалах!

Джоди шлепнула его, и он обнял ее за плечи.

Появился ли в этот момент на лице Майка интерес? Как он отреагировал на новость, что самая красивая девушка курса теперь одна? Вспоминая прошлое, очень легко ошибиться, но возможно, тогда на лужайке у него зародилась мысль о том, что закончилось так трагически позже, ночью.

Глава двадцатая

Девушка на фото — нервная, с неумело нанесенным макияжем, одетая в слабое подобие того, что считалось пискom моды девяностых, — была мной, хотя сейчас я сама с трудом в это верила.

Я долго добиралась домой от Каллума и Джоди, мой поезд пропускал усталые поздние электрички. На этом же самом поезде обычно возвращался Майк.

Следующий день я провела, изучая счета и наводя порядок в доме, хотя он все еще казался мне чужим. В гараж я не заходила и чувствовала, что вряд ли скоро смогу заставить себя сделать это.

Был вечер четверга, и я опять сидела в гостиной, которая больше не радовала меня, а лишь напоминала о последней встрече с Карен, о допросе Адама Дивайна и о заснувшем здесь Каллуме. Спина у меня затекла. Я сидела на полу, окруженная старыми фотоальбомами. Кармашки кое-где прорвались, и уголки фотографий загнулись. Я снова искала зацепки, рассматривая потускневшие снимки. Некоторые еще хранили следы скотча, потому что я приклеивала их к стенам своей комнаты в колледже. Я искала Марту.

Мы с ней не дружили, но наш мир был довольно тесен, поэтому она присутствовала то там, то здесь. Например, в уголке фото, где мы с Карен стояли в наших выпускных мантиях, обнявшись. Еще один снимок на вечеринке, где Марта в костюме ведьмы виднеется за мной и Майком, свежа и прелестна, в отличие от меня. А где-то позади Карен обнимается с парнем на год старше. Я попыталась вспомнить, как его звали. Коннор? Что, интересно, сказал ей на это Майк?

Был ли он против ее встреч с другими? Может, она общалась с ними, чтобы вызвать его ревность? Как им вообще удавалось скрываться и быть вместе, когда я торчала все время рядом?

Я вспомнила свои ночные бдения в библиотеке, страх перед экзаменами и перед отцом с его сердитыми вопросами по телефону — много ли я выучила, не трачу ли деньги на выпивку, точно ли сдам, а иначе мне несдобровать... Вспомнила, как отдалился в последнем семестре Майк. Тоже занимался, по его словам. А Карен провалила экзамены...

— Что ты делаешь? — спросила Кэсси, появившись на пороге.

Я заметила, что она очень бледна. Худые ключицы выступали из воротничка пижамы, придававшей дочери детский вид. Меня тут же захлестнуло чувство вины. Ведь список дел, который я составила в уме, никак не уменьшался. Я должна была найти деньги. Помочь распутать дело Майка. Навестить его в больнице. Заниматься Бенджи, кормить и отвозить его в школу. А еще в этом списке теперь присутствовала Марта. Я и сама не понимала, почему мне так важно разглядывать старые фотографии. Из-за тумана, который нагнала Карен своими словами: «Я сделала это для тебя»? Из-за вызванного ею страха? Из-за того, что я должна была опередить ее, что бы она ни спланировала? А Кэсси, моя независимая Кэсси, как видно, не желала рассказать, как провела ту ночь, и я не могла выудить из нее правду.

— Да так, смотрю старые фото, — ответила я.

— Зачем? — В ее голосе зазвенело отчаяние. — Зависать над ними нет смысла. Я знаю, что ты думаешь о том чудесном времени в Оксфорде. Еще бы — супершоу из жизни богачей! Но могу поспорить, что не так уж там все было прекрасно. Люди меняются, понимаешь? И воспоминания искажаются.

Что за странная уверенность? Ведь Кэсси нет и шестнадцати...

— Конечно. Я просто...

...пытаюсь убедиться, что твой отец не связан с убийством.

— Мне грустно от всего случившегося. Вот и все.

— А Карен еще грустнее, — холодно констатировала она.

Как быстро наша дочь возненавидела отца, с которым всегда была так близка.

— Все гораздо сложнее, Кэсси.

— Как это? Отец годами нам врал. Она сказала, что он сделал с ней *это*. Почему ты веришь ему, а не ей?

— Ты что-то хотела? — осведомилась я тем тоном, который прорывался, когда Кэсси выводила меня из терпения. Моя мать тоже часто говорила со мной так.

Дочь скрестила руки на груди. Я уже давно утратила способность прочесть что-то по ее лицу.

— Нет. Когда ужин?

— Не знаю. Билл что-то готовит, — ответила и тут же устыдилась. Я охотно отдала ему бразды правления в доме, и он удивительно хорошо справлялся.

— А я и не хочу есть.

Слишком худая — это тревожно.

— Кэсс, надо питаться. И как-то жить дальше. Завтра тебе следует пойти в школу. Хорошо? Рано или поздно придется столкнуться с реальностью.

— Зачем? Чтобы делать вид, будто у нас все нормально? Мам, я узнала, что мой лучший друг — мой брат, папа трахал Карен много лет, а если он очухается, его посадят. Ничего нормального у нас не осталось.

Конечно же, дочь права.

Когда она ушла, мои руки, державшие фотографии, задрожали, и на снимки упали слезы, размыв наши глянцевые улыбки.

Я взглянула на фото, на котором мы обнимались с Биллом, крепко-крепко, и он прижимал мою голову к своей груди. А подняв глаза, я увидела его перед собой наяву.

— С Кэсси все нормально? — спросил он.

— Не уверена. Наверное, в школе уже обо всем знают...

Нетрудно было представить, что мать Аарона, эта снобка Магда, говорила теперь о нас. Она и так осуждала Кэсси за то, что та не собиралась поступать в Оксфорд или Кембридж.

— Тебе удалось хоть что-нибудь узнать о том банковском счете? — Если бы я поняла, куда ушли наши деньги, то, может, сумела бы их вернуть.

— Нет. Странно, код не совпадает ни с одним банком, по крайней мере в Великобритании. Но я продолжаю поиск.

— Спасибо.

Черт, во что же ввязался Майк?!

Вместе с Биллом в гостиную вплыли запахи колбасок чоризо и мыла.

— Ты зачем это достала? — спросил он, кивнув на фотографии.

— Из-за Марты.

Он нахмурился:

— То есть?

— Карен кое-что сказала. Что она выручила его тогда.

Билл молча смотрел на меня, а я почувствовала укол совести и захотела попросить прощения. Но что же я могла поделать, ведь Майк был моим парнем... И сейчас его снова нужно выручать.

— Пожалуйста, помоги мне вспомнить ту ночь. Надо разложить все по полочкам, — пробормотала я.

Глава двадцать первая

— Ты никак не могла его найти, — сказал Билл, стоя у плиты и перемешивая соус для пасты. — С начала бала прошло два часа, и ты искала его. Я помню тебя расстроенной.

— И очень пьяной.

На балу я прекрасно себя чувствовала, гуляя, болтая о том о сем с разными людьми и выпивая, до того момента, как поняла, что ни Карен, ни Майка нигде нет. Раньше я подмечала, что Карен пьет гораздо больше меня — она опрокинула несколько стопок с игроками команды по регби, — и блеск ее глаз тревожил. Было около трех часов ночи, и вдруг безудержное искреннее веселье померкло. Я вдруг увидела лужицы разлитого пива на полу, грязные отпечатки подошв, пятна от кетчупа и вина на рубашках и бальных платьях, уставшие, сонные глаза выпускников.

— Не знаю, куда ушел тогда Майк. Может, как раз уединился с Карен, — предположила я.

— Нет, я видел Карен, — возразил Билл. — Она была очень грустная и плакала.

По его тону я поняла, что он что-то скрывает. Знает, она не врала. Майк провел с ней не всю ночь.

— А Марту ты видел?

— Конечно. Помнишь, какая она была красивая?

Да, я помнила. Юная девушка в белом шелковом платье с блестящими длинными волосами. Мы уже знали, что она рассталась с парнем, но тем не менее она сияла ярче, чем когда-либо, и не выглядела подавленной. Это заметили абсолютно все наши мальчики.

— Майк говорил, что предложил ей выпить в саду Феллоуз, а потом оставил там одну.

Те же слова Майк прошептал мне на ухо несколько часов спустя: «Я оставил ее там, Эли. Честное слово. Но если кто-то меня с ней видел — дело дрянь. Это станет началом конца». Конечно, я ему поверила. Он не был идеальным кавалером, и меня не удивила бы его неверность, но вот причинить кому-то вред он был неспособен.

— Ты мне сказал тогда... — начала я, и мое лицо неожиданно вспыхнуло.

Я заставила себя взглянуть на Билла, но он, отвернувшись, продолжал мешать соус. Я смотрела, как двигаются его плечи. Он все еще строен, а остальные «мальчики» обросли жирком и оплыли, как обычно и случается в зрелом возрасте.

Внезапно мне захотелось прижаться к нему. И тут мой взгляд упал на стойку с ножами, в которой одного не хватало, — он лежал где-то в полиции, измазанный кровью Майка.

— Это было давно, Эли. Я понимаю, что у тебя имелись причины.

— Я пыталась ему помочь.

— Я знаю.

И снова повисло молчание. Но что, если я ошиблась? Что, если Карен — не первая женщина, на которую напал Майк? Нет, поверить в такое невозможно. Муж, дети и дом — это все, что есть у меня в жизни. И я должна сражаться. Хотя бы до тех пор, пока кто-то не приведет неопровержимые доказательства его вины.

— Ты что-то еще помнишь о той ночи? — спросила я.

Билл ответил не сразу, и я, как мне показалось, догадывалась, о чем именно он вспоминает. О нас двоих, о тех словах, которые так и не были произнесены

тогда, перед рассветом. На мгновение мне показалось, что сейчас он снова заговорит об этом. Но он ответил:

— Ничего полезного. Давай-ка поедим. И дети голодны.

На следующее утро в полицейском участке Адам Дивайн осторожно перебирал фотографии. Создавалось впечатление, что он предпочел бы делать это в перчатках.

— Не уверен, что понимаю вас, миссис Моррис.

— Хочу продемонстрировать вам, какая на самом деле Карен. Она очень много с кем встречалась, и даже с женатыми. Я понимаю, что это не решающий фактор, но все же характеризует ее определенным образом. Она лгала. И лжет сейчас. Она лгала мне все годы нашей дружбы.

Так же, как и Майк.

— Миссис Моррис, эта информация больше необходима для адвоката Майка. Ведь не мы решили передать дело в суд, а Королевская прокурорская служба. И на то имелись основания.

— Но если бы они знали, что у Карен с Майком много лет был роман, разве это никак не повлияло бы на процесс? — Я видела в его взгляде осуждение. — Я понимаю, что вы обо мне думаете. Да, она моя подруга. Но он-то — мой муж, и я не верю, что Майк способен на преступление! Я не могу сидеть сложа руки и позволить упрятать его в тюрьму! Ведь у нас дети...

Дети, которые останутся без школы и без дома, если все это не закончится как можно скорее.

— Могли бы они снять обвинение? Если узнают, что она врет. Такое практикуется?

— Практикуется. Ну хорошо, напишите заявление о фотографиях, и мы примем его в расчет.

Он аккуратно сложил снимки, а я чувствовала себя так, будто отдала ему молодость — свою, Карен и Майка. Тех нас, с которыми еще ничего не случилось.

Кэсси

Едва войдя в школьные ворота, она сразу почувствовала устремленные на нее взгляды. Пока на тебя не обращают внимания в школе, ты — никто. Тебя словно не существует. Никто не замечает твоих новых туфель, окрашенных прядей волос, того, что ты сбросила пять килограммов, сидя на диете и выбрасывая в урну мамины сэндвичи. Конечно, Кэсси была заметной и раньше: не слишком умная, но, к счастью, хорошенькая и богатенькая. К тому же — подружка капитана команды по регби. Было приятно идти по коридору и видеть, что все кивают. Даже старшеклассники: «Привет, Кэсси. Здорово, Кэсс!»

Но теперь все изменилось.

Мама рассказывала, что сама она, в отличие от Кэсси, не пользовалась популярностью в школе, была слишком неуклюжей и скучной; никто не звал ее покурить за гаражами, мальчики не предлагали ей ничего такого. Намного позже мать поняла, что быть невидимкой в этом возрасте — благо. Но эти слова Кэсси как раз игнорировала, уверившись, что стать заметной — удача.

Сегодня Кэсси слышала, как шепчутся у нее за спиной. Разобрать, что именно о ней говорят, было невозможно. Ей послышался смехок. Или это просто ветер? Кэсси улыбнулась Саре, но та отвернулась и уткнулась в мобильник. Может быть, просто не заметила издали? Внезапно Кэсси почувствовала, что боится пересечь школьный двор. Раньше она сделала бы это с большим удовольствием: продемонстрировать новую прическу и макияж, показать, что

школьная форма сидит на ней, как дизайнерский костюм... Теперь же ноги будто отяжелели. Кэсси устала в землю на раздавленные остатки чипсов, а потом пошла быстро, очень быстро, чтобы поскорее скрыться с глаз.

В холле было шумно. Голоса усиливались, словно эхо отскакивая от высоких стен и потолка. А когда она вошла, все будто затихло. Кто-то засмеялся, но тут же смолк, увидев Кэсси. Кажется, даже учителя смотрели на нее с неодобрением. А лица ребят вообще стали неузнаваемыми, превратились в застывшие маски. Кэсси захотелось оглядеть себя, вдруг что-то с ней не так: юбка задралась, приоткрыв трусы, или произошла «протечка», но вместо этого девочка почти бегом ринулась в сторону брюнетки Амиры, стоящей у окна. Та скажет ей, в чем дело.

— Эй, что...

Амира, едва скользнув по ней взглядом, снова устала в телефон, но потом все же подняла глаза:

— Думала, ты не придешь.

Сердце Кэсси упало.

— Почему это?

Хотя она прекрасно понимала почему — из-за отца, но надо было как-то вывернуться. Возможно, еще не все знают о случившемся, а также не исключено, что обвинение против отца ложно и его оправдают. Кэсси была уверена: некоторые мальчики купятся на версию о том, что женщина лжет, чтобы разрушить жизнь мужчине.

— Конечно, я пришла. — Она попробовала улыбнуться. — Вообще-то, у меня экзамены. Меня так и плющит от них, а ты как?

Амира сморщила хорошенький носик:

— Кэсс, ты только не пойми меня неправильно, но... наверное, тебе лучше пойти домой.

— Вот еще! — воскликнула Кэсси и тут же осеклась: в поле ее зрения попал Аарон.

Он не отвечал на ее бесчисленные сообщения всю неделю. С одной стороны, Кэсси прекрасно понимала, что это дурной знак и что все, чего она боялась, кажется, случилось, но с другой — никак не хотела поверить.

— Аарон! Подожди! — Она бросилась к нему.

Все вокруг пялились на нее. Не стоило кричать. Ведь никогда ты не высывалась, Кэсси: не кричала, не бегала, не плакала, не получала слишком плохих или слишком хороших оценок. Она перешла на шаг и опустила голову, чувствуя, что краснеет. Аарон остановился, стоял и ждал, пока она подойдет. Его пиджак был перекинут поверх сумки, рукава рубашки закатаны, светлые волосы падали на лицо — красивое лицо прекрасно сложенного игрока в регби.

Щеки Кэсси горели.

— Почему ты не отвечал? — громким шепотом спросила она.

Он возил по земле носком ботинка.

— Не знаю.

— У меня все очень дерьмово, — сказав это, она поняла, что вот-вот заплачет. — Мне правда нужно было с тобой поговорить.

— Кэсс, моя мама видела по телику новости про твоего папу. Их все видели.

— Мы пока не знаем, что там случилось на самом деле. Может быть, она врет!

— А ты говорила, что девушки про такое не врут.

Говорила, бездумно повторяя слова матери, но сама так никогда не считала.

— Она другая. Не знаю... Она влюблена в моего отца, как-то так... Пытается испортить нам жизнь.

Кэсси уже не верила в свои слова. Она не знала, во что ей верить.

Аарон оглянулся на приятелей, которые стояли полукругом, ожидая его, — почему-то они всегда вставали именно так.

— Мама не хочет, чтобы я встречался с тобой. У меня экзамены.

— У меня тоже экзамены!

— А... ну да.

Это означало, что на ее экзамены ему глубоко наплевать и что он гораздо умнее.

— Я думала, ты меня любишь. — Произнося эти киношные слова, она ненавидела себя, но не смогла смолчать.

Аарон пожал плечами:

— Слушай, сейчас у меня напряженка. Очень много всего...

— Мой отец чуть не умер, — сказала она неожиданно низким голосом, — а ты даже ни разу не зашел к нему.

Когда его дедушка лежал при смерти, она приносила цветы и виноград, хотела быть полезной. Потому что ее мама всегда делала так, когда навещала больных.

— Ну ты даешь, Кэсс! Как я мог его навещать? Он — насильник. Ну ладно, мне пора.

— погоди. Это все из-за того, что было в выходные? — спросила она дрогнувшим голосом.

Аарон изменился в лице:

— Ничего не было. Поняла? Уясни это себе!

Потом он развернулся и пошел к своим приятелям, откуда раздался взрыв смеха. Кэсси опустила глаза и изо всех сил закусила губу. Только бы не разрыдаться у всех на виду. Дочка насильника — вот кто она теперь! Она никогда-никогда не простит отца!

Кто-то подошел к ней. Мисс Холл, заместитель директора. Уставшие глаза, неизменный черный костюм... При ее появлении дети тут же растеклись по двору, как шарики ртути. Что еще случилось?

— Кэсси!

— Я... я ничего не сделала.

А за спиной у мисс Холл Амира закатали глаза. Они с Кэсси всегда дразнили так других.

— Кэсси, тебе необходимо пройти со мной, — сказала мисс Холл.

Сидя на стуле перед ее кабинетом, Кэсси как бы проживала заново ту ночь и разные другие моменты, о которых ее мать, вызванная по телефону в школу, и не подозревала...

— Похоже, он полный придурок, — заявил Джейк, когда она закончила рассказывать ему об Аароне.

— Да он учится лучше всех! Кандидат на поступление в Оксфорд или Кембридж.

— Кандидат в Оксфорд или Кембридж... — передразнил Джейк. — Это не отменяет того, что он — дровича. Ты вон на них посмотри. — Он махнул рукой в сторону компании взрослых.

Они с Джейком сидели на качелях, потягивая вино из бутылки, которую она стащила, пока родители суетились вокруг гостей: «Кто-нибудь хочет закуски? А может, чипсы? Ужин пока немного задерживается, извините». Мама Кэсси всегда обо всем сильно беспокоилась. Слишком нервная для человека, который не ходит на работу. Гостям наверняка плевать, когда приготовится ужин, — еще даже не стемнело.

Шестеро взрослых сидели в саду за круглым столом. Одну скамейку заняли Каллум и Джоди, похожая на большущий зефир. На другой сидели родители Кэсси. Ее мама каждые пять минут озабоченно смотрела то в сторону кухни, то на дочь, то на Бенджи, игравшего в «Икс-бокс». На противоположных концах стола оказались Карен и Билл — крутой чувак, кстати.

Лучшая подруга матери переоделась в черное платье из джерси, такое подошло бы и Кэсси. На одной ноге у Карен виднелся недавний синяк.

— И этот... как там его?

— Аарон.

— Да неважно. Вы уже... того?

Кэсси ответила не сразу:

— Не совсем. Почти.

— Но не?..

— Он хочет.

— А ты?

Она пожала плечами.

— Я взрослая. Все уже *это* делают.

— Но это — не причина.

— Что ты можешь знать, старый девственник!

Джейк отхлебнул вина и скорчил рожу:

— Ну да, я не хочу трахнуть первую же на все согласную девку. Я ведь не животное. Мне бы кого по-старше. Вот та шведка, с которой Билл живет...

— Да ей почти пятьдесят! Гадость какая. Но они, кстати, расстались.

— Жаль. Она классная. Я помню ее со свадьбы, они приезжали вместе.

Кэсси выдернула волосок из лодыжки.

— Я должна *это* сделать. Надо через себя переступить. Мы ведь уже много месяцев встречаемся.

Джейк, кажется, рассердился:

— Что за херня, Кэсс? Ты вообще слушаешь хоть иногда, что говорит твоя мать? Если ты не хочешь делать *этого*, но сделаешь, получится изнасилование.

— Какое изнасилование?! Ради бога!

— Так и есть. Если ты не хочешь *этого*. Так что ты должна точно знать, что хочешь. Но в любом случае это будет глупость, точно говорю.

— Ну ты известный эксперт!

— Читаю разные блоги, книги. Занимаюсь самообразованием, чтобы быть готовым к встрече с горячей взрослой студенткой. А может быть, и с преподавательницей.

— Гадость, — процедила Кэсси холодно, как ее мать, когда хотела оскорбить отца.

— Эй, Кэсс, я ведь серьезно. — Он легонько толкнул ее ногой. — Ты же потрясающая. Ты заслуживаешь кого-то получше придурка, который собирается в чертов Оксбридж²². Ясно?

— Ясно, — ответила она все тем же тоном. — Может, ты и прав, Супердевственник.

Проклятый Джейк. Он все испортил. Приятное предвкушение, которое подпитывало ее во время нудного ужина, исчезло. Ей было волнительно думать, что никто из этих взрослых умников не подозревает о ее планах. В лесу она встретится с парнем, красивым и успешным, и они займутся сексом. Но Джейк запричитал: «Не делай *этого*, он тебя принуждает!» — и все испортил.

Проскользнуть вниз Кэсси смогла без проблем: мама давным-давно ушла в спальню, Бенджи крепко спал, как и эта противная беременная Джоди. Дверь в комнату брата, где поселился Билл, была закрыта. Через окно холла Кэсси увидела, что все остальные еще торчат в саду, несмотря на темноту. Она заметила белое поло отца и огоньки сигарет — скорее всего, не просто сигарет. Они передавали их по кругу, и папа тоже курил. Кэсси пообещала себе припомнить ему это, когда он будет в очередной раз читать ей нотацию насчет выпивки.

²² Общее разговорное название Оксфорда и Кембриджа.

Она открыла дверь, которая скрипнула, и вышла из дома. Родители купили его, потому что им понравилось его расположение — рядом с лесом. Кэсси это тоже нравилось, ведь Аарон мог проехать через лес на велосипеде и встретиться с ней.

— Привет! — Он уже подждал ее, одетый в черное, капюшон куртки натянут по самые брови, хотя на дворе стояла самая жаркая ночь года.

— Привет, — ответила она шепотом.

В этом лесу днем было не страшно, всего в двадцати метрах находилось шоссе, однако ночью все выглядело по-другому, более тревожно и таинственно. Слышались шорохи, похрустывали ветки.

— Старые пьяницы еще не спят, — усмехнулась Кэсси, — так что поосторожнее.

Он потянул ее за ногу, и она опустилась на землю рядом с ним. В следующую секунду они уже целовались.

— Здесь грязно... — пробормотала она, боясь вляпаться в лисий помет.

Аарон раздраженно хмыкнул, снял куртку и расстелил на земле. Голым ногам Кэсси было холодно и некомфортно. Ничего не сказав, он принялся снимать с нее пижаму.

— Я не знаю... — пролепетала она.

— Какого хера... В чем дело?

— Вдруг кто-нибудь придет...

— Черт, да сейчас два часа ночи!

Его руки скользили по ее бедрам, забирались под пояс пижамных шортиков. Она подумала: «Что я здесь делаю, в лесу, ночью, едва одетая?»

Аарон сдернул с нее шорты, и она позволила ему это, не в силах объяснить, почему ей не по себе. При нуждал ли он ее? Нет. Она просто отдавалась, хотя и не хотела этого.

Он быстро расстегнул молнию на джинсах, часто-часто дыша, и она легла на спину, чувствуя запах его одеколона, который иногда просто сводил ее с ума. Аарон — самый популярный парень в школе, и он с ней! Неужели это правда? Она знала, что многие девчонки отдали бы все что угодно, лишь бы оказаться сейчас на ее месте.

- Подожди, — попросила она.
- Чего? — Его голос был резок.
- Не знаю, готова ли я...

Аарон сел. Даже в темноте было видно, что он взбешен.

- Говорила же, что готова.
- Знаю, но, наверное, все же нет...
- Черт, Кэсси! Сколько уже месяцев прошло!
- Прости меня. — Ей захотелось плакать. В голове звучал голос Джейка, говоривший: «Не делай *этого*, если не уверена. Назад ничего не вернешь». Она уже натягивала шорты на холодные ягодицы. — Я не могу!
- Нельзя так: сначала — да, а потом — нет!

Кэсси хотела объяснить ему, что, конечно же, она хотела, но слова застряли в горле.

- Мне надо идти. — Она поднялась. — Прости.

И ей действительно хотелось уйти, покинуть его, пока он все еще хотел ее. Ей часто бывало неприятно, когда она чувствовала, что он ждет ее ухода, чтобы посмотреть сериал или поиграть в «Зов долга». Но она сильно рисковала, уходя сейчас. Может быть, она совершает ошибку?

— Если ты сейчас уйдешь, пожалеешь, — сказал он злым голосом.

- Просто я не могу. Не сегодня. Извини.

И ушла, оставив его на темной тропинке.

Вернувшись в сад, Кэсси прокралась вдоль стены дома, и... все изменилось навсегда. Теперь Джейк

в тюрьме, а отец — в больнице и, возможно, тоже отправится за решетку, если очухается. И Аарон бросил ее. Это было так ужасно, что у нее перехватило дыхание. Ведь их роман длился целых полгода — дольше, чем кто-либо предполагал! Наверное, все можно вернуть. Только надо доказать, что отец невиновен.

Оставался ли Аарон в лесу перед тем, как Карен начала кричать? Кэсси пробиралась к дому, продиралась сквозь кусты, которые росли возле забора, шарахалась от пауков... Потом она плакала. Но когда же Карен закричала? Кэсси не могла вспомнить, в голове у нее все перемешалось.

Дверь открылась, и из кабинета мисс Холл вышла не мать, а Билл. И хотя Кэсси знала его всего несколько дней и ей было странно, что он живет у них дома в отсутствие отца, этот человек удивительным образом успокаивал ее одним своим видом. Рядом с ним она чувствовала себя так, будто в морозный день пришла домой к горящему камину, мультикам и заботливо приготовленной еде. Раньше она чувствовала себя именно так с мамой.

— Привет, все в порядке, — сказал Билл, и Кэсси зарыдала.

Глава двадцать вторая

— Как она? — спросила я.

Пока я была в полиции, Кэсси, вернувшись с Биллом домой, сразу же поднялась к себе и с тех пор не спустилась. На мои вопросы она не отвечала. Бенджи, уставший после учебы, заснул. Билл накормил детей ужином и теперь мыл посуду. Таких мужчин просто не бывает на свете!

— Не могу сказать. Но в школу ей, наверное, сейчас возвращаться не стоит.

— А экзамены? Боже, ну почему бы хоть чему-то не идти как надо?

Билл посмотрел на меня:

— А ты куда ездила сегодня?

Меня ужалил стыд. Я знала, что он обо мне подумает, если я скажу, что ездила в полицию и предала Карен. Но я должна была это сделать, у меня не было другого выхода.

— В больницу. Спасибо, что забрал Кэсс. Спасибо за все, что ты делаешь. Без тебя я бы не справилась.

Он опустил голову:

— Эли, видимо, завтра я уеду.

Меня захлестнула паника.

— Что?! Почему?

Он помолчал, глядя мимо меня на раковину.

— Думаю, ты понимаешь почему. Слишком тяжело после всех этих лет...

Билл, Билл... Помню, как он провожал меня домой, когда я выпила слишком много в «Кингз Армз», уложил в постель, и я проснулась в шесть утра, обнаружив рядом с кроватью мусорную корзину и стакан воды.

Билл, поймавший рыбу прямо с лодки... Билл, складывающий скатерть на столе... Когда случилось худшее и нас смыло огромной волной, а затем выбросило на незнакомый берег, Билл был так же стоек, как надежный маяк.

В пору нашей студенческой дружбы я размышляла, как это происходит. Как все начинается с разговоров о любимых группах и странах, где вы раньше бывали, о собранных скаутских значках. Как вы словно играете в гляделки, ожидая, кто первый двинется, чтобы наконец уйти. Восхитительное чувство!

Я слушала группы, которые Билл считал крутыми, например «Нирвану» и «Перл Джем». Однажды он нежно погладил мою ступню. Иногда мы даже засыпали рядышком, но большего между нами не случилось. Мы с девочками подозревали, что он — гей, потому что не знали, как еще объяснить поведение парня, который не метит тебя, как свою территорию.

Я могла бы подтолкнуть его, но не сделала этого. Наверное, я боялась потерять то, что начиналось у меня с Майком, — еще тонкое, непрочное, как паутинка. Но параллельно я боялась испортить происходящее между мной и Биллом. Мне казалось, что он видит, понимает меня настоящую, что я много значу для него, я желанна и он будет со мной, стоит только поманить. Ощущать это было так чудесно...

Теперь я разучилась играть в такие игры. Наши интимные отношения с Майком были четко расписаны, как движения в танце: по субботним утрам, после занятий в тренажерном зале, или по вечерам в пятницу, в предназначенное «только для мамы и папы» время. Так мы, полушутя, говорили о своей личной жизни детям. Однажды Майк, подмигнув мне, произнес это при десятилетней Кэсси, и та рассмеялась. Девочка все поняла, чем очень нас удивила.

— Билл, — позвала я и вдруг осознала, как редко называю его по имени. Оно звучало так официально.

Я оперлась руками о стол, точно боялась упасть. Это был дорогой стол. Майк очень сердился, когда на него что-то проливали или ставили горячие тарелки. Как же глупо — запрещать использовать стол по его прямому назначению!

— Я не знаю, что бы без тебя делала, ты был...

Он пожал плечами, будто стряхивая мои слова.

— Я был рад тебе помочь. Но оставаться больше не могу.

— Но ты всегда был рядом...

Мы оба знали, что в этой высокопарной фразе нет смысла. Ведь тогда, после выпускного бала, мы расстались и я выбрала Майка.

— Только однажды ты меня подвел, — сказала я осторожно шутливым тоном, — когда не приехал на мою свадьбу. Почему ты не приехал?

Он мог бы сослаться на отсутствие денег, расстояние, работу, но, помолчав, словно подумав над моим вопросом, ответил:

— Ты знаешь почему.

И тут меня накрыло волной страха, радости и облегчения: я открыла запертую шкатулку! Я перешла черту!

— Думаю, мы могли бы... — Я поднялась из-за стола. Нас разделяло не больше метра, и я снова чувствовала то, что связывало нас прежде. Чем бы это ни было — энергия, магнетизм, — оно никуда не исчезло. Но как я могла жить без него так долго?!

Он смотрел на струю воды и тер кастрюлю.

— Я любил Астрид. Но то, что было у меня к тебе, такое не проходит... нет.

Билл как будто передал мне эту открытую шкатулку. Я могла сказать, что хотела бы сделать иной выбор,

но поняла, что никогда и не стояла перед этим выбором. Однако ранить его гордость не хотела.

— Я рада, — прошептала я, — рада, что не прошло.

Как только он посмотрит на меня, это случится. Я не сводила с него глаз, и наконец наши взгляды встретились. Нас словно больше не разделяли годы, которые миновали с тех пор, как мы сидели на кровати в его комнате и пили вино из кружек.

— Я скучала по тебе.

Он все еще не двигался с места. Двадцать лет — долгий срок, за это время можно подавить в себе что угодно. Я поняла, что должна сделать первый шаг, и протянула к нему руки:

— Мне необходимо обняться. Пожалуйста...

Он замешкался, но все-таки это был Билл, а не какой-то другой, твердокаменный мужчина. Очень медленно, будто не веря происходящему, он обнял меня. Я вдохнула его запах — сигарет и мыла. Его ладони были влажными. Он был таким высоким, что мои губы находились на уровне его ключиц. По его телу пробежала дрожь.

— Эли, ты...

О, как много у нас причин, чтобы остановиться: Майк, Астрид, Карен, Кэсси, Бенджи... Но сейчас, находясь в его объятиях, чувствуя его, я поняла, что некоторые вещи правильны сами по себе, несмотря на обстоятельства. Он должен был остаться, я это знала. Он не может уйти снова, а я не смогу его отпустить. Я потянулась к нему, словно принося свой поцелуй в жертву, и, слава богу, слава милосердному богу, наконец, двадцать пять лет спустя, Билл принял ее!

На следующее утро мир для меня полностью изменился.

Ночью мы разговаривали.

— Это из-за него?

Имелось в виду: «Ты делаешь *это*, чтобы отомстить Майку, который у тебя за спиной много лет спал с твоей лучшей подругой?»

— Нет, — ответила я, выдохнув ему это слово прямо в губы. И повторила: — Нет, нет и нет! — И не со-
лгала.

— Эли... — Он словно увидел меня впервые.

А мне было так привычно лежать с ним в обнимку. И неважно, что в этой кровати мы спали с Майком и сейчас Кэсси и Бенджи находятся в соседних комнатах. Мы словно сумели высказать друг другу то, что было невозможно много-много лет. Я и забыла, как это приятно — говорить о прошлом с тем, кого любишь. Обсуждать все — когда впервые увидели друг друга, когда поняли, что чувствуем любовь...

— Помнишь, в баре на тебе была футболка с каким-то мультяшным персонажем...

— Ши-Ра²³.

— Да. Ты оглядывалась по сторонам так, будто заблудилась и все вокруг кажется тебе прекрасным.

— Так и было. Я же выросла в Халле²⁴, помнишь?

— Я видел, как ты вошла. С другого конца зала.

— Ты и это помнишь!

— Ага. Я все помню.

— Ну а после бала?.. Помнишь?

— Конечно.

Он повернулся, подложил под голову локоть и посмотрел мне прямо в глаза. У него была твердая, мускулистая грудь, тогда как Майк уже давно обрюзг. Меня удивляло, как разительно они несхожи. Билл был

²³ Героиня мультсериала «Непобедимая принцесса Ши-Ра», вышедшего в 1985 году.

²⁴ Портовый город Кингстон-апон-Халл в Англии.

намного выше, и его ступни свешивались с кровати. Запах тоже отличался. И мои руки лежали по-иному на его плечах, ребрах, бедрах.

Помню, как мы бежали по саду вместе, я — босиком, в развевающемся платье из тафты. Рассветное солнце блестело в наших затуманенных глазах. Мы нигде не могли найти ни Майка, ни Карен.

— Ты хотел, чтобы между нами что-то произошло той ночью?

Он ответил, рисуя пальцем узоры на моем животе:

— Я никогда не верил в то, что это возможно. Ведь ты была с Майком. Но я видел их с Карен на балу...

— Боже, какая же я дура... — Из моей груди вырвался вздох сожаления.

— Нет, ты просто доверяла ему. Мне нужно было тебе рассказать?

— Не знаю. Наверное, я не стала бы слушать.

— Что ты теперь собираешься делать?

Этот вопрос включал в себя очень многое. В окно уже проникал серый свет летнего утра. Я давно не бодрствовала ночь напролет и теперь чувствовала себя уставшей, но вместе с тем молодой и беспечной.

— Понятия не имею. Мне нужно продолжать заботиться о детях.

Он откинулся на спину, а я, положив голову ему на грудь, словно это было многолетней привычкой, слушала стук его сердца.

— Все-таки есть в этом что-то... Правильно составлять приоритеты, понимать, в чем твой долг... Мне сорок три. Ни жены, ни детей, ни работы...

При слове «жена» мое сердце забилося быстрее. Да, ведь Билл — холостяк. А я? Неужели я тоже теперь свободна? Но думать об этом не было сил.

Глава двадцать третья

— Мне очень жаль.

Сколько раз за последнюю неделю я слышала эту фразу. От полицейских, врачей, юристов... Но это всего лишь профессиональная вежливость. Ведь они постоянно видели, как жизни тех, кто свернул с прямого пути, разбиваются на кусочки о непрístupные стены. На самом деле ни для кого не имело значения, очнется Майк или нет, отправится ли он в тюрьму за преступление, которого не совершал, или его оправдают. В любом случае они пойдут домой и лягут спать.

У врача, молодой женщины, говорившей со мной сегодня, были пирсинг в ухе, который Кэсси наверняка бы одобрила, и коротко подстриженные и аккуратно вычищенные ногти — признак практичности. Наблюдая, как она бежит туда-сюда, я испытывала легкую зависть. К этой уверенности в собственных навыках, в том, что можешь кому-то помочь, позволяющей твердой рукой отстранять гораздо более старших коллег, деловито втыкать пациентам трубки и иголки, проверять показатели на приборах и возвращать людям жизнь, делая массаж сердца. Ну почему мы не сориентировали Кэсси в направлении науки?! Отчего я позволила ей лениво ползти, уделяя больше времени макияжу, чем учебе?

— Миссис Моррис, вы слышите?

— Да-да, извините. Что вы сказали?

Совсем не хотелось, чтобы эта девочка плохо обо мне подумала.

— Его печень не восстанавливается. Вы понимаете, что это значит?

Я могла бы возмутиться, дескать я училась в Оксфорде! Однако действительно не понимала, к чему она клонит. Мой мозг отказывался воспринимать очередную негативную информацию.

— Вы имеете в виду, что ему не лучше?

— Лучше, но не настолько, насколько мы надеялись. Печень способна восстанавливаться после травмы, но в его случае поражение слишком обширное. Если улучшение не наступит в следующие несколько дней, мы вынуждены будем поставить его в очередь на трансплантацию.

Другими словами, нужно ждать, пока разрушится еще чья-то жизнь. Я вздрогнула при мысли о пока не произошедших авариях и несчастных случаях.

— Думаю, разумно взять образцы тканей у членов семьи. Донор может отдать небольшой фрагмент печени, который поможет восстановиться поврежденному органу. Вы вряд ли подойдете. А вашему сыну десять лет, верно? Маленький. Но дочь — возможный кандидат, ей ведь шестнадцать?

— Пятнадцать.

Шестнадцать Кэсси исполнится через несколько недель. Как же я устрою ей день рождения, когда такое творится?

Врач нахмурилась:

— Тоже слишком юна. Но если вы дадите согласие и она сама не будет против, это может сработать.

Разрезать Кэсси и взять у нее часть печени? Меня начало трясти.

— Что это значит? — Мой голос звучал гулко, как эхо. Так бывает, когда ты сильно пьян и словно слышишь себя со стороны.

— Это достаточно тяжелая операция. Очень ослабляет, и страшно, конечно. — Она будто перечисляла пункты заранее составленного списка. — Поговорите

с дочерью об этом. Но если она не согласится, придется ждать анонимного донора.

Я не знала, что сказать. Как я могла просить у Кэсси разрешения разрезать ее тело и взять оттуда кусок органа? Да заслужил ли такое Майк? Я кивнула, и врач, улыбнувшись мне усталой напускной улыбкой, вышла.

Да, я согласилась поговорить с Кэсси, но это вовсе не значит, что я обязана это сделать. Я ее мать, а она — несовершеннолетняя. Я просто не дам согласия и даже не скажу ей, что есть такой вариант.

Мне показалось, что в палате, кроме меня, никого нет, хотя рядом лежал Майк. Его грудь мерно поднималась и опускалась. Кожа — пожелтевшая, сухая, сморщенная — была чисто вымыта больничным мылом, которое он проклял бы, потому что всегда тщательно ухаживал за лицом, пользовался увлажняющим кремом и тоником. Несмотря на то что он изменял мне много раз, я почувствовала угрызения совести. Я была не лучше его: уложила Билла в нашу постель.

Но все же я не сказала бы, что чувствовала себя плохо. Наоборот, я словно впервые за долгое время поступила правильно. Как же здорово, что Билл так терпелив! И как глупа и наивна была я, постоянно соблазняявшая его и всегда убегавшая к Майку, как только дело заходило слишком далеко. Очень хорошо, что Билл полюбил после меня такую красивую и уверенную взрослую женщину. Но в ту ночь после бала все могло сложиться совсем по-другому, если бы не смерть Марты Рэсби.

— Что случилось тогда? — пробормотала я, наклонившись к Майку. — Ты правда ушел и оставил ее в саду?

Теперь, когда я произнесла это вслух, его поступок показался мне очень странным. Если уж он так хотел позаботиться о бедной пьяной девушке, почему

не остался и не проследил, чтобы с ней все было в порядке? Зачем завел ее в безлюдное место, а потом ушел?

Очнись, Майк, очнись! Я должна тебя спросить!

Его глазные яблоки двигались под серыми веками. Интересно, видит ли он сны? Мой муж в коме. Вероятно, и не представляет, что, если очнется, его тут же отдадут под суд. Понятия не имеет, что мне известно о его романе с Карен и о том, что Джейк — его сын. Действительно ли он ничего не знал и даже не подозревал? Ведь каждый месяц с нашего счета уходила одна и та же сумма. Похоже на алименты. Мог он все это время платить Карен? Разум твердил, что это невозможно и невероятно, однако я знала: ничего невероятного уже не осталось. Как бы он отреагировал, если бы знал, что я выбираю между ним и Кэсси? Захотел бы, чтобы она отдала ему часть своей печени? И в очередной раз я подумала: как мы до всего этого дошли?

— Миссис Моррис?

Я подскочила на месте. Адам Дивайн вошел беззвучно.

— Ой! Здравствуйте! Боюсь, никаких изменений...

— Я знаю. — Он посмотрел на меня, и его лицо стало суровым. — Боюсь, у меня плохие новости, Эли.

1993

Вот все, что я знаю. Хотя прошло много лет и очень сложно вспомнить подробности, для меня это — правда. Но она противоречит тем мыслям, которые вертелись в голове по ночам, когда я, лежа рядом с Майком, никак не могла уснуть.

Марта была сильно навеселе той ночью. Об этом мне поведала Виктория Адамс в туалете, и я приятно удивилась, что обладательница собственной лошади и загородной конюшни вообще со мной заговорила.

— Господи, она так напилась! — прошептала Виктория, глядя в зеркало и поправляя длинные светлые волосы. — И теперь я должна отвезти ее домой.

Готова поспорить, она очень хотела, чтобы я ее отговорила.

— Да все будет в порядке. Тут сегодня все навеселе. И Марта не захочет уезжать. Карен всегда отказывается идти домой, когда я пытаюсь ее заставить, — поделилась я, понизив голос.

Виктория закатила глаза. Я подумала — до чего странно: получается, будто мы с ней в сговоре, а Карен и Марта — такие неадекватные алкоголички. По правде говоря, я уже давно потеряла Карен из виду и теперь беззаботно фланировала по дворикам, комнатам и компаниям, болтая и выпивая со всеми по очереди. Только сегодня все наконец почему-то захотели поговорить со мной, спросить о моих планах на лето, сфотографироваться вместе и похвалить мое платье.

— Выглядишь очаровательно! — одобрил Стивен Мэйджилл в съехавшем на сторону галстуке. Я покраснела. Я и сама себе казалась классной и сексуальной. Но Майк не видел меня, а мне так этого хотелось. И я, разгоряченная, продолжала бродить по приятной ночной прохладе. Казалось, что я не в Англии, не во дворе, который мы столько раз пересекали с книгами в руках. Не узнавала я и комнату, где в перерыве на обед мы валялись перед телевизором и смотрели «Соседей». Сейчас она превратилась в марокканский шатер: с потолка свисали разноцветные фонарики и звенящие бусины. Я остановилась, чтобы взять бокал с чем-то сладким и пьянящим. О, на все это действительно стоит тратить деньги! Мой отец не прав.

Нет, мне совсем не хотелось думать об отце, представлять, как его брови поползли бы вверх при виде пьяных студентов и студенток, обнимавшихся

на лужайке, кричавших на танцполе, топтавших каблуками кубики льда... На траве валялась самокрутка из банкноты в сто фунтов — ее уронила Элисон Картер. Отец бы счел их всех — нас всех — испорченными, расточительными кутилами. Но кем еще могли стать те, кого отправили сюда, напутствовав словами, что весь мир лежит у их ног и ждет от них великих свершений?

Мне бы раньше понять, что ничего плохого в элитарности нет. Мы ведь и правда были элитой, но моя неуверенность всегда, все три года, тянула меня вниз. И Майк тоже тянул вниз... Но больше так продолжаться не могло. Вот Стивен Мэйджилл восхитился мной, и сегодня я собиралась очень весело провести время, несмотря ни на что! Не должен мой университетский опыт ограничиться одним Майком, у меня впереди еще целая ночь!

И вдруг я увидела его. Он стоял возле стойки, где наливали джин. Увидев меня, быстро отвел глаза. Вот тогда-то и следовало удалиться прочь, но я подошла к нему. Мне не хватило самообладания пройти мимо.

— Где ты был? — спросила я чуть громче, чем хотелось.

— Господи, Эли, мы же не сиамские близнецы...

— А это для кого? — кивнула я на бокал джина с тоником, который наливала Майку какая-то бедняжка-первокурсница. — Для твоей девушки? — Я, конечно, шутила, ведь Майк встречался со мной, но он нахмурился, и я заметила это. Все ставки были сделаны. — Что происходит, Майк? Я думала, эта ночь станет нашей. — Слезы навернулись на глаза, и все окружающее великолепие перестало иметь значение.

Майк раздраженно пожал плечами:

— Мы с тобой уже три года, мне необходимо иметь хоть немного личного времени! Это последняя ночь,

хочу пообщаться с народом. Я просто... Перестань ныть, ладно?

Я могла разрыдаться и устроить сцену, а потом отправить какую-нибудь сердобольную девушку искать Карен. Но у меня хватило сил развернуться и уйти, сохранив при этом чувство собственного достоинства, даже несмотря на отцовскую оплеуху, которая еще немного напоминала о себе.

Я прошлась по лужайке, что обычно нам делать запрещалось. Каблуки цеплялись за траву, и я, сбросив туфли, взяла их в руку, позволив себе идти босиком. Это подбодрило меня. Надо послать Майка к черту, он ничего не значит. Ведь я стою босая на лужайке в Оксфорде, шелк платья ласкает мои ноги, в бокале тает лед и некто в смокинге уже направляется ко мне. Билл... Я сразу поняла — это он, высокий, в старомодном облачении, которое на нем выглядело очень стильно. Я заметила, как Майк наблюдает за мной через лужайку, и поняла, что устала от таких отношений. Мне двадцать один, университет позади. В реальном мире Майк, как и любой другой мужчина, совсем не обязан быть со мной рядом.

Я подошла к Биллу. Он нарядился в по-настоящему старый смокинг: его дедушка-пианист выступал в нем в Индии. Свободные брюки, гофрированная рубашка — сейчас мы назвали бы Билла хипстером. Впервые за три года я отвернулась от Майка. Вот почему я не знала, где он был, когда убили Марту Рэсби.

Глава двадцать четвертая

Как странно — простейшие дела, если над ними долго раздумывать, превращаются в практически невозможные задачи. Я уже двадцать минут держала в руке телефонную трубку и никак не могла заставить себя набрать номер. Нет, я не забыла его — ведь это первый номер телефона, который я выучила наизусть. Просто было очень тяжело это сделать.

А что мне оставалось? Возможно, Майка обвинят не только в изнасиловании, но и в убийстве Марты Рэсби. Адам Дивайн объяснил, что Королевская прокурорская служба собирается пересмотреть дело Марты из-за появления новых улик. Ведь никого так и не посадили тогда за ее убийство. Мы все убедили себя, что это какой-то маньяк пробрался на территорию университета. Проник, хотя все входы охранялись, а кирпичные стены были сверху усыпаны битым стеклом — чтобы народ не вздумал лезть на пышные луга Оксфорда.

Я спросила, что это за улики, но ответа не получила. На самом деле я прекрасно понимала: Карен выполнила свою угрозу. Она хотела засадить Майка в тюрьму любой ценой, вот и рассказала, что помнила. Возможно, им уже было известно и о моих ложных показаниях. Значит, я тоже преступница?

Как бы мне хотелось вспомнить все, просеять пьяные разговоры, выбрать нужные моменты и понять наконец, что же там произошло. Но в голове смешалось столько всего: увядшая гвоздика в петлице Билла; рассветное солнце, играющее на открытой бутылке шампанского; белоснежный шелк платья Марты,

исчезающей в саду Феллоуз; мужчина в смокинге, обнимающий ее... Майк?

Я не видела их вместе, только представляла себе. И где же была Карен? Как моя лучшая подруга могла бросить меня на университетском выпускном? Куда ушли Каллум и Джоди? Все мы, словно в чьей-то шахматной партии, двигались по колледжу, как фигуры по доске. Как бы мне хотелось знать правду!

Я могла бы попросить денег у родителей Майка, но знала, что у них почти ничего не осталось после неудачных инвестиций и покупки недвижимости. Однако все равно следовало позвонить им — и выдержать их смятенные и тревожные речи. Им явно придется лететь сюда из Франции... Я решила подождать. Если Майку станет хуже, они в любом случае приедут. Чтобы попрощаться.

Итак, у меня не осталось выбора. Майк не выйдет из больницы в ближайшее время, обвинения не снимут, а это значит, мы лишимся денег, то есть необходимость пойти на крайние меры была неизбежной. Я собралась, как перед прыжком в ледяную воду.

Два, три гудка. Она, разумеется, дома и ответит. Послышался щелчок, и я услышала недружелюбное приветствие:

— Алло!

— Мам, это я, — сказала я и нервно сглотнула.

Я росла в ненависти к своему отцу. Нас с Каллумом объединяло именно это. Его отец был деспотичным и требовательным, мой — злым и жестоким. Я сгорала со стыда, когда они с матерью приехали навестить меня на первом курсе. На синем «Форд-Фокусе» с вмятиной на капоте: мама врезалась в столб возле супермаркета

«Сэйнсбури». Отец орал на меня, потому что в центре Оксфорда очень сложно найти место для парковки. На маме был старомодный костюм в цветочек, слишком тесный. Я мечтала спровадить их поскорее. Родители не могли позволить себе дорогой ресторан, поэтому мы отправились в пиццерию. Отец грозно изучал меню, глядя поверх очков:

— Форменный грабеж — столько брать за кусок хлеба с помидором!

Мама отчаянно пыталась вспомнить имена моих друзей, которых я упоминала во время редких звонков домой:

— Как дела у Кейт?

— Карен.

Я взяла кусок пиццы и почуяла запах чеснока. Отец уже успел облить куртку кетчупом. Во мне поднимались отчаяние, тоска и гнев: родители вдруг стали совсем чужими. Говорить не хотелось, на вопросы я отвечала односложно.

Отец проверял каждую цифру в счете:

— А это за что? А это?

Я вжалась в кресло, изо всех сил надеясь, что никого из колледжа в кафе нет.

Попрошавшись с ними — чтобы не платить за отель, они собирались ехать всю ночь, — я бежала бегом до самого колледжа, вниз по главной улице. Я успела полюбить Оксфорд, тихий и туманный, его выступающие из мглы шпили и крыши. Я перешла на шаг на мостовой площади Рэдклифф, и у меня был билет, чтобы войти в Камеру Рэдклиффа²⁵, в библиотеку, где в девять вечера еще горел свет и усердные студенты корпели над книгами. Это был мой мир, и я могла, взяв

²⁵ В этом круглом здании находится читальный зал Бодлианской библиотеки.

какую-нибудь редкую книгу, сесть и смотреть из окна на дымчатые улицы.

Я прошла мимо таинственных стен колледжа Всех Святых, похожего на фабрику Вилли Вонки²⁶, — мы никогда не видели, чтобы кто-то входил внутрь или выходил оттуда; потом по улице Холливелл — прямо к дому Майка. Я набрала код его квартиры, открыла калитку и поднялась по ступенькам. Мое лицо горело, сердце колотилось в груди. Я была частью этого мира и имела право на парня, который целовал меня во дворе колледжа и на Куин-лейн²⁷, под каменными горгульями, а потом словно бы и не замечал в баре, но неизменно оказывался у моей двери, пьяный и потный после регби, и засыпал рядом со мной, а я вдыхала идущий от него запах карри.

Мы и были, и не были вместе. Он не называл меня своей девушкой и не трогал, только целовал. Он знал, что я девственница, и, скорее всего, опасался этого. А мне такая ситуация ужасно надоела. Наверное, мне стоило подражать Карен — курить, носить черное, гулять за пределами факультета, рассуждать о постмодернизме и обзавестись дурной репутацией...

Я забарабанила в его дверь. В коридорах наших жилищ всегда пахло отбеливателем, которым пользовались скауты — так мы называли уборщиков, — а батареи исходили жаром. На меня нахлынули сомнения — а вдруг он сейчас с другой? Но я отбросила их и пошла дальше. Я заслужила это!

Майк открыл мне, стоя в пижамных штанах и футболке с надписью «Нирвана». Позади в темноте светился экран телевизора и слышались выстрелы. Он

²⁶ Персонаж книги Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

²⁷ Улица в центре Оксфорда.

смотрел кино, и я подумала, как странно: у него в комнате есть собственный телевизор!

— Ой, привет! — удивленно воскликнул он.

— Привет! Можно войти?

Он прищурился, как будто хотел разглядеть меня по-лучше:

— Ты пила?

— Нет, я встречалась с родителями.

Мне так нужно было поделиться с ним своими переживаниями, чтобы он понял, как мне хочется стряхнуть с себя все это — дешевые магазины, дорожные атласы и проверку чеков.

— Думаю, тебе следует меня впустить, — сказала я, пытаясь кокетничать. Уж лучше бы я выпила — было бы проще.

Слегка отступив от двери, Майк дал мне войти, и я тут же рухнула на кровать.

— Хочешь чаю? — вежливо спросил он.

Если бы Майк не желал меня видеть, то не впустил бы, ободрила я себя. Сказал бы, что пишет эссе, или что-нибудь другое придумал.

— А нет ли чего покрепче? — Я приподнялась на локтях, глядя на него и пожалевав, что на мне колготки: надо пойти и снять их.

Майк разлил ром. На его кружке была надпись — «Звездные войны», на моей — «Хи-Мен». Он извинился за то, что нечем разбавить столь крепкое спиртное. Я выпила ром большими глотками, поморщилась, но порадовалась, что он перебьет вкус чеснока, оставшийся во рту после пиццы. Сердце по-прежнему колотилось, будто колокол, отбивающий время. Майк сел за свой стол. Я поняла, что мы не на одной волне: он — усталый зубрила, а я — дикая оторва.

— Что ты сегодня делал?

Он потянулся.

— Немножко погуляли с Кар. Выпили по кружке пива в «Кингз Армз».

Меня пронзил укол ревности. Пока я выгуливала родителей вокруг церкви Христа, добросовестно выдавая порции исторической информации, он шлялся и пил с Кар. Проглотив обиду с очередной порцией рома, я решила: нужно изменить ход событий.

Приблизившись к нему и наклонившись через стол, я стала рассматривать фотографии на стене. На снимках его родители выглядели очень элегантными и доброжелательными. О, как же неистово мне хотелось, чтобы мои были такими же! Неужели моя судьба — постоянно всем здесь завидовать?

Решив прикинуться более пьяной, чем на самом деле, я уселась к Майку на колени.

— Ох, привет! — сказал он.

— Привет. — Я провела рукой по его густым волосам. — А ты очень милый.

— Не такой уж и милый... — Его глаза блуждали, но он не прогонял меня. Наоборот, начал гладить мои бедра. Эх, надо было все-таки снять колготки заранее!

— Можно тебе кое-что сказать? — Мой голос звучал так по-детски.

А Карен не стала бы спрашивать, она просто вошла бы и взяла то, что хочет.

— Конечно.

— Я... я готова для... Ну, ты понимаешь?

— Для чего?

— Ну... для *этого*. Для того, чего мы еще не делали.

— О...

— Я хочу, чтобы ты был первым.

Он помолчал, а потом проговорил, запинаясь:

— Эли, ты уверена? Ведь это очень важно... Ну, сама знаешь... Первый раз...

— Конечно, знаю. Поэтому я и хочу, чтобы *это* сделал ты.

Я смотрела на фото его матери. Понравлюсь ли я ей? Сумею ли мы подружиться? Но представить ее рядом с моей мамой никак не могла. Им просто не о чем будет говорить.

Чтобы осознать происходящее, Майку потребовалось несколько минут, которые для меня тянулись очень долго. Я была готова лечь и позволить ему взять себя, разрешить причинить мне боль. Если только он согласится. И он согласился.

На следующий день за обедом мы сидели вместе и держались за руки у всех на виду. Даже надели одинаковые худи. Честно признаюсь, я никогда не чувствовала себя более счастливой, чем тогда. Я сияла от радости, и мое сердце было полно радужных надежд.

— Думаю, ты в курсе наших дел, — сказала я. Мама каждый день читала газеты и знала все обо всех.

Не верилось, но с той ночи прошла уже целая неделя.

Голос матери был суров:

— Да, прочла в газете. Но не хотела звонить и вмешиваться.

Повисла тишина. Мне надо было столько сказать ей, но любое слово казалось непреодолимой преградой. Ведь мы не разговаривали уже... да, почти пять лет.

— Майка отстранили от работы. До суда. Но пока он не поправится, суд не состоится.

А без трансплантации он не поправится, и это значит, что я должна отправить Кэсси под нож. Из всех зол мне просто не выбрать меньшее. Я в западне.

— Мне нужны деньги. Те, что оставил папа.

Я вспомнила, как орала на нее после похорон, отказываясь от денег. Орала, что мне от него ничего

не нужно и с ней я тоже не хочу иметь ничего общего. Что она должна была уйти от него давным-давно — когда он в первый раз ее ударил. Или когда он в первый раз ударил меня.

Но теперь я приползла к ней обратно...

— Это же твои деньги, Элисон. Я всегда говорила, что ты можешь их забрать. Я переведу их тебе.

— Спасибо. Я пришлю номер счета.

Мы снова помолчали.

— Должно быть, тебе очень тяжело, — наконец сказала она, сидя там, у себя в Халле.

Сочувствие в ее голосе тронуло меня, мое сердце дрогнуло, и я бросила трубку, потому что меня душили слезы.

— Эли?

Билл стоял в дверях с пакетами в руках. Когда я пришла из больницы и начала уговаривать себя позвонить матери, его не было дома. Он все время готовил, мыл посуду, занимался стиркой, стелил постели. Как будто хотел заслужить свое место здесь, будто я уже и так не положила на него полностью. Скорее всего, моя мать или Карен сказали бы, что я снова дала слабину и заменила одного мужчину другим. Дом теперь словно принадлежал мне в еще меньшей степени, чем раньше. Ведь Билл все делал по-своему, по-другому — и не в тот буфет ставил тарелки, и не тех марок покупал продукты.

— Все в порядке, — отозвалась я.

— Что-то в больнице? Майк?

— Нет. Там без изменений. Приходил полицейский.

— Зачем?

Я посмотрела в его темные глаза и попыталась вспомнить, был ли он хоть раз со мной жесток, пренебрежителен или невнимателен. И не смогла. Билл

не сказал бы полиции о Марте. Ведь тогда он подвел бы меня, а он на такое не способен. Нет, конечно, все это сделано руками Карен.

Билл глядел на меня, все еще держа тяжелые сумки.

— Так что же все-таки случилось? — вновь спросил он.

— Карен вышла на тропу войны.

Глава двадцать пятая

Помню, как впервые увидела шпили Оксфорда. В отличие от многих моих однокурсников, я никогда не бывала там до собеседования. В школе, где я училась, не устраивали дальних экскурсий. Там не ожидали, что кто-либо из учеников поступит в университет, не говоря уже об Оксфорде.

Я вышла из вагона поезда холодным декабрьским вечером, и дыхание тут же превратилось в пар. Вокруг не было ни души. Я искала путь по плану, который нарисовала сама, и, дойдя по маленькому переулку до площади, сразу увидела купол Камеры Рэдклифа, чьи огни сияли на фоне темного неба. Пройдя две улицы, я добралась до колледжа и будто попала в Нарнию или роман Толкиена: маленькие ворота в каменной стене, скрытый от посторонних глаз сад, там и сям припорошенный снегом. И тогда мне захотелось всего, о чем не было позволено мечтать никогда. Я знала, что вряд ли поступлю. Все здесь держались так уверенно, говорили так громко, а я робко отходила в сторону, когда ребята выбивали шары на бильярдном столе в комнате отдыха. В центре внимания была Карен, она смело оглядывала всех покрашенными глазами. Я и представить себе не могла, что мы обе поступим и, более того, станем лучшими подругами.

Три года спустя за теми же стенами лежала мертвая Марта Рэсби. И теперь я вернулась, чтобы наконец выяснить, что тогда произошло.

— Эли!

Как постарела Виктория! Меня это очень удивило. Я помнила ее роскошной, как породистая лошадь,

а теперь она располнела, в волосах серебрилась седина, и глаз было не разглядеть за стеклами очков. Канувшие в Лету годы сделали нас женщинами за сорок, а Марта осталась юной навсегда.

Мы считали, что Виктория Адамс разбирается только в верховой езде и нарядах, но потом она потрясла всех своими успехами в химии, а пять лет назад стала главой приемной комиссии нашего колледжа. Я написала ей в «Фейсбуке», притворившись, что выбираю колледж для Кэсси. Она откликнулась и любезно пригласила меня приехать. Я подумала, что многие мои ровесники при поступлении пользовались подобными связями. Их сопровождали и облегчали им жизнь. Вот что значит иметь привилегии.

Я знала, что в это время колледж не так многолюден, некоторые еще сдают выпускные экзамены, а кто-то уже расслабляется. Никто не сидел на лужайке, повторяя материал, как делали мы. Я постучала в дверь, на которой красивым курсивом было написано: «Доктор Адамс», и Виктория вышла мне навстречу.

— О, ты без дочки?

— Она сейчас сдает экзамены в школе и еще окончательно не решила, поступать ей сюда или нет.

Бедняжка Кэсси. Невероятно, чтобы она прошла конкурс, с ее-то ужасными оценками. Помню, Майк очень расстроился, осознав, что дочь далеко не отличница, и я почему-то чувствовала себя виноватой — будто мои плебейские гены помешали ей преуспеть.

— Ну, очень приятно тебя видеть. Как дела у Майка?

По тому, как Виктория это сказала, стало ясно: она ничего не знает. Может быть, сквозь эти каменные стены новости не просачиваются?

— Держится на плаву, — соврала я.

— Хочешь кофе?

Я согласилась, и она наполнила маленький чайник водой из-под крана. На стенах висели фотографии студентов разных курсов, и я поднялась, чтобы найти наш. И нашла, увидев среди прилизанных бледных первокурсников, одетых в черное с белым, себя с невыщипанными бровями и волосами мышиного цвета, а в заднем ряду — Карен с сильно накрашенными глазами. Помнится, в тот день она надела колготки в сеточку. А вот и Марта с золотыми волосами, сияющими на солнце.

Виктория подошла и встала рядом.

— Сколько же времени прошло, — вздохнула она.

— Целая эпоха. Здорово, что ты здесь работаешь!

Она присела на диван, поставила на столик две чашки с кофе и жестом пригласила меня присоединиться к ней.

— Многое изменилось. Не знаю, видела ли ты буклет: у нас новый эллинг²⁸, новая комната отдыха...

Надо было вести игру осторожно, чтобы она не выгнала меня.

— Виктория, кое-что странное произошло на днях. К Майку приходили полицейские. — Я не упомянула, что мой муж лежит без сознания. До чего же, оказывается, легко лгать.

— О... — Она нахмурилась.

— Расспрашивали о Марте.

Виктория вздрогнула, словно я ударила ее этим именем. Марта была ее лучшей подругой. После той давней трагедии я размышляла, что будет со мной, если не станет Карен.

— Что?

— Помнишь, после бала всех допрашивали?

²⁸ Помещение для постройки и ремонта судов.

— Да, это было так ужасно. — Ее пальцы, державшие кружку с кофе, сжались сильнее.

— Они предположили, что Майк общался с ней, помогал прийти в себя, она ведь выпила больше обычного.

— Я пыталась ее остановить, — сказала Виктория упавшим голосом, — пообещала отвезти домой, но она... Я не смогла заставить ее уехать.

Виктория явно чувствовала себя виноватой. Мы тогда заботились друг о друге. Проверяли, добралась ли засидевшаяся допоздна подруга домой; если надо, вызывали такси. Девушки брали на себя ответственность за свою безопасность, не полагаясь на мужчин.

— Ты ни в чем не виновата. И, видимо, дело снова открыто, ведь они так и не поймали никого.

— Почему сейчас? — опять нахмурилась Виктория.

Я знала, что, как только уйду, она откроет гугл и найдет информацию о Майке, и тогда слухи распространятся по мессенджерам и электронным адресам наших однокурсников. Новость будет обсуждаться в барах и при случайных встречах на вечеринках, пока все не узнают, что я вышла замуж за насильника. Так и произойдет, если я не помешаю.

— Не знаю. Вернулись к нераскрытым делам, возможно.

— И чем я могу помочь? — Ее тон стал холодным, заставив меня поежиться.

— Мне просто надо узнать, что именно помнишь ты, и соединить со своими воспоминаниями. Очень трудно вспомнить все моменты.

Она немного расслабилась.

— Да, понимаю. Я часто прокручиваю в голове ту ночь. Как я умудрилась так надолго ее оставить? Пьешь, гуляешь, веселишься — и вот три часа пролетело, а ты и не заметил.

Я кивнула:

— Да, все как в тумане. Когда ты видела ее в последний раз?

Она отвела глаза в сторону.

— Думаю, на главном дворе. Марта танцевала в толпе, а потом споткнулась, и я предложила принести ей воды, но она отказалась. К сожалению, как раз на той неделе ее бросил Кристиан, и она, по-моему, первый раз дошла до такого состояния... Ты же помнишь Марту. Такая милая. И с ней никогда не случалось ничего плохого. Она тогда ужасно много выпила, я даже удивилась... — Виктория взглянула на меня. — И я видела ее с Майком в саду Феллоуз. Это я запомнила, потому что... обычно-то он был с тобой.

Значит, она, как и другие, заметила, что мы не все время находились вместе на балу. Может, наблюдала и нашу ссору на лужайке? Я не спросила, не она ли сказала полицейским, что Майк проводил Марту в сад. Об этом мог сообщить кто угодно.

— И как она себя чувствовала?

— Сильно напилась. Я пыталась отвезти ее домой, но она хотела остаться.

Виктория пожала плечами, и я увидела, как на нее давит вина. Прояви она настойчивость, Марта, возможно, была бы сегодня жива.

Я отхлебнула кофе.

— Майк сказал, что отвел ее туда, чтобы она протрезвела. Ей хотелось посидеть в тишине. Потом он ушел, а через некоторое время кто-то прибежал с криком, что ее нашли мертвой...

Этим «кем-то» была, разумеется, Джоди. Она всегда приносила плохие новости.

— Затем полицейские говорили со всеми и в итоге заподозрили Майка, потому что его с ней видели.

Слушая, Виктория рассеянно водила пальцем возле своей кружки.

— Марта была единственным ребенком в семье, — сказала она. — Родители баловали ее... Когда она умерла, они были убиты горем. Это сломило их.

Да, как много всего сломала ее смерть. А нам удалось уйти невредимыми. Так я думала раньше.

— Ужас... — Меня передернуло.

— А ты видела Майка после того, как он расстался с Мартой в саду? — спросила Виктория.

Теперь, когда прошло столько лет, мне не составляло труда ответить на этот вопрос.

— Конечно. Он сказал, что, когда уходил, с ней все было в порядке. Ему просто не повезло. Оказался не в том месте не в то время.

Виктория помрачнела.

— Марте не повезло куда больше.

Не переиграла ли я, не испортила ли все?

Кивнув, я поставила кружку на стол и наклонилась к Виктории:

— Я постоянно думаю о Марте. Мы с ней не дружили, но она была такой хорошей, такой красивой. Я просто пытаюсь помочь мужу. Он ни в чем не виноват.

Несмотря на свою неуверенность в этом, я спокойно выдержала ее взгляд.

— Чего ты от меня хочешь? — Голос Виктории был суров.

— Ничего. Просто чтобы ты была в курсе на случай, если полиция опять начнет рассматривать дело. В колледже этому вряд ли обрадуются.

Да, скорее испугаются, если эту историю снова вытащат на поверхность. Студентку убили в стенах колледжа, другой студент подозревался в том, что задушил ее и бросил на лужайке. Ее кожа была блее, чем

разорванный шелк платья. Марта погибла. Произошла трагедия, и ничего с этим нельзя было поделать.

Виктория откашлялась:

— Ясно. Я расскажу им, что она была пьяна и Майк отвел ее в спокойное место, чтобы пришла в себя.

Я получила то, за чем приезжала, хотя вряд ли теперь стоило ждать от нее сердечности.

Какой вес приобретают слова в такие времена. Сколько их выброшено, разбросано, потрачено бездумно, как мелкие монеты. Но дважды в жизни, когда я оказалась рядом с преступлением, вес слов был как у фугасной бомбы. Виктория сказала: «Я видела ее с Майком». А Майк никогда не упоминал о Виктории. Судя по его описанию, он просто оставил Марту в саду и сразу ушел. Помог. Не задержался в саду, полном ароматов, с прекрасной, желанной и очень пьяной девушкой.

По дороге на вокзал такси проезжало так много дорогих мне мест, что сердце то и дело сжималось. Поднявшись по ступенькам на перрон, я наконец достала телефон и увидела три пропущенных вызова из школы Кэсси.

Глава двадцать шестая

— Не понимаю, как вы можете отстранять ее, если она не виновата?! — воскликнула я, добравшись наконец до школы на следующий день.

Я слышала, как Кэсси резко всхлипывает за дверью кабинета мисс Холл. Когда ее отца заколол Джейк, она плакала по-другому, отчаянно, как будто все потеряно. Моя мать называла это истерикой.

— Ваша дочь послала фотографию Аарону. И, к сожалению, некоторые другие мальчики тоже увидели ее. Она говорила так, будто Кэсси чем-то их заразила.

Я заметила крестик на шее у мисс Холл — строгой, подтянутой, в сером брючном костюме, с непроницаемым лицом. Интересно, какое мнение у нее о нас?

— И что же? Это ее фото. Она имела право его отправить, если хотела. — Я притворялась разумной женщиной широких взглядов, считающей вполне нормальным желание пятнадцатилетней девушки послать фото топлес своему парню. Фото со стыдливо спущенными на пояс лифчиком и майкой.

— Миссис Моррис, отправлять фото сексуального характера несовершеннолетним — незаконно.

— Даже свое?

— Да, и свое тоже.

— Давайте разберемся. А делиться этим фото с другими мальчиками — законно?

О, эти похотливые звери, ходячие члены, потные и наполненные спермой. Они трут толстыми грязными пальцами экраны смартфонов, и на их лицах мелькают гаденькие ухмылочки. А неприятности — у Кэсси, хотя она думала, что никто, кроме Аарона, не увидит

фото. Почему не накажут их? Почему не исключат Аарона?

— К сожалению, мы не можем доказать, что Аарон его разослал.

Она вертела в пальцах ручку, действуя мне на нервы. Я еле сдерживалась, чтобы не выбить у нее эту ручку из рук.

— Конечно, разослал, не смешите меня.

— Он утверждает, что его телефон забрал друг.

— Что за друг?

— Он не говорит.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Видимо, всего лишь совпадение, что Аарон — капитан команды по регби, а его отец только что оплатил постройку нового спортцентра?

— У меня нет полномочий обсуждать с вами учеников. Полагаю, Кэсси лучше несколько недель провести вне школы.

— Но как же экзамены?!

Моя дочь только дважды явилась в школу после случившегося, и оба раза мне звонили, чтобы я ее забрала.

— Некоторые дети не посещают школу, а экзамены сдают в специальном центре.

Просто прекрасно, дальше некуда! Кэсси отправляют в какой-то центр для странных детей, находящихся на домашнем обучении. Или для тех, кого выгнали из школы за поджоги. Подальше от друзей и привычной обстановки. Только потому, что подлые мальчишки пялились на ее фотографию. Аарон-то как получил этот снимок? Заставил позировать? Кровь во мне кипела, в ушах звенело от гнева, и я боялась, что вот-вот ударю эту женщину.

— Я настаиваю, что это наилучший выход, — проговорила она вежливо. — Кроме того, мы и так не можем позволить ей сдавать экзамены из-за долга по счетам.

Я вскочила, сшибла стаканчик с ручками, не извинилась и, наклонившись к ней через стол, выпалила:

— Вам должно быть стыдно, мисс Холл! У вашей ученицы отец при смерти, а ее унижают при всех, вовлекают в скандал на сексуальной почве, и все, о чем вы думаете, — это как ее наказать, как заставить страдать еще больше! Вероятно, СМИ захотят об этом услышать. Девочка принимает удар за мальчика. Ведь и слова не было сказано о том, чтобы наказать его за то, что он распространил фото!

Она даже не моргнула. Железная выдержка. Наверное, их тренируют этому в педагогическом вузе. Мисс Холл просто сидела и смотрела на меня так, как будто перед ней была нищевродка, которая орала, что обидели ее милую крошку, и угрожала подать в суд, довести до увольнения, сообщить в газеты. Потому что именно такой мамашей я сейчас и была.

— Миссис Моррис, в этой ситуации я бы не советовала вам опять общаться с прессой. Пожалейте Кэсси.

Я застыла, открыв рот, внезапно забыв все слова, которые собиралась выплеснуть на нее. Она была права, а вот я потеряла лицо. Не мне говорить о распущенности молодых девочек и о вседозволенности, ведь именно моя изнасилованная подруга пила, носила короткую юбку и флиртвала.

Она, видимо, поняла, что взяла надо мной верх, и быстро отложила папку с личным делом Кэсси.

— Давайте на этом закончим. Вам нужно отвезти ее домой, а я договорюсь о сдаче экзаменов. Мы попытаемся во всем разобраться, но такие вещи очень быстро распространяются...

Прямо как болезнь. И это про мою Кэсси.

— И, если я этого не говорила, пожалуйста, примите мои пожелания скорейшего выздоровления вашему мужу.

А Кэсси все продолжала всхлипывать за дверью, монотонно и как-то механически. Это напоминало гудение кондиционера.

Мы должны были уйти. Незаметно, крадучись. Побежденные, стыдящиеся, запятнанные.

— Милая, нам придется поговорить об этом, даже если ты не хочешь.

Кэсси сидела, сжавшись на заднем сиденье машины, и плакала. Ее лицо опухло и покраснело, волосы растрепались.

— Как к нему попало твое фото?

Хотелось бы услышать в ответ: «Он меня заставил». Я это видела так: Аарон хотел секса и давил на нее. Заставил, например, сделать фото и отправить ему, чтобы доказать свою любовь, а потом показал всем, кто был в раздевалке. Отвратительно.

— Кэсси, если он тебя сфотографировал, это незаконно. Мы вправе обратиться в полицию и потребовать удалить снимок.

Я знала, что на самом деле невозможно вернуть обратно то, что разлетелось по телефонам, словно баццлла. Ужасно, если фото уже попало на один из тех сайтов, о которых я писала. Тогда удалить его навсегда уже нереально.

Всхлипывания затихли. Сколько же ей пришлось пережить за последнее время! Она видела отца сначала на скамье подсудимых, потом — истекающего кровью; узнала, что ее лучший друг на самом деле ей брат, а теперь еще и это...

— Пожалуйста, дорогая, расскажи мне, как было дело, а я обещаю сделать все, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Кэсси смотрела в окно. Она глубоко вздохнула и ледяным тоном произнесла:

— Аарон не делал это фото. Он меня бросил. Я хотела вернуть его. Я не знала, что посылать снимок незаконно.

Мне понадобилось некоторое время на осознание услышанного.

— Ты сама послала... Он не просил тебя...

— Нет. — Она перевела взгляд на свои руки. — Он не хочет иметь со мной ничего общего.

О, как же мне захотелось убить Аарона! Самодовольного маменькиного сынка, которому уже пригостили местечко в Оксфорде, а в последующем — и в какой-нибудь юридической конторе в Сити. Как он посмел причинить моей дочери боль, приговорить ее к такому унижению! Тут же мелькнуло воспоминание о том, как я предложила себя, свое девственное тело, Майку, как хотела отдать ему все, что имела. Какой же я была смешной и глупой!

— Ты видела фото? — жалобно спросила Кэсси.

Я наконец завела машину.

— Нет, милая, не видела. Поехали домой.

Я никогда не скажу ей, что видела его хоть краем глаза, потому что это убьет ее. Ведь самым ужасным было не то, что она выставила напоказ свою нежную маленькую грудь, а тот взгляд, которым она смотрела в камеру, — взгляд побитой собаки, сексуальной рабыни, девочки, которую заставляют сделать что-то, чего она делать не желает. Мне пришло в голову, что у Карен теперь такой же взгляд.

— Мама, давай съездим к папе, — тихо попросила Кэсси. — Я хочу увидеть его.

Майк

Какое-то время весь мир казался ему серым. Он чувствовал вокруг себя какую-то вибрацию, слышал звуки, видел вспышки света, но все это — будто

за плотной завесой. Сильно болела голова, а тело онемело, только кое-где пульсировала боль. Иногда ему казалось, что он занимался дайвингом и нырнул очень глубоко, а где-то наверху дрожит залитый солнцем овал. Каждый раз, приближаясь к этому пятну света, он понимал — случилось что-то ужасное, и ощущал вину. И стыд.

Карен...

Она сказала неправду. Но все смешалось: секс, который был у них в тот день в душной комнатке над гаражом; ее, такой знакомый, запах; смесь стыда и желания; его слова: «Все кончено. Мы не можем так поступать с Эли»; боль в ее глазах... Он не мог не переживать за нее, ведь они были близки много лет. Как он тосковал по ней, лежа возле Эли, и, чтобы унять эту тоску, смотрел очередную скандинавскую драму с субтитрами...

Что же он помнил о той ночи? Почти ничего. Ужин в саду. Сначала уходит спать Эли, потом — Джоди, беременная и опухшая. Они вчетвером сидят и пьют, Карен смеется громче всех, касается ногами Билла. Скорее всего, она хотела вызвать его, Майка, ревность и, наверное, добилась этого. Но как нежен был теплый ночной воздух, и с каким наслаждением Майк смотрел на прекрасный дом, на сад, которые он заслужил, работал своим трудом.

А что произошло потом? Эти воспоминания подернулись туманом. Курить травку и запивать алкоголем — плохая идея. Он очень нервничал, ему было стыдно перед Карен, но не менее стыдно перед Эли, ведь он занимался любовью с другой прямо у них дома. Было страшно, что жена узнает и этот позор просочится сквозь стены... Еще ему хотелось произвести впечатление на Каллума и показать Биллу, что он, Майк, еще молод и крут.

Он понимал, что Билл тоже любил Эли, и даже чувствовал себя чуть-чуть виноватым: ему эта девочка была нужна куда меньше, чем Биллу, и он мог уступить... Майк как бы встал между ней и Биллом. Следовало порвать с Эли сразу после бала, переехать в Лондон, ведь у нее не было ни денег, ни связей, чтобы отправиться туда самой... Все могло сложиться совсем по-другому, если бы Эли не пришла тогда к нему... И если бы Марта не умерла. Кажется, ей нравилось быть с ним. Тогда ночью она смеялась его шуткам, встряхивая своими золотыми волосами... Может, именно на Марте он потом и женился бы, и с ним рядом была бы прекрасная, сияющая женщина. Все могло сложиться совсем по-другому. Но тогда не было бы ни Кэсси, ни Бенджи, а этого Майк представить не мог.

Он услышал голоса:

— Боюсь, что...

— Никаких изменений...

— Очередь на трансплантацию...

Он понимал, что должен очнуться, но еще знал, что там его ждет не та жизнь, которой он хотел жить, совсем не та, что была ему нужна... *Та* жизнь умерла сто лет назад, на лужайке возле колледжа в Оксфорде.

Глава двадцать седьмая

— Мама, ну конечно я это сделаю! Ты все это время знала, что я могу помочь папе, и ничего не сказала?!

Мое сердце упало. Теперь трансплантации не избежать: Майку становилось хуже. Я видела это по его пепельного цвета лицу. Глаза глубоко запали, кожу покрывали морщины. За неделю он постарел лет на двадцать. Необходимо было что-то делать — а значит, в первую очередь взять пробу у Кэсси.

Увидев его, она заплакала, съежившись у постели.

— Я сказала, что ненавижу его...

— Я слышала, но это же неправда.

— Нет, я не ненавижу его, просто не пойму, как он мог сделать столько плохого.

— Я тоже. Пока он не очнется и не объяснит нам все сам, мы ничего не поймем.

— Ну а если не очнется? — Кэсси залилась краской. — Ведь такое может случиться? Он очень болен!

Я думала об этом, поглаживая дочь по голове, — сейчас она не противилась ласке.

— Милая моя, есть способ помочь ему.

И я рассказала ей о трансплантации, при этом попытавшись представить донорство очень болезненным, страшным и кровавым. Но, как оказалось, не учла, с кем имею дело. Со своей мужественной девочкой, которая, порезав ногу до кости о битую бутылку, каким-то кретином закинутую в море, не уронила ни единой слезинки. «Мамочка, мне не больно», — говорила она, хотя, конечно, было очень даже больно.

Похоже, эта новость вытянула нашу дочь из трясины, в которой Кэсси увязла с того самого дня, как отец

попал в больницу. Теперь она могла искупить свои слова о ненависти к нему, а также легче пережить отстранение от занятий в школе. Она могла стать настоящей героиней. И, разумеется, хотела этого. В отличие от меня.

— Папа не одобрил бы, — сказала я, цепляясь за соломинку, а она посмотрела на меня, как на самого глупого человека в мире.

— Не одобрил бы чего? Что я спасаю ему жизнь? Конечно, он бы предпочел умереть и никогда больше не увидеть нас с Бенджи. Боже, что я скажу тогда Бенджи?! Нет, я никогда не прощу себе, если не попробую спасти отца!

— Все сложнее, чем тебе кажется. — Я начинала сердиться на нее. Мир она видела таким, как его показывают в подростковых сериалах, где очень просто чем-то жертвовать. — Есть вероятность, что вы не сопадете и его тело отторгнет пересаженные ткани.

— Но мы, по крайней мере, это выясним!

— Тебе тоже может стать плохо...

Я попыталась понять, что она чувствует. Ей некуда было выплеснуть свою ярость, дочь еще не стала взрослой и не могла растворить ее, например, в вине. Я потеряла контроль над нашей жизнью. Сколько всего случилось — Майка арестовали, и он умирает; окровавленная Карен рыдает у нас дома; Джейк — в тюрьме, а фото обнаженной Кэсси летает по телефонам.

— Но мы должны хотя бы попытаться! Я собираюсь это сделать! Ты сказала, что мы не узнаем правду о произошедшем, если он не очнется. Он должен очнуться!

Я могла бы прервать эту тираду, но не стала. Я не имела права лишать ее шанса.

— Хорошо. Проведем тест.

И все, что я теперь могла, — это молиться, чтобы их органы не совпали и мой муж не был бы спасен таким способом.

— Он умирает.

Билл внимательно посмотрел мне в лицо, словно пытаюсь прочесть мысли. Майк давно не делал ничего подобного, и я почувствовала себя странно: одновременно опьяненной восторгом и придавленной, скованной.

— До этого не дойдет, — уверенно произнес он. — Врачи его вытащат.

— Вырезав кусок печени у Кэсси? Не уверена, что Майк хотел бы этого.

— Ну есть же еще очередь на трансплантацию. Она существует как раз для таких случаев.

Да, но если исключить, что люди постоянно умирают, так и не дождавшись нужного органа.

— Прости, — сказала я, — мне не следует злоупотреблять твоим участием. Ему некому помочь, кроме меня. Я должна это сделать ради Бенджи и Кэсси.

Нахмурившись, Билл махнул рукой, давая понять, что объяснения излишни, и так все ясно. В воздухе повисла напряженность. Подобное ощущение возникало у меня и в колледже, когда мы засиживались до рассвета за бокалом дешевого красного вина или чашкой растворимого кофе. Тогда я предпочитала не замечать этого и по первому же зову мчалась к Майку. Теперь я не могла вести себя подобным образом. Мы ведь ни разу еще не говорили с Биллом о нас, о том, что вместе спим, что теперь он следит за моим домом, готовит мне еду, заботится о моих детях.

Я посмотрела на Билла. Казалось, он обдумывал что-то важное.

— Если Кэсси не подойдет в качестве донора, думаю, ты должна предложить Карен сделать тест Джейку, — наконец проговорил он.

Я молчала, потрясенно уставившись на него.

— Знаю-знаю, звучит безумно, но это — выход.

— Господи, Билл. Ты серьезно?

— К сожалению, таковы обстоятельства. А для Джейка — тоже вариант. Так ему светит большой срок, а если он спасет Майка, приговор могут смягчить. Возможно, дело даже закроют. Я копался во всех этих тонкостях. Когда он напал на Майка, ему не было семнадцати, и это, скорее всего, учтут. И Карен... Она ждет, что ты поддержишь Майка, а не ее. И таким образом ты сделаешь лучшее из возможного, убьешь сразу двух зайцев. В конце концов, она поймет и оценит твоё предложение, я уверен.

Хотелось бы мне, чтобы это было правдой, чтобы я, взлетев над волной, которая нас накрыла, защитила Майка, одновременно помогая Карен, — ведь она, конечно же, очень страдала, хотя и не открыла мне всей истины до конца. Хотелось бы. Но...

— Все не так просто, — покачала головой я.

Когда я закончила рассказывать ему о том, что сделала, Билл сидел бледный и часто дышал.

— Эли, ты правда сказала полиции, что Карен лжет? Что она... спала с кем попало?

— Но так оно и есть! Ты долго жил в другой стране и не знаешь. Но ты же помнишь, как она вела себя в колледже. Потом ничего не изменилось. У нее было много мужчин, в том числе женатых. И она в течение двадцати пяти лет встречалась с моим мужем!

О, теперь Билл перестанет относиться ко мне как к прекрасному и важному для него человеку...

— Эли, ну ты же видела ее тогда, видела кровь... И вообще — ты правда не веришь, что на нее напали?

— Мы точно ничего не знаем. Она была пьяна.

— Эли, послушай себя...

— Она пытается нас уничтожить. В тот день Майк сказал ей, что их встречам пришел конец, и Карен могла все это подстроить от огорчения и боли. Вот что я думаю! Знаю, что ложные обвинения выдвигаются не часто, но все же такое бывает. Почему не на этот раз?

Билл покачал головой.

— Я никогда раньше не видел людей в более плачевном состоянии. А кровь? Крики? Забыть невозможно... Карен была убита. Эли, ну скажи мне, что ты этого не сделала!

По его понятиям, я не могла так сказать. А значит, наши с Биллом отношения обречены на гибель — так же, как и все остальное.

Даже когда ты думаешь, что потерял все, оказывается, у тебя могут забрать еще больше.

Глава двадцать восьмая

— Где Билл? Он не приготовил завтрак?

Бенджи разбудил меня в семь утра, сонный, с волосами, взъерошенными точь-в-точь как у Майка.

Рев мотоцикла наверняка разбудил старичков-соседей, когда Билл уезжал рано утром. Я не знала, куда он поехал. Возможно, к Карен. Или в Халл. Я поступила с Карен жестоко, и он больше не чувствовал ко мне любви. Вот так.

— Он уехал, дорогой.

— Что?!

И вдруг я рассердилась. Как же мы избаловали детей, если они восприняли как должное, что их обслуживает едва знакомый человек!

— Билл уехал. Он просто гостил у нас. Теперь нам надо справляться самим, так что води себя как взрослый мальчик и одевайся. Хорошо?

— Но Билл жарил яичницу...

— Бенджи! Сейчас не время показывать, какой ты у нас разнеженный нытик. Сделай себе хлопья. Тебе десять. Я в твоём возрасте уже обеды готовила.

Конечно, это было преувеличением. Вообще-то, я всего лишь подогревала макароны, но меня тошнило от того, какими несамостоятельными я вырастила своих детей. Какими негибкими. Да я и сама не многим отличалась от них. А ведь, казалось бы, пережитое в детстве могло бы подготовить меня к тяжелым временам. Но нет, я оказалась испорченной и слепой.

Я встала, завернулась в полотенце и собрала волосы в пучок. Как я была смешна, порхая вокруг Билла в шелках и надушенная!

Но пора приниматься за дела. Я забарабанила в дверь Кэсси:

— Вставай!

— Мне не надо в школу! — зарычала она. — Зачем мне вставать?

— Во-первых, мы едем в больницу. Во-вторых, ты должна заниматься. Рано или поздно ты все равно сдашь эти экзамены.

Бенджи ходил за мной по пятам, растерявшись от того, что добрая мамочка куда-то подевалась.

— Мам, это несправедливо!

И я выпалила в ответ:

— Жизнь вообще несправедливая штука. А теперь кончай ныть и надевай форму!

Я не почувствовала вины, когда орала на своих детей, напротив, мне это понравилось. Это — реальная жизнь, и пора им узнать, какова она.

— Мне очень жаль, но ваша дочь не сможет быть донором.

И снова врач извинялась передо мной. «Прости-прощай», как сказала бы Кэсси или ее подружки со всей жестокостью, на которую способны подростки. Кэсси снова рыдала, затыкая рот рукой, и ее плач резал слух.

Доктор заговорила громче:

— Все равно не удалось бы прооперировать быстро. Неизвестно, сколько бы пришлось ждать разрешения суда. Такие дела решаются медленно. Теперь вашего мужа внесут в список на трансплантацию. Всегда есть шанс, что найдется добровольный донор и...

— Сколько времени это займет?

Краем глаза я наблюдала за Кэсси, и поэтому она как будто раздвоилась. Ее топ в горошек уже весь промок от слез. Дочь любила отца, что бы она там ни говорила о ненависти и тюрьме... Я забыла, что существует

любовь, которая не зависит от поступков человека... Как выяснилось, сама я Майка так не любила.

— В среднем четыре года.

— Четыре года?! А он...

Да продержится ли Майк четыре года?!

Кэсси вскочила и выбежала из палаты, хлопнув дверью. Мысль, холодная и тяжелая, как пуля, уже сверлила мне мозг, а я не хотела ее впускать.

Четыре года. Ожидание трансплантации или... Господи боже!

Врач несколько раз поглядывала на часы над кроватью. Ее «время на сочувствие семье» заканчивалось.

— Если какой-то друг не захочет стать донором, боюсь, иных способов нет. И они тоже могут не совпасть. Кровных родственников не осталось?

Родители Майка были уже стары для этого, а братьев и сестер у него не имелось.

— Нет, есть еще один... — наклонилась я вперед, — кровный родственник.

Доктор нахмурилась, как будто поняла, о ком я говорю:

— Старше восемнадцати?

— Чуть-чуть.

Три дня назад Джейк встретил свое совершеннолетие в тюрьме. Я не купила ему подарок и почему-то, несмотря на все случившееся, чувствовала, что это неправильно. Как же глупо!

— Согласие дадут?

— Я... — В моей голове снова закрутились ужасные кадры: Джейк, вонзающий нож в Майка; кровь на тротуаре; помертвевшее лицо Майка; мой приход в полицию: «Вам нужно знать, какая Карен на самом деле». — Я не уверена...

Мы с Кэсси поехали домой. У меня раскалывалась голова. В нашем переулке я с удивлением увидела

машину и внутренне сжалась. Какие еще плохие новости меня подкарауливают? Кто пожаловал — полиция, журналисты, приставы? Но тут я поняла, что вижу перед собой фургон Макинтошей. Что они тут делают?

Каллум стоял на въезде, когда мы приблизились, и поднял руку в знак приветствия. Одет в офисный костюм, выглядит уставшим.

— Прости за вторжение. Просто был рядом и решил заскочить, узнать, как вы, — объяснил он.

Странно. Что могло понадобиться ему в нашем районе? Он ведь работает в Сити. Однако я пригласила его в дом, а Кэсси отправила наверх, строгим голосом наказав ей заниматься.

— Чай? Или покрепче чего-нибудь?

— Чай, пожалуйста, я же за рулем.

— Как там Джоди?

— Ну, ты понимаешь, вылизывает дом. Мне кажется, я путаюсь у нее под ногами. — Он усмехнулся и сел за кухонный стол. — А ты как справляешься, Эли?

— Не очень хорошо.

О чем ему рассказать? О том, что Кэсси почти выгнали из школы (не упоминая причины)? О проблемах с деньгами? Или о пересадке печени Майку?..

Каллум помрачнел.

— Боже, я и не думал, что все настолько плохо. Эли, мне так жаль. А мы-то... Просто Джоди почти не выходит, а я завален работой. Я навещу его, можно?

Я покачала головой:

— Он и не поймет, что ты пришел. Но спасибо.

— Хотелось бы как-то помочь...

— Ты можешь сделать доброе дело. Помогни мне разобраться с этими счетами. — Я поворошила горку бумаг на столе.

Такого хаоса у меня раньше никогда не было. Откопав финансовые отчеты, которые просматривал Билл, я протянула их Каллуму.

— Мне удалось узнать, что это какая-то подставная компания, но какая именно, я не знаю, как не знаю, почему Майк платил им.

— Гм... — Нахмурившись, Каллум взял бумаги. — Конечно, я могу посмотреть. Но такое не очень просто расшифровать.

Я залила чайные пакетики кипятком и протянула ему чашку.

— Я слышал, ты была в Оксфорде, — сказал он.

— Вот как?

— Виктория и Джоди общаются. Жена очень хорошо умеет поддерживать связи.

Джоди много что умеет делать хорошо.

— Зачем ты туда ездила, Эли?

— Ну просто... возобновили дело Марты. И могут выдвинуть обвинение Майку.

— После стольких лет? — недоверчиво спросил он.

— Да, такое бывает. Каллум, — я запнулась, — а ты... ты ведь рассказал мне все, что помнил про бал, да?

Он ответил, явно подбирая слова:

— Он был с ней. Ты ведь знаешь это.

— Долго? — спросила я, глядя ему в глаза.

Неужели Майк врал и об этом?

Каллум поморщился.

— Да. Я видел их в саду. Они целовались.

— А потом?

— Потом я ушел. Я, представь себе, очень разозлился на Майка за его наплевательское отношение к тебе.

— Значит, неправда, что он просто отвел ее в сад и ушел? По его словам, сразу после этого он кинулся искать меня. Выходит — солгал.

— Думаю, так. Извини, Эли.

— Он мне врал. О господи!

Понятно, почему Майк так запаниковал, когда нашли тело Марты. Сам-то он знал, сколько времени пробыл с ней на самом деле — гораздо дольше, чем говорил. Майкл боялся, что его уличат во вранье и что тест ДНК укажет на него, раз они целовались.

— Я хотел тебе рассказать, но... говорят, не надо будить спящую собаку. Подумал, так будет лучше. Прости.

Каллум накрыл своей ладонью мою руку, и я была благодарна за этот жест, но в то же время не могла поверить, что все хранили секреты от меня столько лет, прикрывая неблагоразумие Майка. Хотя, разумеется, у меня тоже были свои секреты.

1993

— Привет, — сказал Билл, когда я подошла к нему на лужайке.

— Привет.

Я отхлебнула из бокала и почувствовала, как алкоголь устремился по жилам.

— Билл, ты не хочешь выпить?

— А ты разве еще не напилась? Я уже.

— Еще выпьем. Пожалуйста. Я хочу встретить рассвет вместе с тобой.

Небо посветлело, и стало видно затухающую вечеринку. Все потеряло лоск и слегка подпортилось. Я протерла глаза.

Билл помолчал, словно знал, чего я желала на самом деле.

— А как же Майк? — спросил он.

— Какая разница?

Он смотрел на меня:

— Эли...

— Пожалуйста, Билл. Ведь это последняя ночь. Наша самая последняя ночь.

Я взяла его под руку и бросила стаканчик на траву. Билл проследил за ним глазами, но ничего не сказал. Мусора вокруг уже хватало, так что еще один стаканчик ничего не менял. Я приподняла подол и взяла его в руку вместе с туфлями. Представляю, как мы выглядели со стороны — босая девушка в мятом платье и юноша в старомодном смокинге на фоне розовеющего неба. Уверена, мы были прекрасны! Полные сил, молодые, сексуальные. Вдруг я представила нас с Биллом парой, и мне эта идея понравилась. Конечно, ведь он был рядом все это время, ждал, никогда не просил большего, пока я бегала за Майком, выставляя себя дурой. А Карен доказывала мне, что Майк меня не любит, а просто использует, и никогда не будет жить со мной спокойной семейной жизнью. И вот теперь я знаю, что она не ошибалась.

Билл сказал:

— Подожди-ка секундочку. Я видел две неоткрытые бутылки шампанского.

И он побежал через лужайку, а я осталась ждать. Тут ко мне, пошатываясь, подошел Каллум.

— А, вот ты где, — промывчал он, — Джоди тебя ищет. Ох... да. Ну и... все. Прекрасно выглядишь сегодня. Настоящая красotka.

Он был очень пьян.

— Спасибо. — Я улыбнулась.

— Слышал про твоего папашу. Ну да, мой такой же. Вечно твердит: «Каллум, ты можешь лучше, Каллум, опять ты все испортил». — Он вытер рот рукавом.

Я забеспокоилась, что застряну здесь. Ведь Билл — такой добряк. Он останется слушать бессвязные речи Каллума вместо того, чтобы провести это время со мной наедине.

— Спасибо, Каллум. Со мной все будет хорошо.

— Если тебе когда-нибудь что-то понадобится...
Я твой друг, Эли!

— Я знаю.

Куда же подевался Билл? Я огляделась.

Каллум опустил мне на предплечье горячую тяжелую ладонь.

— Он тебя не заслуживает, наш мальчик Майки. Ты даже не знаешь, что он... что он тебе не пара.

Я не хотела слышать про Майка, потому что смутно чувствовала — это мне не понравится. И прекратила этот разговор:

— Неважно. Все нормально. Слушай, Каллум, я, кажется, видела Джоди в соседнем дворике. Она недоумевала, где ты.

Ничего такого не было, но я хотела, чтобы он ушел. Каллум, непонятно почему удрученный, обнял меня за талию. «О нет!» — подумала я и быстро нашлась:

— Мне надо идти.

— Майки тебя не стоит, — повторил он, дыша мне в лицо перегаром.

На секунду я испугалась, что сейчас случится нечто нехорошее, но тут подоспел Билл с бутылкой шампанского в руке.

— Все в порядке?

— Да, все нормально. Каллум просто малость пьян. И сейчас он идет к Джоди. Да, Каллум?

Тот отпустил меня, отступил на шаг и грустно кивнул.

— Пойдем, Билл, — сказала я. И, испугавшись, что он почувствует неловкость и решит ее сгладить, потянула его за собой.

Мы пересекли двор и через холл вышли на улицу.

— Можно пойти в парк. Там видно рассвет. Вернемся к завтраку, — предложил Билл.

— Давай.

И мы ушли. Я не следила за временем. Потом я много размышляла, сыграли ли какую-то роль все наши пересечения на балу. Может быть, пока я спорила с Майком, кто-то проскользнул в сад и напал на Марту. Или к тому моменту она уже была мертва и лежала за стеной сада Феллоуз. В то время как остальные пили, танцевали, целовались и радовались жизни.

Глава двадцать девятая

Я в последний раз проверила, все ли на месте в чемоданчике — кошелек, телефон, зарядка... Мне очень давно не приходилось проводить ночей вне дома.

— Господи, пожалуйста, пусть все будет хорошо, — попросила я вслух умоляющим тоном.

Как же мне уйти и оставить Кэсси, которую не вытаскать из постели? Она даже не включила телефон, что было неслыханно. Вероятно, ее фотография все еще ходила по Сети и могла остаться там навсегда.

— Куда ты?! — крикнул Бенджи, стоя в дверях моей спальни и наблюдая, как я суечусь над чемоданом. — Кто же останется с нами?

— Мне... мне надо кое-что уладить, чтобы помочь папе.

— Но... как же мы без тебя?

— Подожди, я скоро все объясню.

Если она приедет. Перед тем как спросить адрес, она очень долго молчала, и я не была уверена, что она решится.

— Бенджи, дай мне пройти.

Я потащила чемодан по коридору, краем глаза заметив, какой беспорядок в комнате у сына. Понятно, что она об этом подумает, промолчав, конечно.

— Ради бога, приберись! Неужели я так много прошу? Всего лишь убратись у себя в комнате!

Он вздрогнул, и я подумала, что упреки и крики могут действовать на ребенка как удары. Надо ему просто помочь.

— Ладно, давай лучше спрячем все это. — Я принялась собирать с пола игрушки и детали лего и кидать их в коробку в виде сундука.

Вдруг я заметила там что-то красное и почувствовала запах дыма.

— Мама...

— Что это? — Но я уже поняла. Я узнала этот яркий цвет. Наконец-то я нашла пропавший джемпер Майка! Мое сердце заколотилось. Что же это значит?! — Бенджи, где ты его взял?

— Не знаю. — Он пытался увильнуть, я это видела.

— Скажи мне! — Мой голос прозвучал как щелчок кнута.

— В куче мусора. Мамочка, прости. Я не хотел неприятностей для папы и положил его сюда. — Бенджи повесил нос, но у меня не было времени сейчас с ним разбираться, потому что раздался резкий стук в дверь.

Кэсси побежала открывать — и это в тот единственный раз, когда я хотела бы от нее лени и безынициативности.

— Мама! — крикнула она снизу.

Я расслышала в ее голосе смущение. И тут же раздался другой голос, звук которого пронзил меня насквозь.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала я сыну. — Пойдем вниз.

Я захлопнула ящик с игрушками и, ведя Бенджи перед собой, словно живой щит, пошла на кухню. Там ждала меня она, поставив небольшую сумку возле ног. Она выглядела старой, ее одежда — дешевой и немодной. Мне было больно смотреть на нее, и от мыслей обо всем, что она собой олицетворяла, заныло сердце. Но она была нужна мне здесь, нравилось мне это или нет.

— Кэсси, Бенджи, это ваша бабушка. Мама, спасибо, что приехала.

Дети уставились на меня. Мы с ней не обнялись. То малое расстояние, которое отделяло нас друг от друга на моей кухне, было для нас обоих непреодолимым.

Я долго ехала в поезде, потая в духоте, но, к счастью, сумев отыскать для себя место. Много людей сидело в проходе на полу, и выбраться в туалет или в вагон-ресторан мне не удалось. Я никак не могла сосредоточиться на журнале, который купила, потому что размышляла о своей жизни. Все, чем я дорожила, лежало в руинах. Раньше меня заботило, чтобы цвет посуды подходил к цвету стен, интересовали косметика и новые кремы для лица. Как далека я от всего этого теперь! Кэсси плачет, Майк в больнице, джемпер в комнате Бенджи...

Кто-то спрятал джемпер в куче мусора в надежде, что тот будет уничтожен. То есть этот кто-то знал, что наш садовник Анджей время от времени сжигает листья? Думала я и о Билле, о том, какое у него было лицо, когда он уезжал. И о Карен, осунувшейся, с трясущимися руками. И о Марте, лежавшей на траве в белом шелковом платье, бледной, как луна.

Идя по улице, я едва удержалась, чтобы не повернуть назад и не сбежать. Представляю себе, какотреагировал бы Адам Дивайн, узнай он, что я здесь. Может, мои действия тоже преступление? Но я все равно пойду: выбора нет.

Я очень давно не навещала Карен. Неужели этот район всегда был таким убогим? По таким улицам надо ходить быстро, прижав к себе сумочку. В палисадниках — мусор, в канавах — моча, а некоторые дома заколочены и изрисованы граффити.

Последний раз мы приезжали сюда, чтобы забрать Карен и Джейку на отдых в Котсуолдс²⁹, где арендовали коттедж. Нам казалось, что мы действуем им во благо, даем возможность Джейку немного повеселиться и пожить красивой жизнью. Мы не задумывались, что, возможно, поступаем жестоко.

Я дотронулась до входной двери, потом отдернула руку, точно обожглась. Краска облезла и топорщилась, а рядом по тротуару растекся чей-то брошенный ужин или обед «навынос»: соус чили уже успел запачкать мои туфли. Я стерла его, ворча, и набрала номер квартиры Карен. Прошло миллион лет с тех пор, как я жила в подобных местах. После университета, переехав вместе с Майком и Каллумом в Клэпхем, мы едва наскребали денег на оплату газового счетчика и до зарплаты сидели на одном буром рисе. Тогда меня это нисколько не огорчало, наоборот — учило преодолевать трудности, а сейчас я постепенно осознавала, что вряд ли мой переезд туда был правильным.

Я звонила и надеялась, что ее нет дома. Но где же ей еще быть? Она не могла пойти на работу, так же как и выйти из дома.

После нескольких секунд тишины я услышала шаркающие шаги. Карен стояла в дверях в широких джинсах и мешковатой кофте, в которой я узнала наше старое университетское худи, и в очках. Общий коридор за ее спиной был завален рекламными листовками и старыми газетами.

Впервые за много лет я не представляла, что происходит у нее в голове, о чем она думает, на что надеется. А раньше я знала так много: что она хочет в подарок

²⁹ Гряда холмов в западной части Центральной Англии, район природных достопримечательностей.

и кого ненавидит на своей работе, какая из причуд Джейка ее больше всего беспокоит... Сейчас она показала мне совершенно незнакомой. Знала ли я, к примеру, что она носит очки?

— О... — Глаза Карен за стеклами округлились.

— Привет, — сказала я.

Сможем ли мы когда-нибудь снова говорить на пять тем одновременно, подхватывая слова с языка друг у друга? Майк всегда удивлялся: «Как вы улавливаете нить беседы?» А мы снисходительно улыбались. Ведь это делало нас особенными. И вот теперь легкость исчезла. Каждый момент, связанный с Майком, был испорчен, как брошенный в воду лист бумаги, по которому расползается мокрое пятно.

— Можно мне войти? Нам с тобой нужно кое-что обсудить.

Вот так, по-деловому, — единственно возможный тон.

С перекошенным от гнева лицом она попыталась захлопнуть дверь, но я не дала.

— Прошу, Кар. Это очень важно.

— Тебе не следует здесь находиться, — пробормотала она тихо.

— Я знаю. Но ты же ко мне приходила. Теперь я поступаю так же. Пожалуйста!

Она впустила меня, ничего больше не сказав. Я старалась не смотреть по сторонам, не замечать грязи под ногами и скверного запаха пищи. Попыталась подавить в себе чувство брезгливости. Из соседней квартиры доносились громкие звуки телевизора.

Однако в жилище у Карен, если не считать пятен плесени в прихожей, оказалось не так уж и плохо: картинки на стенах, книги, сложенные в стопки, плед на диване. Правда, комната Джейка по своим размерам была скорее похожа на чулан.

Карен остановилась посреди гостиной, уперев руки в бедра. Не предложила мне ни чаю, ни кофе. Я села на старый коричневый диван и вспомнила, что он попал сюда из нашей прежней лондонской квартиры.

— Как ты? — спросила я.

Она молчала. Но этого я и ожидала. Вместо ответа она подошла к камину и взяла сигарету из лежавшей на нем пачки. Карен не курила с университета и начала снова после той ночи. Она заметила мой взгляд:

— Либо это, либо водка.

— Понятно. Конечно.

— Что тебе надо?

— Поговорить. Майк и Джейк... Мы должны кое-что сделать.

Глаза Карен были пусты, я ничего не могла прочесть по ним.

— Он не получит большой срок. Ему и так пришлось несладко, когда он узнал, кто его отец, — произнесла она.

— Ты сказала ему до нападения?

Мне в это не верилось — тогда был не лучший момент для откровений. Но доказать я ничего не могла, а Карен не удостоила меня ответом. Она зажгла сигарету и глубоко затянулась. Впервые я поглядела на нее со стороны и увидела бедную женщину, курящую, пьющую, слишком рано родившую ребенка. Такой, наверное, стала бы и я, если бы не ухватила после университета за Майка.

— Он заранее прихватил нож. Это выглядит как покушение на убийство, — сказала я. А настоящее убийство может произойти, если она не согласится мне помочь: Майк умрет. — Я знаю, что ты ненавидишь нас, но ты ведь не хочешь, чтобы Джейка посадили. Его могут осудить как взрослого. По крайней мере на пять лет, если не больше. Это разрушит его жизнь.

— А ты крепка духом. Советуешь мне по части сына.

— Я пытаюсь помочь, — не очень-то любезно отозвалась я. — Он чуть не зарезал моего мужа, и я не обязана ему помогать. Но если я скажу, что он хороший мальчик и не хотел этого делать, может сработать. Или скажу, что он просто думал напугать Майка и не соби-
рался пускать нож в ход.

— Я уже просила тебя об этом, ты сказала «нет». Что изменилось?

Я сделала глубокий вдох и ответила:

— Если Майк не получит частицы донорской печени, он умрет. Ждать подходящего случая слишком долго, но если будет совпадение с кровным родственником...

Карен уставилась на меня:

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

— Другого выхода нет. На трансплантацию длинная очередь, Кэсси не подходит, Бенджи слишком мал, а нужен именно родственник.

Она издала лающий смешок:

— Должна признать, в конце концов у тебя появился характер.

— У меня нет выбора. Иначе он умрет. И если это случится, Джейку предъявят обвинение в убийстве. Хотя бы и в непреднамеренном.

Карен наклонилась к пепельнице, чтобы затушить окурок. Я поняла, что она потрясена услышанным.

— Зачем нам ему помогать? Мы что — бедные родственники, которых можно пустить на органы? Боже, Эли, это как в чертовом «Не отпускай меня»³⁰.

В другое время мы посмеялись бы над этим сравнением.

³⁰ Британский фильм-антиутопия, в котором клонируют людей, чтобы создать живых доноров для пересадки органов.

— Я пытаюсь спасти твоего сына от тюрьмы.

Да я практически вырастила его вместе с ней!

— Я не хочу, чтобы Майк умер. Если он умрет, суда над ним не будет. Ты этого хочешь?

— Он может отделаться и так, — сказала Карен, поигрывая сигаретой. — Я единственная говорю, что не было обоюдного согласия, а учитывая прошлые наши отношения... Полиция все о них знает, не говоря уже о разных моих мужчинах.

Я промолчала.

— Мне надо, чтобы кто-то заявил, что был свидетелем случившегося, — продолжала она. — Или чтобы Майк признал вину. Или нужен кто-то, кто говорил с ним сразу после...

Она объясняла мне все это как ребенку, но я уже знала, чего она хочет. Я и забыла, какая она умная. Учеба в Оксфорде давалась ей невероятно легко, и именно поэтому все были поражены, когда она не сдала экзамены.

— Я ничего не видела. А если бы видела, то сказала бы. Ты же меня знаешь.

Она не переспросила: «Правда?», хотя наверняка с трудом удержалась от этого.

— Эли, мне необходимо, чтобы люди верили мне. А если это не сработает, если в суде скажут, что я соврала или что сама этого хотела... это убьет меня. Правда убьет. Я не могу спать. Я совсем одна. Каждый раз, когда я слышу шум снаружи или внизу, я выскакиваю на середину комнаты и не могу дышать; чувствую, что умираю.

— Это паническая атака, — сказала я.

Женщины в приюте часто страдали от них.

— Да. Я и себя спрашиваю иногда — мы раньше делали это, правда ли все так ужасно именно из-за того, что в тот раз я не хотела секса? И почему же я не могу

спать и есть? Я пытаюсь все расставить по своим местам: ты ненавидишь меня, с Джейком все плохо, и с Майком — тоже, но я знаю, что говорю правду, я так чувствую и ничего не могу с этим поделать. Ведь есть же разница между объятиями и удушением! Мне не объяснить... Пока тебя так не схватят, пока не ощутишь, до чего слаба и беспомощна, ты не поймешь, как это.

— У меня нет к тебе ненависти, — произнесла я, однако сама себе не поверила.

Пару дней назад я хотела ее убить, представляя себе, как снова и снова бью ее кулаком по лицу. И разве я не рассказала полиции все секреты, которые она поверяла мне про свои самые темные дела и худшие эпизоды в жизни?

— Я бы хотела тебе помочь, но ничего не видела, и он ничего не сказал мне, когда протрезвел. Он был в отключке в ту ночь и очень замерз.

— Но он вполне мог проговориться. Никого же не было рядом, и никто бы не услышал. Он мог сказать что-то вроде: «Прости меня», или «Она сама этого хотела», или «Я не собирался причинять ей боль».

Однако я не могла представить, что Майк говорит такое. Извинения или мольбы — не его конек. Он никогда не видел особого смысла заикливаться на своей вине: что сделано, то сделано.

Она продолжала:

— Может, ты пропустила мимо ушей, потому что была в шоке. Не хотела верить в это. Но ты подумай, вдруг ты все-таки слышала что-то тогда, и, если вспомнишь, сходи в полицию снова.

Глядя мне прямо в глаза, она добавила:

— В конце концов, тебе не впервой врать полицейским.

О да, вот она, скрытая угроза, ей известно, что эту черту я уже переступила однажды. И не могу сказать, что вступила в противоречие со своими моральными убеждениями. Вовсе нет.

— И если я это сделаю?..

— Ну, тогда я могу поговорить с Джейки и объяснить ему ситуацию.

Я прекрасно ее поняла, больше ничего не стоило добавлять — все-таки мы полжизни были лучшими друзьями.

— Если так, никто не должен знать, что я приезжала сюда сегодня. Это преступление.

— Да.

— А соседи?

Она пожала плечами:

— Горстка торчков и заспанных мамашек. Они даже не в курсе, как меня зовут. И я всегда могу сказать, что не впустила тебя.

Поразительно, как просто лгать и нарушать закон, когда попадаешь в тупик. Выбор передо мной стоял просто невероятный — спасти жизнь Майку означало совершить преступление, солгав. Но на этом все и закончится, если я сделаю то, что она просит. Жизнь-то я ему спасу, но его приговорят к тюремному заключению.

— Можно мне подумать? — спросила я.

— Но не слишком долго. Похоже, у Майка нет времени ждать.

У нее что, совсем не осталось никаких чувств к нему?

Кивнув, я встала и вышла, потом спустилась по вонючей лестнице, а она застыла в дверях в одежде, которая висела на ней мешком.

Глава тридцатая

Констебль Дивайн имел обыкновение смотреть на собеседника медленно моргая, и его взгляд лишал меня мужества. Я избегала зрительного контакта, поскольку в моей семье это не поощрялось. Следовало держать голову опущенной, справляясь с эмоциями.

Я отправилась к Дивайну на следующее же утро после возвращения из Бирмингема. Ночь прошла без сна, в борьбе с самой собой. Но к утру я уже знала, что готова. Иначе зачем мне было ездить к Карен? Она всегда просила чего-то взамен.

— Вы раньше говорили, что ничего не видели той ночью. Что Майк ничего не сказал вам.

— Наверное, от шока я не понимала значения того, что говорю. Карен была в таком ужасном состоянии, и я просто не осознавала, что произошло. Никак не могла осознать.

Мы находились в той самой мерзкой комнате для допросов, где с одной стороны стола был содран шпон, и грубая поверхность царапала пальцы. Перед Дивайном стоял ноутбук, но он не записывал то, что я говорила. Вместо этого констебль откинулся на спинку кресла:

— Расскажите снова.

— Ну, я вышла посмотреть, где Майк. Карен плакала и кричала, и я подумала, что произошел какой-то несчастный случай.

— Это было после того, как мисс Рэмплинг зашла в кухню и сказала: «Майк меня изнасиловал», так?

И как он все это держит в голове!

— Да, но я не могла... Я не поняла этого сразу. Майк сидел на крыльце, согнувшись, я подумала, что он спит, но он прошептал: «Прости меня. Я не хотел сделать ей больно».

Эту фразу я придумала ночью, пока лежала без сна. Слегка неопределенно, но достаточно для того, чтобы умаслить Карен.

— Теперь вы думаете, что он имел в виду мисс Рэмплинг?

— Предполагаю. Точно не уверена.

— Но все-таки: вы не упомянули об этом ни разу раньше, миссис Моррис.

— Да, но, как я сказала, у меня в голове все перемешалось. Как только я это вспомнила, сразу пришла к вам.

— Это подтверждает, что он напал на нее?

Я прижала руки к коленям, чтобы унять дрожь. Я должна была держаться, хотя вся моя жизнь разлеталась на части.

— Не знаю.

— Раньше вы были уверены, что такое совершенно невозможно.

Я уставилась на ободранный стол. Им следует выбросить его и купить новый, не такой страшный.

— Он мой муж. Желание защитить его естественно, не так ли?

— Вы имеете в виду, что солгали ради его защиты? Вам известно, что препятствовать ходу расследования — это преступление?

Я подумала о джемпере Майка, который сейчас уже лежал в гараже. Я не знала, как поступить. Уничтожение улики — преступление. Но если дом снова обыщут, его точно найдут. Сам ли он закопал джемпер в мусорную кучу, или кто-то надел его, а потом выбросил

туда? Последнее казалось мне абсолютно неправдоподобным.

— Нет-нет, я просто не помнила. Наверное, так часто случается. Тебе отшибает память, потом проходит время, тебя отпускает, и все возвращается. Я читала какое-то исследование о том, как порой ненадежны показания свидетелей.

Адам постучал по ноутбуку.

— Миссис Моррис, а в девяносто третьем, после убийства девушки, когда Майка допрашивали в колледже, вы тоже общались с полицией, верно?

— Да, они говорили со всеми.

— И вы предоставили ему алиби. Сказали, что он всю ночь был с вами.

— Да.

Как же я, неопытная девчонка, смогла врать, глядя в глаза офицеру полиции? Мной двигали любовь к Майку, желание уцепиться за него, чтобы не возвращаться к прежней жизни, приступам ярости отца и его кулакам. И страх стать такой же, как мать, — бессловесной, побежденной.

— Не всю ночь, конечно, но большую ее часть.

— А про ту ночь вы, случайно, ничего больше не вспомнили?

Его язвительный тон удивил меня, ведь я считала, что у нас с ним сложились дружеские отношения. На глаза навернулись слезы. Как я могла быть такой глупой?

— Нет. Это было очень давно.

Он аккуратно сложил перед собой стопку бумаг. В другой жизни и в другой ситуации — будь я моложе или он старше, — я сочла бы его привлекательным.

— Судебные процессы, связанные с делами об изнасиловании, всегда очень трудны, — сказал он. — И процент осужденных довольно низок, даже если

женщина сразу обратилась в полицию и улики достаточно. Но наличие свидетеля очень важно для вынесения окончательного приговора.

Мне, как ни странно, потребовалось достаточно много времени, чтобы понять, чего он от меня хочет. А когда я поняла, то чуть не рассмеялась.

— Но вы же не можете... Вы ведь не можете позволить жене давать показания против мужа?

— Принудить вас к этому никто, разумеется, не вправе. Другое дело — добровольно. Это внесет ясность. И даст определенный посыл.

Когда-то давно Вики говорила мне то же самое... Нет, не давно, а совсем недавно, но кажется, с тех пор прошла целая вечность. Что она подумала бы обо мне сейчас?

— Нет, я не могу этого сделать.

Я опять билась о барьеры, которые запретила себе пересекать, и не стану делать этого, если только меня не вытолкнут за них насильно. Жизнь неуклонно заворачивала налево.

Он долго смотрел на меня, потом встал.

— Я на связи, миссис Моррис. Если вы передумаете или вспомните что-то о смерти Марты, дайте мне знать.

Я никогда раньше не бывала в тюрьме. Я повторяла это про себя, словно нечто забавное. Вот, мне уже сорок три, а я ни разу не оказывалась в тюрьме! В комнатах ожидания сидели и другие женщины, большинство моложе меня, но некоторые с внуками.

Матери ждали встречи с сыновьями, которых родили и вырастили и которые теперь попали за решетку. Я попыталась представить себе Бенджи в этой комнате с мигающими лампами и автоматами с едой, заляпанными отпечатками пальцев, с ящиком унылых

игрушек в углу. Но не смогла. Бенджи никогда не окажется в таком месте! Именно для того, чтобы этого не случилось, и предназначены все эти уроки фортепиано, сказки на ночь и визиты к зубному. Но потом мне пришло в голову, что и Джейка я никогда не могла бы представить здесь.

Очень скоро после моего разговора с констеблем Дивайном пришла эсэмэска от Карен — платеж за оказанную услугу. «Он увидится с тобой» — вот и все, что она написала. Облегчать мне задачу она не собиралась. Я должна была убедить его сама.

Все-таки он находился не в той тюрьме, где содержат взрослых преступников. Мне никогда не приходило в голову, какое важное значение может иметь пара месяцев в ту или иную сторону при рождении человека. По сравнению со взрослой тюрьмой здесь была просто школа, где тебе давали по шее, демонстрируя своего рода суровую любовь. В этой тюрьме не было насильников, воров и убийц. Но Джейк рискует оказаться среди них, если его осудят. Ему уже исполнилось восемнадцать, и он ударил Майка ножом в печень, почти убил его. И Джейк это спланировал. Срок за такое точно будет долгим, если я не вмешаюсь.

Вдруг все женщины в комнате встали, словно по сигналу, которого я не слышала. Я тоже вскочила. И тут же застеснялась своих дорогих туфель, будто все непременно должны были обратить на них внимание. На лбу выступил пот, во рту пересохло. Появилось ощущение, что меня загнали в ловушку. Хотя после встречи с Джейком я смогу уйти домой. А вот он откуда уйти не сможет.

Открылись двери, и охранница со скучающим видом выставила вперед детектор, как во время досмотра в аэропорту. Мы все выстроились в очередь, Я шаркала подошвами, держа в руках пластиковый пакет, моя

сумка за шестьсот фунтов осталась в камере хранения. И само это место, и моя собственная реакция на него приводили меня в ужас.

Женщина, шедшая передо мной, была одета в штаны с щечками, похожие на пижамные, и топик, из которого выглядывала грудь, обвисшая до талии. Волосы у нее были покрашены в фиолетовый цвет. А вот возраст определить было невозможно. Она вполне могла оказаться как моей ровесницей, так и на десять лет старше или моложе. Детектор среагировал на ее огромные золотые сережки, и ей велели отойти в сторону. Я передвинулась вперед, надеясь, что быстренько пройду, как обычно бывало в аэропорту, и чуть ли не подскочила от неожиданности, когда сработал детектор.

— Я... простите...

Охранница, тяжело вздохнув, стала автоматически прошупывать меня под мышками, вокруг груди, между ног. Это было унижительно. Я стояла, широко расставив ноги в платье за сто шестьдесят фунтов, а ее пальцы блуждали по моему телу. Я с ужасом поняла, что плачу. Карен презирала бы меня за слабость. Ведь она побывала здесь уже много раз, хотя живет далеко отсюда и у нее нет машины. Она не могла бросить своего мальчика и делала для него все, что могла. Стискивая зубы, работала на идиотов, чтобы была возможность оплачивать дополнительные взносы за школу и тьюторов. Сражалась за то, чтобы сын общался с отцом, хотя никто, кроме нее, не знал о нем. Я восхищалась ею, пока не выяснилась моя роль во всем этом — роль обманутой жены.

Но я не собиралась думать о Карен.

Меня пропустили, я съежилась от страха, как будто сама совершила что-то ужасное, и попала в большую комнату, где стоял гул, как в школьной столовой.

В желтых робах, с бритыми головами, с татуировками на руках арестанты выглядели вполне взрослыми. Их мускулы вздувались, когда они обнимали своих родных — матерей, бабушек или младших братьев и сестер, — которые почти все впадали в истерику от смеси страха и радости.

В центре этой какофонии сидел Джейк в слишком большой для него робе, тощий и сгорбившийся, как человек, эвакуированный в военное время. Первое, что я подумала, увидев его: «Он всего лишь ребенок». Ненамного старше Бенджи или Кэсси. Тут же мне представилась моя дочь в женской тюрьме. Ведь она нарушила закон, отправив ту фотографию, хотя и не понимала этого.

Он смотрел на меня, а я — на его руки. Руки Майка. Почему же я никогда не замечала этого раньше?

Потому что ты не хотела замечать, Эли.

Я чуть не погладила его по голове, как часто делала, когда он был маленьким, и у меня снова защипало в носу. Но плакать на виду у Джейка я не могла.

— Привет, — сказал он.

— Можно я сяду? — едва выговорила я.

Он кивнул.

— Купить тебе чаю или какой-нибудь напиток? Или поесть?

Он посмотрел на автоматы, и его лицо чуть просветлело.

— Сок. Я эту кофеиновую дрянь не пью.

Я была рада возможности отойти к автомату — это дало мне время взять себя в руки. Я ухватила выпавшую банку сока, который раньше давала Бенджи, да и сейчас иногда покупала. А Джейк был всего на восемь лет старше. Как же он может находиться здесь, если они с Бенджи пьют одинаковый сок?! Еще два года назад мой сын верил в Санта-Клауса. Ему задали

в школе написать сочинение на тему «Как я узнал, что Санты не существует», и он целый день был на грани слез. Может, я слишком нянчусь с ним, подумала я тогда.

Джейк воткнул в банку трубочку, не поблагодарив.

— Как ты? — спросила я.

— Нормально, — ответил он, пожав плечами.

— Как другие? Они... агрессивные?

Он снова пожал плечами:

— Охранники пресекают все это... Почти никто не лезет ко мне.

— О господи. Ну, хорошо.

Мы смотрели друг на друга. Этот мальчик едва не зарезал моего мужа, едва не убил его. А я все равно почему-то чувствовала свою вину перед ним.

— Я хочу, чтобы ты знал. Я понимаю, почему ты сделал то, что сделал. Ты очень разозлился на него.

Не отвечая, он громко хлюпал соком. Я старалась не раздражаться.

— Но ты ранил его. И он при смерти. Джейк, врачи говорят, что ему нужна трансплантация печени.

Раньше я разговаривала с этим парнем как с ребенком, вроде Бенджи, и теперь не знала, как следует с ним общаться.

— Ты понимаешь, о чем я говорю? Он очень-очень плох.

Никакой реакции не последовало. Но разве я ожидала от Джейка сочувствия? Ведь он хотел убить Майка. Может быть, даже жалеет, что не получилось. Мне до сих пор не верилось, что это тот самый милый и добрый мальчик, который так горько плакал в день нашего переезда.

— Верю, ты не хотел этого, — рискнула сказать я и почувствовала подступающие к глазам слезы. — Джейк, мы подвели тебя, уехав тогда из города, и после

слишком редко виделись с тобой. Прости. Можно было бы попробовать это изменить.

Джейк слегка наклонил голову.

— Почему вы здесь? — спросил он наконец.

— Потому что Майк плох, ему нужна трансплантация, но чтобы получить донорский орган, надо ждать целую вечность. У нас нет на это времени. Другой шанс — живой донор, у которого возьмут кусочек печени. Ты знаешь, наша печень может расти заново. Но донор должен быть родственником. Я не подхожу. Кэсси...

Ее имя слегка оживило его. Он чуть подался ко мне, сцепив руки — нежные, чистые. Я представила их покрытыми тюремными татуировками. Кэсси он любил, даже если и ненавидел нас с Майком.

— Она тоже не подходит по медицинским показаниям. — К горлу подступил комок.

Я надеялась, что к этому моменту Джейк все поймет и выскажется. Но он продолжал сидеть молча, и его глаза были темными и пустыми, как у акулы. Тогда я решила выпалить все одним махом:

— Дело в том, что подойти можешь ты. Не думаю, что ты хотел убить его. Просто был в состоянии аффекта. А если он умрет, случится худшее: тебе придется надолго застрять здесь. Помогая ему, ты тем самым поможешь и себе. Вероятно, срок заключения сократят. Понимаешь?

Меня изумило, как рационально и прямо я изложила Джейку суть дела. Наконец-то сказав нечто правдивое, я испытала облегчение. Отдай мне кусок своей плоти, позволь разрезать тебя. Искуп своей кровью то, что сделал, и тогда, если повезет, выберешься отсюда.

— Вот. Так что ты подумай об этом. Конечно, у тебя возникнут вопросы. Мы можем... Врач может позвонить и объяснить все подробно. Но решать нужно быстро.

Не знаю, кончилось ли уже время посещения и вообще как полагалось завершать свидание, но мне нестерпимо хотелось убраться подальше из этой комнаты, поэтому я встала, со скрежетом отодвинув стул.

— Просто подумай.

Джейк молча смотрел на меня, замерев. Он не смеялся мне в лицо, услышав, что часть его печени поможет спасти человека, которого он хотел убить. Его отца, того, кто, возможно, изнасиловал мать. Мне и этого хватило, чтобы не отчаиваться. Но уйти, не выступив в свою защиту, я не могла.

— Я хочу, чтобы ты знал... Я понятия не имела, что Майк... с твоей мамой... Правда понятия не имела.

Карен однажды говорила, что отец Джейка — иностранец. Наверное, испанец. А сейчас Джейк смотрел на меня такими же голубыми глазами, как у моих детей, и я узнавала глаза Майка. Все эти годы я была слепа, а истина находилась прямо передо мной.

— Тогда ты полная идиотка, Эли, — громко произнес Джейк.

Раньше он никогда не называл меня просто по имени и не говорил со мной так. Пораженная, я не знала, что сказать, а он встал и направился внутрь тюрьмы.

В машине меня начали сотрясать рыдания. Я не понимала, почему, увидев Джейка, почувствовала такую боль, словно он был моим ребенком. Хотя одно время так почти и было. Вероятно, мне было стыдно просить его о том, от чего я хотела избавить свою дочь, — дать вырезать у себя частицу органа, чтобы спасти отца. Человека, который вряд ли этого заслуживал. Но как же Майк не подозревал, что Джейк его сын? Наверное, как и я, просто прятал голову в песок.

Утерев слезы, я вспомнила, что надо включить телефон. Сразу же посыпались пропущенные вызовы и сообщения. На миг возникло искушение

проигнорировать их. Наша нервная система выдерживает много бед и потрясений, пока не становится безразличной ко всему. Похоже, что я уже близка к такому состоянию. И тут телефон зазвонил. Мой домашний номер. Я ответила и услышала дрожащий от страха голос матери:

— Элисон?

Я уже заводила мотор, когда она сообщила мне, что случилось.

1993

— Нам надо вернуться, — сказал Билл, — а то завтрак пропустим.

Мне же хотелось до полудня пить коктейль из шампанского с соком — это было бы так по-декадентски! Но я боялась разрушить то хрупкое, что возникло между нами. Мы долго бродили по паркам, я приподнимала подол платья над лужами, переходили мостики, смотрели на реку с плывущими по ней лодками с гребцами, слушали окрики рулевых. Будто мы попали в какой-то фильм о молодой оксфордской элите.

Я, как обычно, завидовала невероятно образованным детям исключительно заботливых родителей, которые подгоняли и везде пропихивали своих чад. Какой могла вырасти я, если бы воспитывалась так же? По крайней мере, знала бы латынь и, наверное, мыслила более взвешенно. Но теперь мое заурядное детство не имело значения. Сейчас я в шелковом платье гуляла с парнем, одетым в смокинг, и мы не спали всю ночь, обсуждая книги, музыку и все на свете. Я чувствовала себя вычерпанной до дна — такие беседы меняют жизнь.

Но вот наступило завтра, все изменилось и уже никогда не будет прежним. И я не обязана была оставаться той Эли, которой меня воспитали. Я могла стать какой угодно и кем угодно.

Мы направлялись обратно, мое платье чуть слышно шуршало. Билл — он был из числа галантных парней — отдал мне свой пиджак, и я все думала, как мы с ним выглядим, такие усталые утром выходного дня: он идет, засунув руки в карманы слишком широких брюк, а я иду, спрятав руки в рукавах его смокинга.

Я повернулась и посмотрела на него.

— Что? — спросил Билл.

— Ничего. Просто вижу тебя.

— Видишь меня?

— Ага.

Я смотрела, как красиво спадают ему на лоб волосы, какие у него классные подтяжки, как подвернуты рукава на запястьях и как сами эти смуглые изящные запястья хороши. Он шурился на утреннее солнце и поджидал меня, если я вдруг отставала. Майк всегда бежал вперед, и это меня бесило. Мы же с Биллом так естественно держались за руки. И молчали. Я почти чувствовала, как сказанное невпопад слово может все разрушить.

— А я всегда тебя видел, — произнес он.

— Я знаю.

Теперь я смотрела не на него, а только перед собой и размышляла. Дойдя до колледжа, мы впервые поцеловались. Мы должны были сделать это три года назад, а потом стереть Майка из моей жизни и начать все сначала — на этот раз правильно. Я поехала бы путешествовать с Биллом и так же легко пошла бы с ним по жизни, как шла сейчас. Не надо было бы делать выбор, решать, просить ли Майка взять меня с собой в Клэпхем, искать работу. Не сложнее, чем выбрать между двумя направлениями на перекрестке.

Пальцы Билла ласкали мою ладонь, его пиджак согревал тело. Вот так, рука в руке, мы подошли к колледжу и сразу поняли: что-то случилось. Слишком много людей собралось снаружи. Они толпились на

тротуаре и даже на проезжей части. Кое-кто из девушек был в куртках, но некоторые мерзли и обнимали себя руками, пытаясь согреться. В воздухе висел гул голосов, но отнюдь не радостный. Возле ограды была припаркована желто-зеленая машина скорой помощи. Кажется, только тогда мы расцепили наши руки.

— Что происходит? — спросила я.

Билл не ответил. Он всегда молчал, если не знал, что сказать. Я увидела Карен, всю в слезах, и это было очень непохоже на нее.

— Что случилось?! — бросилась я к ней.

— Кто-то пострадал. — Ее голос был еле слышным. — Нам не говорят. Велели всем оставаться здесь. Но слухи уже распространились.

— Что-то нашли в саду Феллоуз. Вернее, кого-то, — испуганно произнес Джеймс Коллинс, белый, как его рубашка.

— Кого?

Никто мне не ответил.

Я поискала глазами Майка, сразу же подумав про него, хотя и ненавидела себя за это. Встав на цыпочки, принялась озираться, пока наконец не увидела их с Каллумом. И тогда мною овладело какое-то странное влечение к Майку. Они стояли возле ограды и перешептывались.

— Майк! — крикнула я очень громко.

Билл повернулся ко мне, но я уже пробиралась через толпу к парням.

— Майк! Что случилось?!

Тут я подумала о Джоди, но сразу же заметила ее неподалеку. Опустив голову, она куталась в шаль. Значит, все мы целы. Но я уже чувствовала: произошло что-то ужасное и оно связано с нами.

У Майка были странные глаза. Вроде как испуганные. Таким я его ни разу не видела. Это меня всякий

раз трясло из-за комплекса неполноценности перед каждой нашей с ним встречей. И я старалась вести себя так же раскрепощенно, как звезда на телешоу, при этом все время ожидая, что меня расколют и освищут.

— Эли, — зашептал он, — ты должна мне помочь. Черт, это катастрофа!

— В чем дело?

— Они знают, что я болтал с ней, а теперь она... Черт! Понимаешь, как это выглядит? — Последнее он сказал Каллуму, и тот кивнул, бросив взгляд на Джоди.

Потом Майк придвинулся ко мне очень близко и быстро-быстро начал рассказывать. Оказывается, он немало посидел с ней, просто разговаривая. Они никогда раньше особенно не общались, а она грустила, и ему захотелось ее подбодрить. Честное слово, это все. Они взяли по бокалу шампанского, поболтали, а потом она сказала, что не очень хорошо себя чувствует и мечтает посидеть в тишине. Тогда он повел ее к скамейке в саду, где и оставил. Правда, Каллум? Да, ушел, а следовало бы проводить домой, но казалось, что с ней все нормально, просто выпила много. Он поверил, что она просто хочет побыть одна. Никто не мог туда проникнуть, ведь бал был только для студентов, для своих, но охранники, видно, рано свалили, и он надеется, что полиция будет разбираться с ними, а не со студентами.

— О ком ты говоришь? — Моя голова шла кругом.

Ответила Джоди, причем довольно злобно:

— О Марте. Марте Рэсби. Майк был с ней.

— Мы просто веселились, — пробормотал тот умоляющим тоном. — А потом я искал тебя, но не нашел. Ты ушла.

Он говорил так, словно провинился передо мной. Происходило что-то невероятное: у меня будто бы появились какие-то права на него! Но тут я вспомнила, как Майк отшил меня на лужайке. Он уже тогда что-то скрывал.

Я обвела всех взглядом:

— Ничего не понимаю. Что случилось? И почему это так важно?

— Да потому, мать его... — выпалил он и осекся, испугавшись своей резкости.

И снова заговорила Джоди, а Майк с Каллумом смотрели себе под ноги, и я заметила, что оба они бледны и нервничают.

— Говорят, что ее нашли мертвой. В саду Феллоуз. Марту.

— О боже! И ты был с ней?

— Нет! То есть был, но раньше. Я ушел, правда, Каллум? Я клянусь. Ты же видел меня до этого.

— Я была с Каллумом, но тебя не заметила, Майк, — вмешалась Джоди.

Каллум откашлялся:

— Вот в чем проблема, Эли: кое-кто заметил, как Майк говорил с Мартой, а потом она... пострадала.

— А я искал тебя, — добавил Майк. — Всюду искал. Каллум сказал, что ты с Биллом.

Билл. Где же он? Я повертела головой, но он не попадался мне на глаза. Зато попалась Карен с лицом, перепачканным потекшей тушью, испуганным и напуганным.

— Да, — подтвердила я, не потрудившись извиниться. Что-то новенькое для меня.

Я все еще не постигала связи между их бледными лицами, скорой помощью и Мартой, которую несколько часов назад видела довольной и смеющейся.

Джоди сухо и лаконично подвела итог:

— Тебе надо сказать полиции, что ты была с Майком. Всю ночь.

— Почему? — растерялась я.

Она посмотрела на меня, как на дуру:

— Потому что на кону всё, Эли. Наши жизни, наше будущее. Ты не понимаешь?

— Но... но я была с Биллом. Все видели, как мы возвращались вместе.

Майк затараторил:

— Скажи, что находилась здесь, когда кто-то позвонил в полицию... Скажи, что была со мной, а потом вы с Биллом пошли гулять. Ладно?

— Но я не понимаю. Почему бы кому-нибудь другому не сказать это? Где ты сам-то был?

Он на мгновение замешкался.

— Я же говорил — тебя искал. Всюду тут ходил. Вот в чем проблема.

«Вот в чем проблема». Наверное, они с Каллумом на пару придумали эту фразу. У меня слегка кружилась голова. Но куда же ушел Билл?

— Она ведь не сильно пострадала, да?

Прозвучало очень глупо, но мозг в такие моменты просто отказывается верить в случившееся.

В это время поднялся шум, и кто-то зарыдал. Думаю, Карен, хотя не знаю почему. Никто из нас не знал Мар-ту близко. Она была из самых-самых, а мы — из второго ряда. Даже в таком небольшом колледже существуют своя иерархия, правила, клики.

Я проследила за взглядом Карен и в распахнутых воротах сада Феллоуз увидела двух медбратьев — одного молодого, другого старого, седого. На коленях рядом с ними стояла медсестра. А еще я заметила маленькую белую руку, которая была словно заляпана пятнами синяков. Женскую руку. Мертвую. Промелькнул испачканный грязью белый шелк. И в тот момент все изменилось для нас навсегда.

Глава тридцать первая

Итак, вот что стало с моей жизнью. Муж — на интенсивной терапии, цепляется за существование. Дочь — в том же здании, но на психиатрическом отделении, ей промывают желудок. Бабушка нашла ее без сознания в спальне, рядом валялась вскрытая банка из-под транквилизаторов. Это лекарство мать принимала все мое детство. Оно помогало ей отгородиться от происходящего в нашем доме. Потом я начала винить себя за то, что бросила на нее детей, что вообще мало обращала внимания на Кэсси, которая не выходила из дома, оставалась в пижаме и не принимала душ. Она даже в Интернет больше не заглядывала, такой ядовитой стала жизнь вокруг. И эта жизнь ее отравила.

Врачи сказали, что с моей дочерью все будет в порядке. Доза, которую она приняла, недостаточна, чтобы отказала печень, — по иронии судьбы Кэсси будто пыталась уничтожить орган, который оказался бесполезен для спасения отца. И когда прекратится рвота и девочка достаточно окрепнет, ее можно будет забрать домой. Но забыть то, что она пыталась покончить с собой, будет уже невозможно.

А ведь я всегда гордилась тем, что вырастила замечательных детей. Хотя Кэсси не проявляла выдающихся способностей к учебе, на что надеялся Майк, зато была красивой, пользовалась популярностью в школе, казалась счастливой. Я только теперь поняла слова, которые мне в детстве постоянно твердила мать: «Гордость — это грех». Наказание за него сегодня — узнать, что все, чем я гордилась: брак, долгая дружба,

мой дом — обесценилось. Дом все еще стоял, но как будто бы заполненный следами крови, уличной грязи, а теперь еще и рвотой Кэсси.

Мать все отмыла к моему возвращению после бессонной ночи, проведенной в больнице. Она бросила на меня знакомый взгляд: быстрый и испуганный. Так во времена моего детства она смотрела после отцовских приступов ярости и избиений. В этом взгляде читался стыд. Я не сказала ни слова, просто нашла пижамы Кэсси и швырнула их в сумку. Почти все они были слишком открытыми и не подходили для больницы. Но я куплю другие, будет мне чем заняться, пока дочь не придет в себя. Попутно я заметила, что Кэсси сняла со стен все фотографии с Аароном, остались лишь призрачные следы скотча.

Мать подошла, и от звука ее шагов меня передернуло.

— Я и подумать не могла, — сказала она глухо.

— Ты оставила таблетки там, где она могла их увидеть. Все еще сидишь на этой дряни?

— Нет. Много лет уже не принимала их, Элисон. Это старая упаковка. Взяла на всякий случай, если станет совсем тяжело находиться здесь. — Она шумно вздохнула.

— Ты должна была заметить что-то ненормальное. — Я не глядела на нее. Меня затягивало в воронку ярости. Из-за Кэсси, но не только. Вообще из-за всего.

— Но я не знаю, что для нее нормально, — ответила она тихо, не обвиняя, а просто констатируя факт, и я истерично зарыдала, издавая звуки, похожие на зывание сирены скорой помощи.

Упав на колени возле кровати Кэсси, я исступленно причитала:

— Все! Больше не могу! Это уже слишком! У меня больше нет сил!

Неожиданно я почувствовала, что мать совсем рядом. Ее холодные пальцы — у нее было плохое кровообращение — коснулись моей руки, и к моему лицу прижался носовой платок, который она носила в руке.

— Всегда тяжело видеть, как страдает твой ребенок.

Я могла бы ответить: «Но ты это позволяла! Он бил меня, а ты выходила из комнаты!» Но вместо этого я взяла платок и молча вытерла лицо.

— Спасибо, что приехала. Я знаю, тебе это было нелегко.

Мать не ожидала от меня таких слов, и ее лицо сморщилось от сочувствия.

— Прости. Я все думаю, как же упустила, не было ли каких-то признаков... Хорошо хоть, что ее нашел не Бенджамин.

Я кивнула, собираясь с силами, чтобы встать. Сейчас я смотрела на мать снизу вверх, как в давние времена.

— Остановить того, кто решился на такое, невозможно, — произнесла я.

— Она, наверное, мучилась. Что-то случилось с ее парнем, да?

— Кое-что. — Я не могла ничего объяснить ей. На мгновение представила, как душу Аарона, сжимаю пальцами его крепкую шею. — Она не рассказывала мне всего, — добавила я.

У меня не осталось сомнений: что-то еще произошло той ночью, когда вся наша жизнь расплзлась по швам. Кэсси в пижаме крадется вдоль стены дома, пустота в ее глазах в ответ на мои расспросы...

Мать протянула руку и помогла мне встать, словно я была пожилой женщиной.

— То, что случилось с Майком, ужасно, — сухо сказала она. — И то, что сейчас происходит с Кэсси, —

тоже. Тебе нужна моя помощь, Элисон, и это нормально. Любому человеку в таких обстоятельствах понадобилась бы помощь.

— Да, — всхлипнула я, жалея, что не являюсь стойким оловянным солдатиком и барахтаюсь в старых трагедиях, а мать, столь далекая от меня, вынуждена быть мне опорой.

— Ну я здесь как раз для этого, — продолжила она твердым тоном. — Так что не благодари меня больше. Это я должна благодарить тебя за возможность познакомиться с внуками. Ты вправе ими гордиться.

Я могла многое сказать матери. Например, обвинить ее в том, что она способствовала разрыву наших с ней отношений, не захотев остановить меня тогда. Сейчас моя годами копившаяся злость могла выплеснуться наружу. Но это уже не имело смысла, поэтому я просто плакала, а мать на долю секунды сжала мои ладони своими худыми руками. Для нее это были почти объятия.

— Ты справишься, Элисон, — проговорила она. — Я так тебя воспитала, что ты справишься.

Я придумала повод уйти из дома, поскольку не находила себе места. Бенджи сел смотреть мультик «Лего Фильм», мать принялась протирать бокалы, которые в этом совсем не нуждались. Мне стало легче, когда я оказалась в торговом центре, где звучала ненавязчивая музыка, ходили туда-сюда люди, а воздух был прохладным от кондиционеров.

Их я увидела, стоя в очереди в кассу с простенькими пижамами для Кэсси. Семья, выбирающая детскую одежду: мать, отец, грудной ребенок в коляске и девочка лет трех.

Я узнала Джули Дин, которую последний раз видела избитой и плачущей в полицейском участке.

Сейчас она светилась от счастья и смеялась так громко и от души, как я не смеялась уже много лет. Мужчина положил тяжелую руку ей на плечи. Это был он, напавший на нее в приюте муж, из-за которого женщины и дети, крича, выбежали ночью на улицу. Тот, что схватил ее за горло и прижал к стене, угрожая ножом. Сейчас он выглядел хорошим парнем, и ничто не напоминало о произошедшем.

Я стояла, комкая в руках пижамы, и, перехватив мой взгляд, Джули отвернулась и прижалась к мужу.

Глава тридцать вторая

Кэсси не спала и, когда я вошла, нагруженная пакетами с одеждой и едой, посмотрела на меня тем же виноватым взглядом, что и моя мать.

— Дорогая! — Я устремилась к ней и хотела сжать в объятиях, но мне мешали трубки. Я отвела волосы с ее лица.

— Прости, — сказала она тихим голосом, задремавшим из-за желудочного зонда.

— Все в порядке.

Я не собиралась говорить, как испугалась, или умолять ее больше так не делать. Ни осуждение, ни стыд не помогли бы ей, а мне нужно было, чтобы она почувствовала себя в безопасности. Теперь как никогда было ясно, что стыд способен разесть до основания всю жизнь.

— Мама, я чувствовала себя такой одинокой и не знала, как лучше поступить.

— Может быть, расскажешь мне, что с тобой случилось тогда ночью?

Я почувствовала, как она напряглась, и поняла, что задела болезненное место. До сих пор мне никак не удавалось найти связующее звено между поведением дочери и событиями той роковой ночи.

Кэсси глубоко вздохнула.

— Это правда необходимо?

— Если ты расскажешь, я, возможно, сумею тебе помочь. — Хотя, за что я ни возьмись в последнее время, ситуация только ухудшалась. — По крайней мере, попробую. И тебе станет не так одиноко.

Она слабо улыбнулась.

— Это связано с Аароном? — спросила я.

Легкий кивок.

— Он заставил тебя что-то сделать?

Потихоньку, с трудом извлекая слова из своего поцарапанного зондом горла, как из глубоководных сетей, она рассказала мне еще одну историю, произошедшую в течение тех нескольких часов, которые навсегда сложили нашу жизнь.

Кэсси не составило труда выскользнуть из дома, ведь я легла, отец был очень пьян, а Бенджи крепко спал. Дом был полон взрослых, занятых собой. Выйдя на улицу в пижаме, шлепанцах и кардигане, она направилась в лес, где в темноте под деревьями ее поджидал Аарон. Туда почти не проникал свет фонарей с шоссе.

— Мне было страшно, — сказала Кэсси со стыдом в голосе. — Я все думала про фильм «Ведьма из Блэр», и это просто сводило меня с ума.

Моя девочка радовалась возможности сбежать из дома с царящим в нем бардаком и встрече с Аароном, но когда она попыталась рассказать ему о родителях и их скучных пьяных друзьях, он прервал ее поцелуем.

— Это даже не походило на поцелуй, — призналась Кэсси. — Он будто не давал мне дышать.

Мне знакомы такие поцелуи. Ими тебе словно приказывают: «Заткнись, дуручка!» А потом все завертелось очень быстро. Он забрался к ней под пижаму, стал стягивать шорты и грубо тискать.

— Прижимал меня и хватал. Было больно.

Сейчас я горько сожалела, что ранее не удосужилась поговорить с ней о сексе не с точки зрения биологии, а о том, каким ему следует быть. Девушка не должна чувствовать себя так, словно борется с грабителем или обсуждает условия контракта с тем, кто стягивает с нее

трусики. Ей не должно быть больно и страшно. Главное — ее собственное удовольствие. Обо всем этом я и понятия не имела в ее возрасте. И тогда, когда стала гораздо старше, — тоже.

— Он заставил тебя? — спросила я тихо.

Кэсси поморщилась:

— Я сказала ему, что передумала и не готова к *этому*, а он очень разозлился.

Я уже представляла, что сделаю, когда увижу в городе Аарона и его мать, эту мегеру с поджатыми губами и сумочкой от «Prada». Хватит ли мне выдержки пройти мимо, не набросившись на мелкого ублюдка?

— Милая, ты же знаешь, что означает, если он принудил тебя к чему-то против твоей воли?

Кэсси молчала, и я испугалась, не переборщила ли со своей феминистской нотацией. Но тут она произнесла:

— Джейк тоже так тогда говорил. Он сказал, что я не должна *этого* делать.

Джейк. Хотел защитить, а через пару дней зарезал ее отца. Какой во всем этом смысл?

— И?..

Она вздохнула и начала всхлипывать.

— Нет, он не заставил меня. И поэтому бросил. Если ты не соглашаешься на *это*, тебя бросают. Я его, типа, завела, сказала, что хотела сама... Вот почему позже я отправила ему ту дурацкую фотку. Чтобы показать, что хочу вернуть его и в следующий раз соглашусь.

Значит, моя дочь узнала то, что до нее узнали многие женщины. Иногда ты так умело притворяешься, что мужчина не догадывается о твоём страхе перед первым сексом или вовсе о нежелании его. И признаться в этом себе куда сложнее, чем кому-либо. Мне вдруг с опозданием стало ясно: я должна была встать на сторону Карен, и не важно, кого она обвиняла. Я знала

ее и представляла, что такое изнасилование, и если уж она отважилась признать себя жертвой, я должна была поддержать ее.

Вдруг меня будто хлестнуло мыслью:

— А куда пошел Аарон, когда ты отказала ему?

Она пожала плечами:

— Я не знаю. Он разозлился, я плакала... Когда я дошла до дома, услышала крики Карен.

— Сколько времени ты шла?

Кэсси снова пожала плечами:

— Не знаю, мне было плохо. Да, на это ушло какое-то время.

Итак, рядом с домом той ночью находился Аарон. Злой, отвергнутый Кэсси. Человек, о присутствии которого мы не знали.

Я наклонилась и поцеловала ее в холодный лоб:

— Мне пора, милая. Я скоро вернусь, хорошо?

Я ждала в машине возле школы. Пропустить его я не могла — в свои шестнадцать он был почти метр девяносто ростом, широкоплечий, как взрослый мужчина, и его светлые волосы сияли на солнце. Мои пальцы крепко сжали руль автомобиля, когда наконец Аарон прошел мимо. Я и понятия не имела, что он в ту ночь находился рядом с нами. Невероятно, однако я рассматривала и эту версию — а вдруг это он зашел в сад, обогнав Кэсси, и напал на Карен, никем не замеченный? Скорее всего, я просто спятила. Но и все произошедшее было безумно.

Я подумала, что надо сообщить констеблю Дивайну о новом возможном подозреваемом. Даже несмотря на мои прошлые замечания о признании Майка. Хотя констебль точно решит, что я помешалась. Пока я размышляла обо всем этом, поток детей закончился, и из ворот больше никто не выходил. Я завела мотор

и вывернула руль, чтобы отъехать от школы. Солнце, бившее прямо в глаза, на секунду ослепило меня.

Я подъехала к участку и оставила машину на одном из самых дорогих парковочных мест. Ближайший банкомат был из тех, где надо отправлять платеж с помощью сообщения, и я некоторое время провозилась с ним, с трудом справляясь с нетерпением. А потом побежала в участок и напросилась на встречу с констеблем Дивайном.

И вот я снова сидела за тем же ободренным столом, и мы с констеблем смотрели друг на друга. Сколько плохих новостей принес мне этот человек, и, как бы все ни разрешилось, я не сумею простить его. Я же для него была всего лишь одной из многих — надоедливой особой, которая докучала ему новыми подробностями, меняющими дело. Той, что бросила лучшую подругу и приняла сторону мужчины. Дивайн записал сведения об Аароне, но я видела, что всерьез он их не воспринял.

— Вы не думаете, что с этим надо разобраться? — спросила я.

— Миссис Моррис, вы серьезно предполагаете, что этот парень, Аарон, мог напасть на мисс Рэмплинг?

— Я... я не знаю...

Он отложил ручку и посмотрел на меня усталыми глазами.

— Миссис Моррис, в таких делах всегда мало доказательств, и по ним трудно выносить приговор. Но на этот раз у нас есть травмы мисс Рэмплинг, показания мистера Агарвала, видевшего их вместе, и анализы. Установлено, что обнаруженная сперма — от вашего мужа.

Меня взбесило, как по-медицински констебль произнес это слово — «сперма».

— Но они и занимались сексом в тот день. Возможно...

— Но других следов не обнаружили. И вы сами говорили, что он признался...

Адам был спокоен, но я чувствовала, как в нем поднимается раздражение, и не могла винить его за это.

— Да, конечно. Я просто передала вам его слова, но до конца не уверена, что он имел в виду...

Констебль молчал.

— Разве не важно знать о случившемся и о тех, кто там был, как можно больше? — спросила я.

— Важно.

— Вы займетесь этим?

— Я поговорю с Аароном, запишу его показания.

— Хорошо.

— Вам пора, миссис Моррис.

Я встала, сжимая сумочку, и Дивайн произнес более мягким тоном:

— Эли, мне жаль, что на вас обрушилось столько бед. Никто не хочет верить, когда подобное происходит с ним. Но такое случается. Вы понимаете? Случается.

Я не нашлась с ответом и вышла, стыдясь той, в кого превратилась. Или, что еще хуже, той, кем была всегда.

Глава тридцать третья

— Я могу остаться еще. Хоть на пару недель. Дома меня никто не ждет.

Мать складывала полотенца, которые выстирала и высушила, не посоветовавшись со мной.

Вместо того чтобы ощутить досаду за ее самоуправство, я вздохнула с облегчением: кто-то вместо меня занимался домашними делами. Когда на ее месте был Билл, я все время чувствовала себя обязанной.

Мать собиралась уехать завтра, а о Билле я до сих пор ничего не слышала. Даже не знала, в Англии ли он.

— Ничего, скоро ведь родители Майка приедут, так что...

Она с пониманием кивнула. Наши с Майком родители встречались всего один раз, на свадьбе. Мать с отцом чувствовали себя не в своей тарелке на роскошной церемонии, устроенной Моррисами; отец постоянно спрашивал, что сколько стоит, и его кустистые брови поднимались: «Пустая трата денег, Элисон».

— Прости, что не приезжала к тебе, — пробормотала я, схватив какое-то белье, чтобы не смотреть матери в глаза.

— Мы обе наговорили лишнего на похоронах отца, — откликнулась она.

Тогда Кэсси было десять, а Бенджи — пять. Карен приехала, чтобы помочь Майку, и теперь я знала, каким именно образом. Пока они занимались любовью, ее сын и наши дети спокойно спали за стенкой.

Похороны были более чем скромными. Отец рассорился почти со всеми соседями по маленькой грязной

улочке, где я выросла, да он и не дружил ни с кем никогда. Пришли две кузины, едва знавшие его, кое-кто из паба, пара коллег с прошлой работы. Священник произнес лживые слова о том, каким любящим семьянином был покойный, как помогал людям и шутил. Ничего такого не было и в помине.

После похорон, собирая вместе с матерью его поношенные вещи — свитера с дырявыми воротниками и потертые брюки, — я наткнулась на отцовскую курительную трубку, лежавшую на подлокотнике кресла. В нем он сидел вечерами, щелкая пультом от телевизора, и кричал на нас, если мы проходили мимо или слишком громко разговаривали. Мать сказала что-то вроде: «Он любил эту трубку, смотри не сломай», и тогда меня прорвало. Я обвинила ее в притворстве. Как она могла соглашаться, что отец — хороший человек, после всего, что он сделал?! Как могла слушать то, что говорили в церкви, зная, что наша с ней жизнь зависела только от его настроения и кулаков?! Как будто это не он сломал ей руку и пинал, когда она лежала, полуживая, на полу. Как будто он не оставлял отпечатки ладоней на моих щеках, не швырял в меня кружку с чаем, если ему что-то было не по нраву.

Она отвечала мне в таком же духе. Как я смела явиться и совать нос в их жизнь, порочить отца в день, когда его предали земле?! Тогда я схватила чемодан и, вылетев из дома, бежала оттуда на неудобных высоких каблуках, и мне было плевать, видят ли соседи слезы гнева на моем лице. А потом почувствовала облегчение. Отныне я была не обязана привозить к ней в гости детей, смотреть, как Бенджи взбирается по крутой, опасной лестнице или как Кэсси давится обедом из консервов, приготовленным матерью. Эта страница моей жизни перевернута.

— Прости, мама. Я не должна была всего этого говорить. По крайней мере, не в тот день.

Мать отмахнулась:

— Забудь, Элисон. Сейчас надо думать, как выбраться из нынешней ситуации.

О да, разбираться было в чем! Кэсси вернулась домой из больницы, но отказывалась выходить и с кем-либо встречаться. Моего мужа через несколько дней ждет трансплантация, Джейк все-таки согласился отдать ему часть своей печени, и теперь у того есть смягчающее обстоятельство; и если Майк очухается, я увижу их с Карен в суде. Где мне придется сказать, что мой муж изнасиловал мою лучшую подругу, пока я спала...

Я скажу, что он признался мне, — ведь такую цену я уплатила за его жизнь. Ничего остановить или изменить уже невозможно, почти все мои прежние потуги только ухудшали положение дел. Наконец настало время сдать. Надеюсь, о моей безумной попытке свалить все на Аарона Карен не узнает. Последняя отчаянная мера. Но результаты теста ДНК заставляли меня взглянуть правде в глаза.

Когда мать пошла на кухню, чтобы приготовить чай, там зазвонил телефон, и я услышала, как она ответила: «Дом Моррисов». В тот же миг во мне шевельнулось чувство признательности. Я подумала, что мы, вероятно, еще сумеем спасти наши отношения. И если подобные надежды означают, что прежняя Эли не умерла, — возможно, это тоже неплохо.

Мать с обеспокоенным лицом появилась в дверях, прижимая к груди телефонную трубку:

— Это медсестра.

— Что-то с Майком?! — вскочила я.

— Нет, из Лондона. Насчет родов миссис Макинтош.

Конечно, лучше, чем переживать за других, мне следовало бы заниматься собственной семьей. Но я помчалась в Лондон, ведь теперь, когда Карен возненавидела меня, моей самой близкой подругой являлась Джоди. Кроме того, дома оставалась моя мать, которая проследит, чтобы Бенджи вовремя ел и делал домашние задания, и не поверит Кэсси, если та скажет, что не голодна.

Через два часа я уже сделала пересадку с «Лондон Бридж» на «Ватерлоо» и поехала в больницу Святого Фомы.

1993

Первый раз я соврала полиции в двадцать один год, через два дня после ужасной смерти Марты. Да, мы не дружили с ней, но принять, что молодая веселая девушка мертва, непросто. Мы все были в шоке, к тому же через несколько дней нам предстояло разъехаться. В холле университета было столько объятий и слез, в то время пока смущенные родители ждали нас возле перегруженных вещами машин.

Мои отец и мать узнали о случившемся из новостей, и мать позвонила сказать, что они приедут за мной через день. Угрозу отца выкинуть меня из дома и его пощечину она проигнорировала, как обычно и случалось у нас. Все произошедшее будто замели под ковер.

Я сомневалась, что меня захотят допросить. У полиции и так было много хлопот, и все мы уверенно полагали, что, когда окажемся дома — кто в Уэльсе, кто в Суррее, — туда к нам никто не поедет. Конечно, Марту убил кто-то чужой, проникший в колледж, охранявшийся слишком слабо, к тому же в саду не было камер. Возможно, преступник перелез через стену, а поскольку всю шел бал, никто ничего не заметил.

Когда пришла моя очередь давать показания в кабинете тьютора, я долго не раздумывала. Моя задача — помочь Майку, и поэтому я не считала, что говорю неправду. Джоди же сказала, что всю ночь была вместе с Каллумом, так что ничего плохого я не сделала. И все равно, стоя у дверей, потела от волнения. В джинсах и футболке с портретом принцессы Ши-Ры я выглядела совсем не так, как позапрошлой ночью. Я снова стала прежней Эли, и мои проблемы и надежды опять были со мной, как носки, постиранные утром.

Пока я ждала у дверей, оттуда вышел Билл. С того утра после бала мы еще ни разу не разговаривали.

— Привет, — сказала я.

Он молча кивнул в ответ.

— Они спрашивают про Майка и Каллума?

— Да. А ты собираешься сделать это? Сказать так, как он попросил?

Мне не понравилось, как Билл произнес слово «это».

— Просто скажу, что мы гуляли.

Я уже переговорила с Карен, предупредив ее о том, что именно хочу сказать, во избежание нестыковок. «Чтобы быть на одной волне», — повторила я слова Майка. Она не возражала. Где сама Карен провела почти всю ночь, я так и не узнала.

Билл, опустив голову, смотрел на ковер. Гул голов доносился сюда со двора. Солнце, проходя сквозь оконные стекла, рассыпало бриллианты света у наших ног.

— Мы отсутствовали несколько часов, Эли, — напомнил он.

— Ну не так уж и долго.

— Ушли в четыре часа. Я слышал, как бил колокол.

— Нет, не может быть! Я смотрела на часы в холле, когда мы выходили.

— Ну конечно, Эли, — произнес он с такой горечью, что я попятилась.

— Но что мне делать? Это ведь наши друзья. Я не хочу, чтобы они влипли в неприятности. Какой-то незнакомец из города пролез в сад, и...

— Марта мертва, Эли, — перебил Билл. — Не кажется ли тебе, что она заслуживает правды?

— Но это — правда. Я не знаю точно, в какое время мы ушли, знаю только, что было поздно.

Билл смотрел на меня.

— Ты не обязана этого делать. Я тебе помогу. Понимаю, тебе страшно за его будущее, но не надо бояться.

Минуты тянулись бесконечно. Я уставилась в пол и думала, думала... Мне и раньше уже приходил в голову вопрос, зачем мне выгораживать Майка, если он все время вел себя со мной нечестно. Но я потратила годы, чтобы заставить его желать меня, не имея ни рычагов воздействия на него, ни влияния на наши отношения. И сейчас, когда у меня наконец появилась хоть какая-то власть, я не могла от нее отказаться.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сухо обронила я.

— Ладно, Эли. Делай, как решила. — Он направился к лестнице.

— Подожди! А что ты сказал полиции?

Билл уже спускался по ступенькам, лицо его было суровым.

— Не волнуйся, Эли. Ничего такого, что ты не сможешь оспорить.

Мне опять не понравился тон, которым это было сказано.

Он скрылся из виду прежде, чем я успела что-то ответить. Позже я узнала, что Билл уехал на поезде в Харвич, а оттуда на пароме уплыл на север, и больше

я не видела его вплоть до свадьбы Джоди и Каллума. А потом — только на нашей встрече выпускников, тогда, когда напали на Карен.

— Входите, входите.

В комнате меня ждали девушка с каштановыми волосами, зачесанными назад, и пожилой седовласый мужчина, который выглядел точь-в-точь как чей-нибудь папа. Наверное, его выбрали умышленно: многие хотели бы, чтобы с такими случаями разбирались отцы, кроме меня, конечно.

Я села, нервно спрятав ноги под стулом. Чувствовала себя так, будто пришла на семинар не подготовившись. Они сверились со своими записями.

— Элисон, я так понимаю, в то утро, когда обнаружили Марту, вы ушли из колледжа перед рассветом, — сказала девушка.

Я подумала, что нашли уже не Марту, а лишь ее тело. Она умерла, и ничто не вернет ее.

— Да, погулять. С другом. С Биллом. С тем, который...

— С Билялем Агарвалом?

— Мы называем его Биллом. — Я никогда не задавалась вопросом, почему, собственно, мы, самые близкие друзья, не зовем его настоящим именем.

— Элисон, мы позвали вас, потому что, насколько я понимаю, Майкл Моррис — ваш близкий друг.

— Да. Мы все дружим.

Я потеряла ладони, холодные и влажные.

— Вы и Майкл встречаетесь?

Требовалось очень хорошо сыграть свою роль, хотя я и не знала почему.

— Нет-нет. Не особенно. Мы просто дружим.

— Значит, он не был против того, чтобы вы ушли гулять с Билялем? — спросила она.

Я не представляла, чтобы Майк возражал против каких-то моих действий. Интересно, он разозлился, когда узнал, что я ушла? Может, выпил больше обычного?

— Мы все дружим, — повторила я.

— Где вы последний раз видели Майка перед тем, как ушли?

Я прищурилась:

— Думаю, на лужайке, где он брал себе выпить. Там было очень много людей, но мне хотелось пройтись, посмотреть восход солнца.

— Уверены, что видели Майка?

— Да, уверена.

Так и было. Мы ведь даже поссорились тогда. Только когда именно это произошло, я не помнила.

— Время можете назвать, Элисон?

— Точное — вряд ли... Может быть, за час до того, как мы вернулись и колледж закрыли.

Полицейские переглянулись.

— Биляль думает, что вы гуляли дольше.

— По-моему, нет. Уже светало. — Мне казалось, что так и было, что я говорю правду.

Они снова переглянулись, и мое сердце упало. Однако опровергнуть меня они не смогут, ведь я предупредила, что не уверена. Каждый волен думать и предполагать что угодно. Я отбросила воспоминания о прекрасной Марте в белом шелковом платье, о ее хрупкой руке, покрытой синяками...

— А вы хорошо знали Марту?

Это была более безопасная тема, я почувствовала себя так, словно, барахтаясь на глубине в море, внезапно нащупала под ногами песчаное дно.

— Не особенно. Она была очень милая. Но мы не дружили... — Я закусила губу. — То, что случилось, ужасно.

— Вы не видели, случайно, не употребляли ли ваши друзья наркотики?

— Боже, нет! Мы этим не занимаемся. Я никогда не пробовала их.

Здесь я сказала правду. Неужели в преступлении замешаны наркотики? Может быть, Марте что-то подсыпали в бокал? Нас предупреждали, чтобы мы не оставляли свои напитки без присмотра и не брали никаких угощений от незнакомцев. Однако таковых на балу не было.

Кроме преступника, который перебрался через трехметровую стену и убил Марту.

— А она что... Из-за этого?

Если бы она умерла от передозировки, никого бы не обвинили в убийстве. Передо мной словно забрезжил свет: вдруг никто не убивал Марту, и я ничего плохого сейчас не делаю...

Мужчина посмотрел на меня.

— Марту задушили, Элисон.

— О... — Я ощутила тошноту. — О господи, какой кошмар!

Полицейские выглядели усталыми, они как будто уже сдались. Меня спросили, где я собираюсь провести лето — в проклятом Халле, где же еще! — и отпустили. Выйдя на лестницу, я увидела Майка. Он ждал меня, и его лицо выдавало беспокойство.

Я спускалась по ступенькам очень медленно, как королева. И чувствовала: сейчас произойдет нечто очень важное, возможно то, что определит всю мою дальнейшую жизнь.

— Ну? — с тревогой спросил он.

— Все будет хорошо. Вряд ли они знают, кто убил Марту.

— Полиции известно, что я был с ней...

Он явно чего-то недоговаривал, но это сейчас не имело для меня значения.

— Все нормально. Я сказала, что видела тебя, но не с ней.

Он шумно выдохнул:

— Черт! Спасибо, Эли. Мне просто нельзя иметь компромат в личном деле, если я собираюсь в юристы. Ты даже не представляешь, как много для меня сделала!

Я оглядела лужайку, шурясь от солнечного света. Последний раз я спустилась по этой лестнице, ступала по этой траве. Все заканчивалось.

— Можно мне снимать жилье вместе с вами? — вдруг спросила я. — Я не могу остаться дома. Из-за отца...

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Там всего две спальни, Эли.

— Я знаю.

Именно в этот момент между нами было все решено — почти двадцать лет брака, двое детей, этот нелепый дом... вся наша жизнь, которую запустила маленькая ложь, даже почти и не ложь.

Майк снова молчал. Я просила так много, что мне следовало бы трястись от страха, но я чувствовала себя очень сильной.

— Я поговорю с Каллумом, — наконец произнес он. — Думаю, будет неплохо поделить арендную плату на троих.

Глава тридцать четвертая

Войдя в палату, я застала Джоди плачущей. Она лежала в кровати, ее ноги были неуклюже вывернуты, как у тряпичной куклы, лицо покраснело. Она тихо постанывала, как человек, который так долго кричал, что у него почти не осталось сил.

— Ты здесь! — всхлипнула она. — Я была совсем одна!

На ее одежде виднелись пятна крови.

— Все хорошо, — сказала я, хотя понимала, что сейчас мы более чем далеки от чего-то хорошего. — А где Каллум?

Не может же он торчать на работе, когда его жена рожает!

Джоди снова застонала, ее опухшее лицо побледнело.

— Мы поссорились. До него не дозвониться. Боже мой!

— Успокойся.

Она с трудом села, и я принялась потирать ей спину. Это записано в женских ДНК — умение массировать спину друг другу. Так делали еще пещерные женщины. Мы никогда не были близки с Джоди, очень редко обнимались, держались за руки и целовались в щеку, но сейчас мои прикосновения на нее действовали. Скованные мышцы постепенно расслаблялись. Джоди была одета в сине-белую полосатую рубашку, явно принадлежавшую Каллumu. Почему? Для самоуспокоения, чтобы показать, как сильно она его любит? Чтобы чувствовать с ним связь во время родов, когда

его нет рядом? Или потому, что Джоди действительно любила мужа?

Как же долго она ждала этого момента, который у нас с Карен случился шестнадцать и восемнадцать лет назад! Мы никогда точно не знали, отчего эта пара никак не заведет ребенка. Слышали только кое-что вскользь от Майка: о проблемах с фертильностью, о неоднократных попытках, а также обращенные к нему странные подколы Каллума: «Ты настоящий мужик, дружище!»

Джоди иногда аккуратно спрашивала о диетах и акупунктуре. А когда мы вместе ездили в Корнуолл — в 2007-м... или в 2010-м? — то остановились возле супермаркета, и Джоди вышла из него с непроницаемым лицом, держа в руке маленькую коробочку с тестом. Джемпер сильно стягивал ее талию. Она отказывалась купаться, несмотря на двадцатисемиградусную жару и прекрасное море, переливавшееся голубым, зеленым и фиолетовым. Мы многого не знаем о своих друзьях. О многом не спрашиваем.

— Где же медсестры? — спросила я, оглядываясь в поисках звонка или телефона. — Тебе должны дать обезболивающее.

Она покачала головой:

— Нет. Не хочу. Боже! Это всегда так больно? Это когда-нибудь кончится?

Я уже почти не помнила, как вела себя во время родов. Майк был так горд. Он гордился мной. Всегда ли я знала, что мне надо держаться за него? Замечала ли, как Джейк ловит взгляд Майка, когда тот ерошит ему волосы? Потом я подумала о Карен, которая родила сына незамужней, в двадцать с небольшим...

Какие мы все были тогда молодые и глупые! Собрались у больницы, словно пришли на вечеринку. Каллум принес фляжку с бурбоном и передал ее по кругу. Разве ни у кого из нас не было работы, обязанностей? Мы

просидели в ожидании весь жаркий летний день, пока не стемнело. Потом нас наконец позвали, и мы увидели Карен, чисто умытую, ненакрашенную, в больничном халате. Она держала младенца в короне из темных волосиков, который уткнулся ей в грудь. Ее лицо светилося гордостью, теперь она отличалась от всех нас, будто отправилась в путешествие, откуда нельзя послать открытку. В тот миг я поняла, что тоже должна обладать таким счастьем.

Майк поспешил к постели Карен, таща меня за собой. Джоди уже ворковала над ребенком, наверное думая, что через пять-шесть лет у нее будет свой. Она не торопилась. Каллум, уже сильно пьяный, даже прослезился.

— Черт, Кар, ты отлично справилась! Настоящий солдат! — воскликнул он.

А Билл в то время уже был далеко от нас, в Швеции.

Я сказала Майку, тянувшемуся к этой новой маленькой жизни:

— Я тоже хочу ребенка.

Он смущенно оглянулся — неужели подозревал, что это его малыш? Может, мы каким-то образом чувствуем родную кровь? Но нет, я должна верить, что он сделал бы для Джейка гораздо больше, если бы знал...

— Я тоже хочу ребенка, — повторила я спустя четыре месяца, когда обручальное кольцо уже сияло на моем пальце. Еще недавно я дулась на Карен, которую вырвало прямо на нашей свадьбе; ее животик выпирал из всех платьев подружки невесты, которые я выбирала. На моем девичнике она не пила, и все вокруг только и судачили о том, кто отец ее ребенка. Она же намекала на какое-то свидание на одну ночь. А я, наверное, была слишком занята собой, чтобы вникать.

О таком не принято говорить, но свадьба становится лицензией на восхитительный эгоизм, и маленькая

самовлюбленная дива, дремлющая в каждой женщине, получает свободу. Она заявляет девушкам: «Потом вы станете никому не интересны, после свадьбы — все, конец», и поэтому невесты так ценят этот день, когда единственный раз в жизни обретают значимость.

Вдруг мне стало очень жаль Карен. Родила одна, привезла ребенка домой одна. Его отец приходил к ней, но при этом был женат на другой. И вел себя так, словно Джейк никак не мог оказаться его сыном...

Но ведь Майк должен был знать, что такая вероятность есть!

— Нужно найти Каллума, — сказала я, когда Джоди снова застонала. — Его место — здесь. Где же он, скажи на милость?! — Неужели мне придется идти на роды с Джоди? — Ты не можешь дозвониться? Но где-то он должен быть, я сейчас сама позвоню...

Она снова помотала головой:

— Он ушел. Говорит — это не его ребенок.

— Что?!

Джоди никогда не изменила бы ему. Это просто не такой человек. Отклониться от идеального для постов в «Инстаграме» семейного счастья — нет. Джоди слишком далека от этого.

— Донор... — выдохнула она, и тогда я все поняла.

Сразу всплыли в памяти замечания Каллума про автотомат со спермой и другие шуточки. Вот откуда внезапная беременность после стольких лет неудачных попыток. Они, оказывается, взяли сперму у донора.

— У Каллума проблемы?

Зря я спросила, это нетактично, но мне после всего произошедшего было плевать на этикет.

— Ничего не выходит *оттуда*...

Я поняла, о чем речь, но ей хотелось высказаться:

— Он может провести половой акт, но спермы не бывает.

На мгновение я подумала о страданиях Каллума, о муках Джоди — и поняла, что переживать еще и за них уже не в состоянии.

Она снова заплакала, а я заставила себя сосредоточиться. Если я и научилась чему-то за эти недели, то это признавать поражение. Невозможно спасти всех. Нужно выбрать кого-то одного и спасать его, а про остальных забыть. И я выбрала Майка. Оставалось только надеяться, что все мои жертвы не напрасны, что он их стоит, что в конце концов я спасу его. Больше во мне не осталось места для сомнений и страхов.

Я твердо пообещала:

— Я найду его, Джоди. Где он может быть, как думаешь?

Она вздохнула:

— Не знаю... Дома, наверное.

— Тогда я — туда. Это ненадолго. На часик. Но сначала я должна быть уверена, что о тебе позаботятся.

— Я уже позвонила Карен, — пропыхтела она. — Прости, но я совсем отчаялась.

Карен едет сюда, и мне снова придется с ней столкнуться!

— Ничего страшного, — успокоила я Джоди. — Мы потом с этим разберемся.

Джоди подняла на меня благодарные глаза, и я испытала облегчение. Все это время я ждала того, кто мог бы взять на себя ответственность за происходящее. Похоже, этим кем-то пришлось стать мне самой.

Глава тридцать пятая

Я знала номер телефона Карен наизусть, ведь она была моей лучшей подругой. Я считала ее частью себя, своей сестрой, даже ближе чем сестрой. Раньше во всех случаях, когда я не знала, как поступить, я советовалась с ней.

Я спустилась в больничное фойе и набрала ее номер по городскому телефону. Здесь было самое подходящее место для того, чтобы ждать, когда сдвинутся континентальные плиты жизни. Все люди занимались тем же, сидя с пластиковыми стаканчиками в руках, стоя или меряя фойе шагами, глядя в телеэкраны с новостями — единственными огнями в надвинувшейся тьме. Я прислонилась головой к холодному телефонному аппарату. Буду ли я снова счастлива хоть когда-нибудь? Довольной, бодрой, полной надежд? Начну ли я снова себе нравиться?

Поскольку звонок шел не с мобильного, Карен не могла знать, что это я. Говорить со мной она бы не захотела, в этом я была уверена. Ее «алло» прозвучало глухо и настороженно. Раньше и дня не проходило, чтобы я не слышала голоса Карен. С разговора с ней начиналось утро, им заканчивался день. Мы в шутку называли друг друга «женушками», и более близкого человека, чем она, у меня не было. На заднем плане слышалось объявление о прибытии поезда. Значит, Карен уже едет сюда.

— Кар?

Она прекрасно поняла, кто это, она тоже знала мой голос.

— Это я. Извини, что звоню тебе, но Джоди рожает, а Каллум ушел в «самоволку». И... я кое-что выяснила. Не знаю, как объяснить. Ребенок не от него, поэтому у Каллума нервный срыв. Звонила ему и на мобильный, и домой, он не отвечает.

Карен молчала, но я чувствовала, что она внимательно слушает, и продолжила говорить, пытаясь по деликатнее передать ошеломляющую информацию, которую узнала:

— Джоди сказала, что он не кончает. Не может. Думаю... Не знаю, что и думать. Он просто сошел с рельсов. Пока ты будешь сидеть с Джоди, я сгоняю к ним, вдруг он там. А потом вернусь.

Помолчав, она ответила:

— Я буду через час.

Выйдя из больницы и вызвав такси, я поблагодарила Бога, что таксисты теперь принимают к оплате карты, поскольку у меня не было наличных, и отправилась в Пимлико³¹.

Белый дом сиял в лунном свете, но ни одно окно не горело. К счастью, шторы на кухне не были опущены, и я смогла заглянуть внутрь. На столе стояла распечатанная бутылка виски. Я изо всех сил нажала на дверной звонок, но никто не открыл. Тогда я вспомнила про боковой въезд, и ворота оказались не заперты. Крадясь к задней двери, я подумала, как легко проникнуть в жизнь большинства людей. Мы слишком доверчивы и думаем, что все наши замки надежны, воспринимая это как должное, пока не случится беда.

Я повернула ручку, и дверь открылась.

— Привет! — сказала я, входя.

³¹ Престижный жилой район Лондона.

Никого. На кухне царила чистота, на сушилке стояла одна кружка. Наверное, Джоди вымыла ее перед тем, как отправиться в больницу. Очень похоже на нее.

Я прошла по коридору. В доме тихо, но из-под двери «норы» хозяина — комнаты, где он курил, читал и угощал друзей выпивкой, — пробивалась полоска света.

— Каллум! — постучалась я.

Конечно, он был там. Полулежал в кресле с большим стаканом виски в руке. Похоже, Каллум даже сейчас думал, как должен выглядеть со стороны: мужчина, выбравший правильный напиток в момент эмоционального срыва. Я стояла и ждала, пока он сфокусирует на мне взгляд.

— Эл, — сказал он без всякого выражения.

— Джоди рожает. Она в больнице Святого Фомы.

Он кивнул, покачивая в руке стакан. Нравился ли ему виски, или он только притворялся?

— С ней все будет хорошо, — прогудел он.

— Ну, вообще-то, не факт. Ей сорок два, это беременность с повышенным риском. Мне не хочется верить, что ты сбежал. О чем ты только думал?

Этот вопрос заключал в себе многое, и Каллум не ответил на него. Он казался усталым и каким-то пришибленным.

— С ней все будет хорошо, — повторил он. — Вряд ли я ей нужен.

— Конечно, нужен! Надо, чтобы кто-то проследил за ходом родов, убедился, что все идет по плану...

— От меня нет никакого толку, я ничего не понимаю в младенцах. И это даже не мой ребенок.

Он произнес это как-то мимоходом, словно был уверен, что я уже знаю. Но подозревала ли я что-нибудь до признания Джоди? Карен говорила: «Думаю, они что-то делают». Это «что-то» могло означать разное — хирургическое вмешательство, чашку Петри, донора спермы.

— Конечно, твой.

Я опустила в кожаное кресло напротив него, решительно настроенная не впадать в панику, быть краткой и деловой.

— Я серьезно, Эли. Нет патронов в стволе. Работает, но вхолостую. Баки сухие.

— Ты имеешь в виду, что вы использовали донорскую сперму?

Он отхлебнул виски и скорчил гримасу:

— Нашли какого-то немецкого парня. Вырастет у нас блондин, который будет прекрасно ездить на велосипеде. Ну и лежаки нам станут уступать на пляже.

— Каллум, многие люди так делают. Это не значит, что ты не... что это не... Так или иначе, ты нужен Джоди. Ей больно и страшно. Сейчас ты должен быть с ней.

Его глаза превратились в щелочки, налитые кровью, будто он неделями не высыпался или долго курил травку.

— Не нужен я ей. Никому не нужен. — Он вздохнул, то ли с сожалением, то ли раздраженный моим тугодумием. — Эли-Эли. Ты ведь уже знаешь. Ты знаешь и поэтому пришла. — Его голос почти усыплял.

— Знаю что?

Снова вздохнув, он продолжал тонким голосом:

— Что я сделал. Я все ждал, когда они за мной придут, но они не приходили.

Сердце заколотилось так, будто изнутри меня лупили кулаком.

— Каллум...

Снова я мысленно перенеслась в прошлое, когда окровавленная Карен ввалилась в кухню и я поняла, что все изменится. Такое же чувство возникло у меня теперь. Я смотрела на Каллума, своего старинного друга, а думала о джемпере, найденном моим сыном

в куче веток и спрятанном в ящике с игрушками. Некогда джемпер был ярко-красным, а сейчас он грязный, в трухе и колючках.

Полицейские считали, что Майк спрятал его, боясь, что на нем обнаружат улики. Но мой муж был недостаточно трезв, чтобы такое провернуть. Кто-то другой сделал это. Джемпер валялся на крыльце. Его видели в темноте и Карен, и Билл. Но когда я нашла Майка на качелях, он был без джемпера. Кто-то другой мог надеть его.

Кто-то другой мог сделать это с Карен.

Каллум

Сознание — странная штука. Еще тогда, в университете, он пользовался этим в качестве оправдания своих нелицеприятных поступков: «Я был пьян, прости, приятель, не помню». Оправдания опрокинутой кружке пива, тому, что бросил всех, что приставал к девушке на танцполе: «Прости, прости, я ничего не помню, все как в тумане, я отключился». Но тогда это было неправдой, он не отключался настолько, чтобы ходить, говорить и что-то делать, а потом не вспомнить ничего. Теперь, спустя много лет, когда он прятал бутылку с виски в коробке с перчатками, а вторую бутылку — в ящике стола, когда каждый вечер после работы заходил в бар выпить, он понял истинное значение слова «отключка». И кто мог осудить его за стремление к чему-то большему, если Джоди встречала его в старом халате с потрескавшейся маской на лице и морщилась: «От тебя воняет спиртным». Она стала очень чувствительной к запахам, наконец забеременев.

Изменилось и другое. Когда он обнимал ее в постели, размягченный выпивкой и желающий «наладить мосты» между ними, она отворачивалась со словами:

«Я не хочу навредить малышу. Я устала». А еще каждый день она находила миллион изощренных способов напомнить ему, что ребенок, которого она носит, — от другого.

Каллум много думал об этом другом. Немец, тридцати семи лет — это все, что им было известно. Каллуму он представлялся высоким блондином с накачанным торсом. Сходным образом он воображал и Билла: обнаженным по пояс, на фоне соснового леса. Джоди всегда слишком нравился Билл, как и другим девушкам: «Он такой милый. Он умеет слушать...» Еще бы! Очень легко слушать, когда нечего сказать. Потому что чувства юмора нет. И теперь кто-то наподобие станет отцом его ребенка.

Каллум будет баюкать могучего малыша-викинга, который с годами перерастет его, своего отца. Он уже представлял себе фотографии с выпускного: темноволосый невысокий папаша и рядом рослый блондин. Люди поймут, что это не его сын, станут смеяться над тем, что он — не мужик: даже не смог обрюхатить свою жену. Когда парню исполнится восемнадцать, возможно, ему разрешат узнать, кто его биологический отец. А до того Каллум будет растить, воспитывать, обеспечивать, а потом, уже выросшего, забирать с дискотек, когда тот выпьет лишнего. Несправедливо!

Когда Каллум рассказал об их планах своим родителям... Вернее, рассказала Джоди, она была очень воодушевлена, а может, хотела дать понять, что в неудачных попытках забеременеть виновата не она, мать воскликнула: «О, замечательно! Прекрасно, что в наше время делают такие вещи!»

Отец промолчал, но позже в саду, когда Каллум при-
творялся, что стрижет траву, сказал ему:

«Не понимаю, как ты решился. Ведь это чужой ребенок».

«Он будет моим», — ответил Каллум, но без особой уверенности.

«Но ты всегда будешь знать, что нет», — заметил отец, чем вызвал у сына приступ привычных чувств — обиды и ярости.

Каллум будто снова стал маленьким и глупым. Теперь он мог бы дважды купить родительский дом, но знал, что никогда не сравнится с отцом, потому что не умеет чинить, строить и... эякулировать. Каллум ничего не сказал, но слова отца сделали свое дело: они поселились в голове и бурлили там, как вода в реке под тонким слоем льда. Лишая покоя.

И вот настала *та* ночь. Он увидел Карен, такую манящую, с голыми ногами, все еще сексуальную, особенно рядом с похожей на кита Джоди и правильной Эли. Эли всегда была хорошей девочкой. А Джоди, несмотря на спокойный характер, раньше проявляла свою страстную натуру. До того, как отсутствие детей не убило между ними все. До того, как она поняла, что от его члена нет никакого толку. Когда *той* ночью он забрался в кровать, она зашипела на него. Да, буквально зашипела — такое у нее к нему было отвращение:

«Лучше вообще не лезь в постель, когда пьян. Ребенку вредно, если я просыпаюсь».

«Ну и где я должен спать?» — как пискляво и жалобно прозвучал его голос! Отец бы ударил жену за такую наглость.

«Мне плевать! Спи на диване. Спи в саду. — Она бросила на него презрительный взгляд: — Спи с Карен. Кажется, этого ты хочешь. Хотя она, скорее всего, — нет».

Эта последняя фраза ранила Каллума. Его жену, даже растолстевшую и беременную, не волновало, что ее мужа могут захотеть другие женщины. Но никто его

не хотел. Он вынужден был платить женщинам за внимание к себе, тем или иным способом.

Он знал, что Карен и Майк в колледже встречались. Они даже не пытались скрывать этого. Только Эли не замечала или не хотела замечать, поглощенная книгами и всякими студенческими делами. Они обжигались в углах клубов, исчезали с вечеринок и через час появлялись по отдельности, сияющие и взъерошенные. Майки заполучил сразу двух — самую сексуальную и самую приятную девушку курса. Ужасная несправедливость!

Позднее Каллум думал, что у этих двоих все в прошлом. А потом на совместном обеде с Майком аж вспотел, обдумывая, как сказать тому, что у него нет денег. Сумму, которую старый приятель давно одолжил ему для залога, он хотел вернуть с премиальных, но уже два года их не получал: приходил на работу пьяным. А еще заплатил двум девушкам, работавшим в офисе, чтобы не возникали и не трепались... И все это время Каллум продолжал надеяться, что все наладится, деньги потекут к нему рекой и он сумеет расплатиться с Майком, но этого не произошло.

Во время обеда Майк пошел в туалет, оставив мобильник на столе. И тут случилось чудо. Оказалось, что Майк, купив новый телефон, не успел наладить настройки приватности. На экране высветилось сообщение от Карен с вопросом о встрече. Очень краткое, но Каллуму был хорошо известен язык любовных интрижек, ведь он встречался с женщинами на стороне. Небольшое продвижение за оказанные услуги. И все понимали, чего ожидать друг от друга.

Когда Майк вернулся, Каллум сказал: «Тебе надо заняться настройками приватности, приятель. Не думаю, что ты хочешь, чтобы Эл это увидела». И с удовольствием наблюдал, как Майк покраснел и начал

запинаться. О, это было очень приятно. «Не волнуйся, приятель. Я не скажу. Мы ведь друзья». Денег, взятых в долг, он не принес и без зазрения совести позволил Майку заплатить за них обоих. Было так хорошо, что захотелось еще чего-то подобного. Это не шантаж, конечно нет. Они же старые друзья. Просто ему нужны деньги, а у Майка они есть. Вот и все.

А потом была *та* ночь встречи выпускников... Она промелькнула незаметно, увязнув в старых шутках, повторявшихся до тех пор, пока из них не испарился весь смак. Он чувствовал себя старым и усталым, и к нему пришла твердая уверенность, что больше они вместе не соберутся.

Шестеро друзей, которые так и не расстались, в то время как многие теряли друг друга из виду; два брака, укрепившие этот союз, и Карен, которой собственной личной жизни так и не досталось. Это он понял сейчас, и ему было по-своему ее жаль. Ей непросто смотреть на Эли, выставившую напоказ успехи своих детей и цену нового дома: «Мне не стоит этого говорить, я ненавижу хвастаться, но ведь с ума сойти можно: почти миллион! Вы можете в это поверить?!» Карен вымученно улыбалась, наверное вспоминая ту дыру, которую снимала в Бирмингеме.

Все, особенно Джоди, пытались свести ее с Биллом в университете. Словно в глупом ситкоме, где персонажи в финале должны разбиться по парам. Почти по-шекспировски, почти кровосмешение — словно, кроме их компании, в мире больше никого не существовало.

Та классная шведская птичка, с которой приезжал Билл, была сексуальна, но Каллуму не понравился ее холодный, оценивающий взгляд. И она на пятнадцать сантиметров выше. Женщины не должны быть выше мужчин!

У Карен иногда появлялись какие-то мужики. Например, водопроводчик. Каллум с Майком очень позабавились, спросив его о системе налогообложения и слушая, что тот мямлит в ответ. А потом — лектор. Он был получше, но староват, седой и с морщинами вокруг глаз. Понятно, что Карен хотела кого-то другого. Она хотела Майка, но не получила. Каллум раньше самой Карен узнал, что Майк решил порвать с ней. Бедная сучка. Чертова бедная, глупая сучка!

Может быть, поэтому Каллум, вернувшись из туалета, последовал за ней по саду. Билл уже ушел, а Майк успел заснуть на качелях — жалкий убудок.

Темнота висела такая, какой никогда не бывает в Лондоне, к тому же становилось прохладно. На крыльце валялся джемпер Майка, и Каллум натянул его без спросу. Джемпер был мягкий, дорогой — опять Майки разбазаривал наличные. А глупая телка Карен в слезах шаталась по лужайке, заламывая руки, пьяная. Ему стало жаль ее, и, сам не поняв зачем, он двинулся за ней — может быть, чтобы обнять и разделить боль?

«Эй, Кар, я знаю, каково тебе! Майк — гад, которому всегда только розы достаются, что бы он ни делал. Моя жена зачала от спермы какого-то викинга, а я — рухлядь. Я плачú женщинам, чтобы они трахались со мной» — такие слова крутились у него в мозгу.

Может быть, он думал, что Карен в отчаянии. В прошлом она не раз шокировала их своими выходками, и они не уставали ее подкалывать этим... Может быть, он думал обо всем этом, когда положил ей руку на шею. Как испуганной лошади, чтобы успокоить. Он не помнил, что случилось потом. Следующее воспоминание: он лежит на диване, все кричат и Карен вопит на кухне. Он чувствовал: есть что-то еще, и оно прячется, как жуки внутри поленницы, и он не хочет видеть этих жуков.

На другой день они отправились домой на машине. По молчаливому уговору за руль села Джоди, поскольку его состояние было пока далеко от нормального. Она опять злилась на него из-за выпивки, но это происходило постоянно и вряд ли заслуживало беспокойства. Они не обсуждали случившееся по пути в Пимлико; ехали в тишине, даже радио не включили. Боялись услышать в новостях: «Мужчина арестован по подозрению в изнасиловании после вечеринки в Бишопсдине». А Карен-то вообразила, что это Майк. Она так наклюкалась...

Да, Майк был другом Каллума, но он постоянно трахал Карен, и ему это сходило с рук. Карен страдала, теперь страдала и Эли. А с ним, Каллумом, просто случилось какое-то недоразумение. Он подошел к Карен, чтобы обнять. Ему показалось, она не против, но потом вдруг передумала. Он хотел успокоить ее, объяснить, что для них обоих будет плохо, если она станет кричать. Но она так напилась, что не смогла отличить одного мужика от другого. Тут ведь есть и ее вина...

Но в результате все как-то устроилось. Он ждал, что Джоди догадается, скажет, что знает, но она так и не сказала. Молчал и он. Они соскользнули обратно в свою жизнь, в работу и в подготовку к появлению ребенка так легко, будто вошли в бегущий поток чистой воды.

Глава тридцать шестая

Он все говорил и говорил, и слова порой теряли смысл, будто половина разговора шла у него в голове:

— Она была такая... Ну ты знаешь... Флиртует, аж из трусов выпрыгивает. И платье на ней такое... Приставала к Биллу, и я был так пьян... Эл, я почувствовал себя не мужиком. Да, я не мужик! Я знаю об этом, но не могу ничего изменить. И Джоди знает, что я не мужик, и ты... И понимаешь... Она. Какая она? То платье... Эл, я думал, она хочет секса. Платье, флирт... Боже, она так умеет завести! Карен-членодразнилка — так мы ее звали когда-то. Да, но к Майки она не приставала, нет. А он ничего не говорил мне, своему лучшему другу. Никогда не говорил. Но я узнал. Увидел ее сообщение у него в телефоне.

На секунду мне показалось, что он сейчас разревется от жалости к себе. Бедняга Каллум. Ему никто ничего не говорил. А еще он не мужик.

— Я думал, она хочет. Она была такая, такая... Ну ты понимаешь... Я увидел ее на лужайке, босую. И я к ней пошел — я думал, что она хочет. Она не оставила меня. Она не сказала «нет». Ты знаешь Кар, она любит грубость. Точно говорю. Любит грязные штучки. На нее только посмотришь, и это сразу видно. Так что мы... я продолжил. И я был сильно пьян...

Я словно примерзла к месту. Прямо передо мной на столе стоял стакан с виски и почти растаявшим льдом, но я не была уверена, что смогу поднять руку и взять его. Карен. Кровь на ее ноге. Каллум, валявшийся на диване, словно растянулся там давным-давно.

Но мне сейчас требовалось сохранять рассудок, хотя я будто совала руку в горящую топку.

— Каллум... Ты говоришь, что ты и Карен... Что вы с Карен в ту ночь занимались сексом?

Он кивнул, как собака в рекламе.

— Думал, она хочет... Мне плохо... Я не настоящий мужик. Джоди залетела от нормального мужика. И мне плохо...

— Так это ты, Каллум... Ты сделал это с Карен.

Он поморщился, как отруганный мальчишка.

— Думал, она хочет. Она не просила остановиться. Так неловко все вышло. Пихала меня, пихала. Поцарапала... Было больно... дикая кошка.

Мне необходимо оставаться спокойной.

— Но с ней... Ты кончил?

Он печально покачал головой:

— Нет. Я на такое не способен.

У меня внутри все перевернулось. Вдруг его преступление можно доказать с помощью анализов? Волос, кожи?

Интересно, чувствуют ли себя полицейские и юристы так, как я сейчас? Им утомительно снова пересматривать дело, собирать все доказательства, исписывать кипы страниц, собирать жидкости в пробирки вместо того, чтобы поднять руки и сказать: «Ребята, разбирайтесь сами». Как нам раскрыть преступление, если мы открываем один глаз — и у вас дружеский пьяный секс и хихиканье; открываем второй — а у вас уже ужасное нападение и годы в тюрьме? Разрушенные жизни. Женщина, которая больше не может спать в комнате, где есть окна. Так чувствовала себя Карен.

— Каллум... ты должен рассказать полиции, — сказала я, пытаюсь говорить очень разумно, как с нормальным человеком. — Ведь Майка могут посадить в тюрьму.

— Но он трахал ее! Он трахал ее годами! И в тот день он трахал ее! Я это видел по их ромам, когда приехал.

— Да, но она хотела секса с ним... Это не одно и то же.

— Как я должен был узнать, что она не хочет? — Вид у Каллума стал прямо-таки обиженным. — Она не говорила этого.

Вот оно — то самое, против чего я боролась столько лет. Убеждение, что женщина обязана четко сказать «нет», даже если она слишком пьяна и не в состоянии кричать или сопротивляться, или напугана так, что не в силах дышать. Но ведь я сама говорила про Карен: «Она была пьяна». И: «Посмотрите, какое она надела платье». И: «У них раньше был секс».

— Значит, Майк этого не делал, — почти прошептала я.

Он покачал головой.

— А что насчет Марты, Каллум? Ты... ты знаешь, что случилось с ней?

Он опустил глаза. Я ожидала, что Каллум скажет: «Нет, ее задушил какой-то незнакомец, как мы и думали».

Но он издал странный звук — нечто вроде рева. Смесь облегчения, раздражения и стыда...

— Я не хотел. Она была очень пьяна! Они вечно напиваются, начинают орать, и тогда их нужно остановить! Боже, как она шумела! Все бы услышали. Надо было ее остановить. Я не хотел.

Я сглотнула. Во рту пересохло.

— Значит, Майка не было с ней?

— Он пошел за выпивкой, хотел повысить свои шансы. Он уже с ней целовался. Это нечестно, разве нет? У него уже были ты и Карен, теперь он еще и Рэсби хотел заполучить! Да чего в нем, хрен его побери, такого особенного?! И что не так со мной?!

О, я тут же представила себе все это. Майк пошел за напитками. Марта ждет его в саду. Одна. Туда прокрадывается Каллум — может быть, после нашего с ним разговора, — пьяный, противный. Пытается успокоить. Лезет к ней своими лапищами. Хватает за хрупкую белую шею. О господи! Меня замутило. Передо мной сидел Каллум, мой старый друг Каллум, с опухшим красным лицом, и я должна была срочно решить, что делать. А в больнице рожала покинутая Джоди...

Я встала, ноги были как желе. Что же делать? Сейчас же вызвать полицию Бишопсдина? Ехать сюда им придется долго... Обратятся ли они к местным полицейским? Он уже несколько недель разгуливает на свободе. Я могла бы сказать Джейку, что ему больше нет резона пытаться убить Майка, который якобы напал на его мать. Именно мне, и только мне предстоит решать, что же будет дальше.

— Каллум, я принесу воды, хорошо? Понимаю, тебе нелегко...

Он кивнул и стал тереть лицо руками. Выглядел он ужасно, как будто за пару часов постарел на несколько лет. Я медленно прошла мимо него на кухню. Каблуки босоножек стучали по плитке, по той самой, которая вызвала мою зависть всего неделю назад. Я задержала дыхание и прислушалась. Из комнаты Каллума не доносилось ни звука. Я повернулась и открыла кран, потом взяла телефон и набрала номер Карен. Пока я ждала ответа, влажная ладонь зажала мне рот.

Глава тридцать седьмая

Я попыталась оттолкнуть Каллума. От него исходил мерзкий мясной запах. Его обручальное кольцо стукнуло мне по зубам.

— Каллум, какого черта!

Он убрал ладонь с моего рта, но схватил за руку.

— Эли, нельзя никому говорить. Все уже кончено. Все уже сделано.

— Не кончено! Майк может сесть в тюрьму...

— А я в тюрьму не собираюсь. Слышишь меня? Нет!

Все это было настолько абсурдно: мой друг прижимал меня к столу. Я никогда не думала, что он такой сильный, такой тяжелый. Он схватил телефон, сжал его, заляпал отпечатками пальцев экран.

— Отпусти меня! Да что же ты вытворяешь?!

Я попыталась его оттолкнуть, но с ужасом поняла, что не могу двинуться. Я не могла помешать ему сделать со мной все, что ему заблагорассудится.

Только в этот момент я окончательно поверила в то, что произошло на самом деле: Каллум изнасиловал Карен. Он сделал это в моем саду. Все началось точно так же, как сейчас: женщина вдруг поняла, что ее так называемый друг загнал ее в ловушку, и она беспомощна. Он изнасиловал Карен и много лет назад убил Марту. Все эти годы Майк тащил на себе несуществующую вину.

Я попыталась говорить дружелюбно:

— Каллум, ну же, это ведь я, Эли. Я не стану вызывать полицию. Я просто хотела проверить, как там Джоди.

— Джоди... — повторил он, и его хватка слегка ослабла.

Я позволила Каллуму забрать телефон, боясь, что тот разобьет его о плитку, но он положил мобильник на столешницу.

— Она рождает, — сказал Каллум бесцветным голосом.

— Точно. Почему бы нам не поехать к ней? — Только бы удалось вытащить его из дома, привезти в больницу, там есть охрана. Там люди. — Вызовем такси, хорошо?

Он раздумывал минуту, потом вдруг спросил:

— Ты же сказала полиции, что это Майк. Что он признался. Соврала, да?

— У меня не оставалось выбора. Надо было, чтобы Джейк помог Майку, стал донором печени.

Каллум потряс головой и прижал меня с прежней силой, бедрами и грудью.

— Эли, это нехорошо. Я тебе не доверяю. У Майка неприятности, а ты что делаешь? Ты повернулась к нему спиной. Через пять минут уже спала со старой Биллом.

— Я... — Тут он был прав, и я не знала, что сказать в свою защиту. — Пожалуйста, отпусти меня, мне больно.

— О, Эли... — Он то ли всхлипнул, то ли вздохнул. — Что же я собираюсь сделать?

Его неуклюжая рука провела по моим волосам — нечто среднее между ударом и лаской. Я всем телом чувствовала угрозу, в ушах билась кровь, в голове стучало: «Уходи! Уходи! Ты в опасности!» В голове проносились разные сценарии, и одновременно я успевала поражаться абсурдности происходящего. Он был моим другом, я доверяла ему. Шея хрустнула, когда он резким движением повернул меня лицом к себе.

— Почему это никогда не был я? И с Майки, и с Билли-боем... Почему не со мной?

От его жалобных интонаций меня чуть не вырвало.

— Ты был с Джоди. — Я старалась говорить спокойно, но голос звучал испуганно и сдавленно.

— Нет. Ты просто никогда не хотела меня.

Вот он уже дышит мне в лицо, тянется ко мне мокрым ртом. Как страшно... Но нет... Он же не сделает этого? Это безумие! Не может же он, в самом деле?.. Но мое тело уже поверило, и я завывала от страха:

— Нет, Каллум, нет! Перестань, перестань!

Я смотрела на него в упор. Одной рукой он вцепился мне в волосы, другой обхватил за талию.

Вдруг я почувствовала, что в комнате есть кто-то еще. Раздался треск битой посуды, и по изумленному лицу Каллума, прямо по глазу, потекла струйка крови.

А потом я увидела Карен. Она стояла, держа в руке остатки цветочного горшка. Осколки, листья и земля разлетелись по полу. Я никогда раньше не видела такой ненависти в ее лице.

— Как ты догадалась?

Она пожала плечами:

— Когда ты сказала, что он не может кончить, у меня в голове как будто щелкнуло. Насильник говорил об этом той ночью... Он прошептал: «Прости, я не могу...» А я тогда не поняла, не обратила внимания. Но после твоего звонка в голове точно прояснилось. Я как раз ехала на такси в больницу — но вместо этого дала таксисту их адрес.

— Слава богу!

Она кивнула с непроницаемым лицом. Я была рада, что мы разговариваем в полицейском участке — на нейтральной территории, где все словно обеззараживал яркий свет. Ни одна из нас не стала бы

устраивать здесь сцену. Карен сидела напротив меня, за окном проносились огни машин. Мне показалось, полицейские оставили нас здесь, потому что не очень понимали, что делать с этими женщинами средних лет, испачканными кровью, которые позвонили и очень спокойно рассказали, что произошло. Лицо Карен было напряженным, когда она произнесла: «Мужчина напал на мою подругу, и я ударила его цветочным горшком. У него идет кровь».

Она назвала меня подругой!

Каллума отвезли в ту же больницу, где лежала Джо-ди. Имело ли это теперь значение? Мысли роились в голове, будто назойливые мухи. Как сообщить Джо-ди, что сделал ее муж? Ее сыну еще не исполнилось и нескольких часов, а его отец оказался насильником и убийцей. Каково узнать такое о своем муже, когда ты только что произвела на свет ребенка?

— Повтори еще раз, что он сказал, — попросила Карен.

Я уже поведала ей все, что услышала, но информация, видимо, не дошла до ее сознания, утекла, как вода сквозь сито. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Что видел тебя на лужайке и подумал... подумал, что ты с ним флиртуешь. Говорил он очень бессвязно. Но, так или иначе, Кар, это сделал он.

— Он! — точно выплюнула она сквозь зубы.

— Ты... ты думаешь, что это правдоподобно? — осторожно спросила я, имея в виду, возможно ли, что в ту ночь сексом с ней занимался Каллум, а не Майк. «Заниматься сексом»... Да, совершенно неподходящая формулировка, но я все еще не знала, как сказать правильно. — Это он напал на тебя?

Карен ответила не сразу.

— Я не лгала. Запах одеколона, джемпер — все как у Майка.

— Этот джемпер был спрятан в куче веток.

И я рассказала ей о находке Бенджи.

— Кто-то хотел, чтобы его сожгли?

— Думаю, да. Майк снял джемпер перед ужином. Помнишь, было ведь очень жарко. Джемпер лежал на крыльце. Я еще тогда рассердилась, потому что Майк вечно разбрасывал вещи.

Почему я говорила о нем в прошедшем времени? Думала, что он умрет, или понимала: в любом случае дороги назад для нас с ним нет?

Карен сжала губы, съежилась, руки, державшие пластиковый стаканчик, дрожали.

— Он надел его, и я подумала, что это Майк.

— Может, ему стало холодно... — сказала я и осеклась.

Непонятно почему, но я будто защищала Каллума. Хотела смягчить все самое ужасное. Словно пыталась уберечь себя, хотя пострадала Карен — и телом, и душой.

— Он знал. О нас с Майком. Майк говорил, что, кажется, Каллум подозревает его.

«О нас с Майком». Эти слова должны были резать как нож, но сейчас внутри у меня все будто застыло, хотя я понимала, что позже раны заболят вновь.

— Да, он знал, — кивнула я.

Сказал бы Каллум мне об этом когда-нибудь? Неужели всем моим друзьям было известно и они молчали?

— Он предполагал, что я приму его за Майка и захочу... не стану сопротивляться. Я была пьяна, очень сильно пьяна. Ты просто не представляешь, каково это — когда такое делают с тобой, а ты не в состоянии вырваться, не можешь даже пошевелиться... Он придавил мне ноги коленями. Я еле дышала и не могла его увидеть. Было очень темно, все, что я видела, — это джемпер... И еще чувствовала запах...

Наконец все становилось на свои места, и теперь я удивлялась, что ничего не понимала раньше. Как всегда — ослепленная, ненаблюдательная. Все время смотрела не туда. Майк очень сильно надушился в тот вечер и, конечно, хотел принять душ до ужина, но я на него заворчала, не зная, что за десять минут до моего прихода он был с Карен. Он хотел смыть ее запах, запах секса, которым пропитался его джемпер. Поэтому он снял его и бросил на крыльце.

— Что теперь? — спросила я, не зная, как мне вести себя с ней и чего от нее ожидать.

— Мне кажется, я схожу с ума. Я была уверена, что это Майк.

Но ведь я тоже поверила в это.

— Прости меня, — сказала я дрогнувшим голосом. Но в два слова не могло уместиться все, за что я просила прощения. — Я не должна была говорить про тебя то, что говорила.

Ее подбородок вздернулся:

— Но мои обвинения тоже оказались ложными, Эли. Ведь так?

Я сглотнула.

— Может, и не совсем. Ты же была уверена, что это он.

— Да. И я надеюсь, ты меня поймешь.

— Конечно. Я уже наказана... Меня уволили. Моя карьера окончена.

— Какая путаница... Какая дикая путаница! Что же теперь делать?

— Мы должны обо всем рассказать полиции. Каллум мне признался и теперь вряд ли станет отпираться. А ты можешь заявить, что вспомнила, как все было, и с Майка снимут обвинения.

— Но он же все равно болен.

— Да, очень болен. А Джейк — единственный донор.

Казалось, Карен складывала в голове пазл.

— Ладно! — Она хлопнула себя по бокам, словно пытаясь добавить решительности. — Я это сделаю. Заявлю, что Майк невиновен. А потом мы навестим Джоди. Для этого и предназначены подруги. Она там совсем одна, а так не должно быть.

Вероятно, сейчас она заглянула в прошлое — в тот день, когда родился Джейк, а я утащила Майка из больницы, чтобы немедленно заняться с ним сексом и зачать ребенка. Может, на уровне подсознания я все же понимала, что Джейк — его сын? И была такой эгоисткой, что убедила себя наплевать на все? Я никогда этого не узнаю. Сколько же боли мы с Карен причинили друг другу! Мы — как весы, на обе чаши которых навалили груды камней.

— Ты пойдешь со мной? — спросила Карен, поднявшись. — Поможешь мне, будешь рядом?

— Конечно, — ответила я, и мы двинулись к дверям плечом к плечу.

Эпилог

Ветер покачивал табличку «Продается». Лето подходило к концу. Через пару недель Бенджи предстояло вернуться в школу, а Кэсси — отправиться в колледж. Правда, уже не в Бишопсдине. Мы покидали этот город и надеялись, что к Рождеству купим на деньги от продажи дома жилье поскромнее. А пока переезжали в квартиру, которую сняли на время, — неподалеку от той, где прошло детство Кэсси.

Бенджи ворчал, что не хочет расставаться с друзьями, но, кажется, понимал необходимость переезда. Для Кэсси же это был вопрос жизни и смерти. Она перечеркнет историю с фотографией и попытку покончить с собой. Начнет все заново там, где никто не знает, что с нами произошло.

Она подошла ко мне, когда я стояла в дверях и смотрела на надпись «Продается». Табличка висела рядом с тем местом, где на Карен напал Каллум.

— Тебе грустно, что мы продаем дом? — спросила Кэсси.

— Нет, не очень. Я не представляю, как мы смогли бы жить здесь теперь.

Дом моей мечты, несбыточной мечты. Мне всегда казалось, что я не заслужила его. А теперь он навеки запятнан случившимся с Карен и с Кэсси. И всем остальным.

Мне пришлось расстаться и с надеждой наказать Аарона. Ему и в голову не пришло считать свой поступок скверным, и многие люди согласились бы с ним. Даже Кэсси не была убеждена, что в случившемся нет ее вины — ведь, в конце концов, она сама отправила

ему фото. По крайней мере, я больше не наткнулась ни на Аарона, ни на его ужасную мамашу в магазине. Чем больше я думала обо всем, тем сильнее удивлялась, что считала Бишопсдин и этот дом подходящим местом для себя.

Кэсси кивнула и позволила мне обнять ее за плечи.

— Бабуля приедет к нам в гости, когда мы поедем?

Мать прожила у нас целый месяц. Мне очень хотелось бы считать, что наши с ней противоречия остались в прошлом, но этого не случилось. Однако она сумела подружиться с внуками. Видимо, нашла способ показать им свою любовь — как никогда не показывала мне. Простить мать полностью за то, что она никогда не восставала против отца, я не могла. Но обещала себе попытаться понять ее, памятуя, как сама отчаянно цеплялась за привычную жизнь.

Майк уже переехал в Лондон. После трансплантации он быстро пошел на поправку и уже на следующий день очнулся в здравом уме, полный раскаяния. Мы пришли к выводу, что наш брак спасти не стоит. Как и в случае с домом, возвращение к прошлому было невозможно. Майк поселился в квартире неподалеку от той, куда переезжали мы. На работе он восстановился, и его босс, похоже, теперь стыдился своих сомнений.

Карен и Джейк вернулись в Бирмингем, и я не знала, когда увижу их снова. Слышала, что Джейк перенес трансплантацию не так легко, как мы надеялись, и несколько раз ему пришлось снова ложиться в больницу. До суда его выпустили под залог, и я рассчитывала, что ему вынесут мягкий приговор, учитывая, что он сделал для Майка. Я старалась не чувствовать себя виноватой по отношению к нему.

Что касается Каллума, то судить его должны были осенью — не только за изнасилование, но и за убийство.

Из-за тяжести преступлений его не отпустили под залог, и он находился в лондонской тюрьме. Мне предстояло увидеть их с Карен в зале суда, и я готовилась к тому, что это будет очень непросто. Мне еще повезло, что меня саму не обвинили за дачу ложных показаний, хотя констебль Дивайн прозрачно намекнул, что знал о моем обмане.

Джоди назвала сына тевтонским именем Эрик и полностью прекратила отношения со всеми нами. Мой подарок к его дню рождения вернулся ко мне по почте. Я сомневалась, что когда-нибудь мы увидимся снова. Я бы хотела сказать ей, что ни в чем ее не виню, что никто из нас не знал, каков Каллум на самом деле. Но не уверена, что она стала бы слушать.

Я снова обняла Кэсси:

— Ты начала собираться? Машина скоро приедет.

Она притворно закатила глаза, и я обрадовалась, что моя дочь возвращается к себе прежней.

— Да у нас еще полно времени, — ответила она.

— Не так уж много. На то, чтобы навести здесь порядок, уйдет несколько часов.

Вдруг раздался хруст гравия. Я выглянула в окно и увидела, что возле дома пытается припарковаться большой фургон Билла.

— А вот и он, — сказала я Кэсси. — Давай складываться.

Джоди

— Тихо, малыш, мама рядом, все хорошо.

Было еще очень рано, около пяти утра. О, как чудесно находиться дома вместе с ним, с ее малышом! Сын. Наконец-то. После стольких лет. Когда он захныкал, Джоди взяла его из кроватки, стоявшей так близко к ее постели, что она чувствовала его дыхание, и приложила к груди. Он начал сосать, и она улыбнулась.

Ее ребенок, которого она ждала целых пятнадцать лет, с ней!

Трогая его нежную щечку, она снова подумала, правильно ли поступила. Если бы она вернулась в ту ночь и сделала по-другому, изменило бы это финал? Возможно, и нет. Она откинулась на подушки и позволила себе погрузиться в воспоминания, которые гнала от себя все эти недели.

Что-то разбудило ее. Но такое часто с ней случалось с начала беременности. Джоди просыпалась посреди ночи, волосы на коже вставали дыбом, сердце колотилось так, точно вот-вот выскочит из груди. Она не понимала, почему это происходит. То ли ее будила тень, упавшая на кровать, то ли шум машины, проехавшей мимо окон. Казалось, тело постоянно пребывает в состоянии боеготовности, чтобы защитить ребенка.

Она не сразу сообразила, что находится в комнате для гостей в доме Эли. Непривычный запах белья. Тишина за окном. Пыль под кроватью, где не очень хорошо пропылесосили. Но сейчас она вдруг уловила какой-то шум и почувствовала, как напряглись нервы.

Джоди встала и посмотрела в окно на большой темный сад. Несправедливо. У них с Каллумом имелся только крохотный внутренний дворик, хотя их дом стоил миллионы. Тревога наполнила ее, когда она дотронулась до живота. Но ведь все будет в порядке! Каллуму удалось избежать неприятностей на работе: девице, с которой он переспал, заплатили, и он обещал, что проблем не будет.

Джоди хотела дать ребенку все, включая себя, которая не должна ходить на работу. Эли ведь не работала, значит, и она, Джоди, сможет позволить себе такое.

В сад проникал только слабый, призрачный свет, льющийся из кухонного окна, и она отметила, что

на улице очень темно. В Лондоне из-за светящихся вывесок ночью иногда было светло как днем.

Во тьме едва-едва виднелась какая-то фигура. По босым ногам, чуть белевшим на фоне густой черноты, Джоди узнала Карен. Джоди поцокала языком. Карен выставила себя на посмеище: надела платье, которое и для Кэсси было бы слишком коротким, да еще укладывала свои голые ноги на колени Билла. Бедняга, он ведь никогда не интересовался Карен, и ее пристаивания ему не нравились. Билл такой спокойный, тихий, добрый. Перед ужином он предложил Джоди руку, чтобы провести в сад к столу, а потом не отходил, пока не убедился, что ей удобно.

Что же делала Карен? Джоди подняла занавеску и всмотрелась, давая глазам привыкнуть к темноте. Карен просто бродила босиком по траве с бутылкой в руке. Такой Джоди ее уже видела однажды. Той ночью, на балу. При этом воспоминании Джоди ощутила приступ гнева. Может быть, стоило выйти и отвести Карен в постель. Ей же перевалило за сорок, у нее взрослый сын, а она до сих пор ведет себя как девчонка.

Джоди бросила взгляд на часы возле кровати. Цифры на них горели раздражающим красным светом, показывая фазу сна. Три двенадцать ночи. Черт, где же Каллум? Где-то заснул, скорее всего. Джоди вышла на лестничную площадку, и если бы кто-то спросил ее зачем, она не сумела бы ответить. Просто вдруг ее всю, с головы до пяток, затопил панический страх.

В доме висела тишина. Дверь в спальню Эли осталась распахнутой. Джоди увидела, как та спит, свернувшись клубком под одеялом, почти в позе эмбриона. Билл ночевал в комнате Бенджи, дверь в которую была закрыта. Интересно, почему Эли поселила его здесь, а Карен в гараже? Сквозь приоткрытую дверь в комнату Кэсси Джоди увидела Бенджи, который

спал на раскладушке сладким и безмятежным детским сном. Постель Кэсси пустовала. Куда она подевалась среди ночи? Джоди мысленно пересчитала всех: Билл, Эли и Бенджи спят; Карен — на лужайке; Джейк — в кабинете Майка над гаражом, возможно, тоже уже спит.

Но где Каллум?

Чувствуя привычное давление на мочевой пузырь, она сначала сходила в туалет, обратив внимание на ржавчину вокруг старых труб. Эли выбрала этот дом за ретрошик, но, вероятно, он нуждается в серьезном ремонте. Лучше жить в современном здании. Джоди вымыла руки, глядя на свое круглое лицо в зеркале. Ждать осталось недолго. После родов она возобновит тренировки, без которых не представляет свою жизнь, и опять обретет то тело, над которым так долго трудилась. Но ребенок стоит жертв.

Она вернулась на лестничную площадку. Каллума все еще не было. Ей хотелось бы помучить его, чтобы он спал где придется, но тогда наутро на него могут наткнуться дети. Вдруг он снял брюки или даже обмочился, как уже бывало не раз. Тогда она укладывала его в постель, стирала вещи, и все это молча.

Джоди спустилась по лестнице, держась за перила, потому что много весила и постоянно боялась упасть и навредить ребенку. Это как ходить с привязанной к животу бомбой. Тревога не исчезала. Оказавшись внизу, Джоди заметила, что с двери со стороны леса снята цепочка. Она прошла на кухню, уставленную грязной посудой и полупустыми бутылками; пробки и куски фольги валялись на столах. Долго же придется прибираться. Потом что-то заставило ее выйти на улицу.

На качелях перед домом кто-то лежал. Она увидела бледное лицо Майка, он спал с открытым ртом. Джоди

снова поцокала языком. Они были уже стары для такого. Из всей их компании понимали это, похоже, только Эли и она сама. Только они двое думали о еде на завтра, грязной посуде и о том, что перед тем, как уютно свернуться в постели, надо запереть двери дома.

На лужайке Джоди заметила движение. Две фигуры как-то странно шевелились — не то танцевали, не то боролись. Она остановилась неподалеку, почувствовав, что в угги начала проникать сырость. Можно было окликнуть этих двоих, но она не узнала их в темноте.

— Карен? — спросила она на всякий случай. — С тобой все в порядке?

Движение прекратилось. Кто-то грузно и неловко подался назад, а потом пошел к дому, шатаясь, как пьяный. Она прищурилась, будто это могло помочь разглядеть, что происходит. Приближавшийся к ней человек был в красном джемпере. В джемпере Майка. Но сам Майк был одет в поло с короткими рукавами, и его руки на холодном воздухе покрылись мурашками. За чем же Каллум, а это был он, надел джемпер Майка?

— Что происходит?

Он не смотрел ей в глаза, но Джоди поняла, что муж чудовищно пьян. Он походил на свинью. Она уже видела его таким.

— Джод. Все норм... Все норм...

— А где Карен? Что случилось?

Она взгляделась в темноту. Там кто-то лежал, не двигаясь, но нельзя было различить, Карен ли это.

— Ничего. Иди спать.

Он хотел обойти ее, но она ухватила его за локоть. В нос ударил чужой запах — запах одеколона Майка. Она потащила Каллума в дом, заставив его снять у порога грязные ботинки. На подошвы налипла трава. Что-то побуждало Джоди действовать, причем

действовать быстро, не успев толком подумать. Это чувство было ей хорошо знакомо. Ведь ей уже приходилось прикрывать его. Увести, не допустить, чтобы кто-то его увидел. Иначе жизнь, которую она так долго, целых двадцать пять лет, строила и доводила до совершенства, тут же рухнет.

— Ложись, — прошипела Джоди, толкнув его на диван. — Ложись, ради бога, и сними это.

Не без труда стянув с Каллума джемпер, она подумала, что надо засунуть его в ту кучу мусора, которую заметила днем за сараем. Эли говорила, что садовник сожжет мусор в понедельник. А пока надо спрятать джемпер. Времени на размышления не было, но Джоди почему-то не сомневалась, как надо поступить. Оглядевшись, она затолкала джемпер под диван.

В ту ночь, больше двадцати лет назад, все произошло точно так же. Тогда, услышав, что кто-то пострадал, и увидев пьяного Каллума, бредущего с застывшим взглядом через лужайку, Джоди уже знала: в случае чего она скажет, что он всю ночь провел с ней. А еще ей нужно как можно скорее отнести его одежду в прачечную и быть очень осторожной. Что бы он ни сотворил, она должна обезопасить их от всего, что способно разрушить ту жизнь, в которую они собирались погрузиться в Лондоне. Престижную жизнь успешных юристов: прекрасный дом, каждый год — новая машина. Для Каллума это — само собой разумеющееся, ведь он вырос в богатой семье, а для бедной Джоди — это мечта всей жизни. В ту ночь, как и сегодня, она знала, что должна защитить свое будущее.

Скоро у нее родится ребенок, и она наконец окончательно получит все, чего хотела. Поэтому надо аккуратно подчистить его «косяки». Недаром она занимается уголовным правом, у нее талант к этому: латать дыры, искать недостающие детали.

В ту ночь Каллум послушно улегся на диван, закинув руки за голову. Он был очень пьян и уже начинал засыпать.

— Прости, — пробормотал он, — прости, Джод. Она сама хотела.

Эти слова Джоди спрятала глубоко внутрь себя вместе со многими другими, которые всплыли позже, и пошла к двери. Теперь надо было действовать еще быстрее, потому что наверху послышались шаги. «Она хотела», — повторила Джоди шепотом.

На кухне она выглянула в окно и увидела, что в темноте снова кто-то движется. Карен ли это? Если она, то почему не заходит в дом? Неожиданно на лестнице показалась Эли в белоснежной ночной рубашке. Джоди моментально схватила кофейник, чтобы стало понятно, зачем она спустилась на кухню. Именно в этот момент она услышала первый крик Карен.

Сын перестал сосать, захныкал и принялся толкать ее маленькими ручками, и она переложила его ко второй груди, почувствовав прилив радости. Как же это было просто и каким умным оказалось ее тело. Оно все делало правильно. Глядя, как малыш насыщается, она подумала, что ей не так уж и нужен Каллум. Наверное, она просто боялась остаться одна с маленьким ребенком, ведь ей предстояли большие расходы. Боялась признать, что ее брак неудачен, страшилась стать матерью-одиночкой. Это было весьма далеко от ее идеала. Но беспокоиться не стоило. Какой, в самом деле, толк от Каллума, вечно пьяного и слезливого, да еще ноющего, что ребенок не его. Ей надо было уже давным-давно обзавестись малышом, не беря мужа в расчет.

Еще несколько недель назад мысль, что Каллум во всем сознается Эли, приводила ее в ужас. Вот почему они так мало виделись после вечеринки. Кроме

того дня, когда Каллум ездил к Эли и пытался выяснить, что известно полиции. Она очень рассердилась на него за тот глупый и легкомысленный поступок. Ее первым порывом всегда было скрыть его ошибки, убрать беспорядок — к этому привыкаешь, если ты за мужем за алкоголиком.

Так она поступила и в ту ночь, еще не зная, что именно скрывает. Потом Карен обвинила Майка, и Джоди, затаив дыхание, молчала, выжидая, чем все закончится. Она, специалист по уголовным делам, понимала, что вряд ли Майка признают виновным. Но шли недели, и Каллум вел себя все хуже и хуже: спал на полу пьяный, получал предупреждения на работе — ему уже угрожали увольнением. Тогда она поняла, что ошибалась. Защищать стоило только ее с ребенком будущее, потому что общее будущее для них с Каллумом теперь исключалось.

Когда Эли сказала, что поедет искать Каллума, она могла ее остановить. Но не сделала этого, хотя была уверена, что ее пьяный, слетевший с катушек муженек все выболтает.

Теперь Каллум надолго сядет в тюрьму. Возможно, они с ним больше никогда не увидятся... Значит, и дом, и ребенок будут принадлежать только ей одной. Но кто посмеет осудить ее, зная, что он совершил.

Джоди погладила щеку сына, а тот отпустил грудь и мимолетно, еще не по-настоящему, улыбнулся ей.

Действительно, для них двоих все сложилось просто замечательно. О лучшем и мечтать не стоило.

КОНЕЦ

Оглавление

Пролог	5
Глава первая.....	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая.....	32
Глава шестая.....	50
Глава седьмая	60
Глава восьмая	70
Глава девятая	76
Глава десятая	83
Глава одиннадцатая.....	90
Глава двенадцатая	96
Глава тринадцатая	110
Глава четырнадцатая.....	114
Глава пятнадцатая	129
Глава шестнадцатая	137
Глава семнадцатая.....	145
Глава восемнадцатая.....	152
Глава девятнадцатая.....	157
Глава двадцатая	167
Глава двадцать первая.....	171
Глава двадцать вторая	184
Глава двадцать третья	190
Глава двадцать четвертая	197
Глава двадцать пятая.....	206

Глава двадцать шестая.....	213
Глава двадцать седьмая	220
Глава двадцать восьмая	225
Глава двадцать девятая	234
Глава тридцатая.....	244
Глава тридцать первая	260
Глава тридцать вторая.....	265
Глава тридцать третья.....	271
Глава тридцать четвертая	281
Глава тридцать пятая	286
Глава тридцать шестая.....	297
Глава тридцать седьмая	301
Эпилог	308

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Клер Макгоуэн
ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Елена Ступненкова*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 27.05.2021.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печ. л. 10,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 30.06.2021. Заказ № 2106710.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labyrinth.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

